

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
ТАШКЕНТСКАЯ И УЗБЕКИСТАНСКАЯ ЕПАРХИЯ

Восток Свыше

ДУХОВНЫЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 2001 ГОДА

ВЫПУСК
LXVII

№ 1-2
январь-июнь 2025

ТАШКЕНТ
2025

**По благословению
высокопреосвященнейшего
ВИКЕНТИЯ,
митрополита Ташкентского и Узбекистанского,
главы Среднеазиатского митрополичьего округа**

Главный редактор

Диакон Евгений АБДУЛЛАЕВ

Литературный редактор

Лейла ШАХНАЗАРОВА

Редакционный совет

Протоиерей Игорь БАЛУХАТИН

Александр ДЖУМАЕВ

Татьяна КОТЮКОВА

Вадим МУРАТХАНОВ

Екатерина ОЗМИТЕЛЬ

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО

Кирилл СУЛТАНОВ

Алексей УСТИМЕНКО

Юрий ФЛЫГИН

На обложках (сверху вниз):

Стр. 2: Митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий.
Роспись ташкентского Свято-Успенского кафедрального
собора.
Часовня Царственных Страстотерпцев (Стр. 14).

Стр. 3: Нина Аведова.
Нина Аведова в гостях у знаменитого мастера-изготовителя
народных инструментов Усто Усмана Зуфарова, 1960-е годы
(Стр. 100).

Восток Свыше. 2025, № 1-2 (LXVII)

Издается с 2001 года

ISSN 2010-5568

... **Посетил нас Восток свыше,
просветить сидящих во тьме и тени смертной,
направить ноги наши на путь мира.**
Евангелие от Луки 1, 78-79

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Галина КЛИМОВА. Фрески монастыря святого Креста в Иерусалиме ... 5

СЛОВО МИТРОПОЛИТА

**К 35-летию архиерейской хиротонии митрополита
Ташкентского и Узбекистанского Викентия**

«Стремись быть во всём примером пастве своей и пастырям...» 8

«Нужно было показывать пример...» *Беседа с преосвященным
Викентием, митрополитом Ташкентским и Узбекистанским,
главой Среднеазиатского митрополичьего округа 14*

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Календарные страницы *главного редактора*
От Торжества Православия до Входа в Иерусалим.
Шесть Недель Великого поста 19

ЛУГ ДУХОВНЫЙ

О чуде. О поклонах 48

Иерей Сергей КРУГЛОВ. «Царство Божие – здесь».
Избранные записи в Фейсбуке последних лет 52

ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ

*Чарльз УИЛЬЯМС. Схождение Голубя. Краткая история Святого Духа
в Церкви. Перевод с английского, предисловие и примечания
диакона Евгения Абдуллаева (продолжение) 65*

С о д е р ж а н и е (окончание)

ВОСТОК И ЗАПАД

**Материалы III Международной научной конференции
«Философия религии на Востоке и Западе»
(Ташкент, 30 апреля – 1 мая 2025)**

<i>Роберт СЛЕСИНСКИЙ</i> . Пресвятая Богородица: Ходатаица между Востоком и Западом	86
<i>Марцин БИДЕР</i> . Возрождение чина диаконис в контексте секуляризации России XIX – начала XX веков	92

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

<i>Александр ДЖУМАЕВ</i> . Познавая секреты мастеров. Страницы жизни искусствоведа Нины Аведовой (<i>окончание</i>)	100
--	-----

ОБЩЕСТВО. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО

Тема: Поэзия и Вера

«Ковчег – как книга...» <i>На вопросы ВС отвечает поэтесса</i> <i>Наталья МИХАЙЛОВА</i>	108
--	-----

ПРОЗА

<i>Михаил КАЛИНИН</i> . Дотронься если хочешь	115
---	-----

Авторы номера	165
----------------------------	-----

Информация для авторов	166
-------------------------------------	-----

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Галина КЛИМОВА

Фрески монастыря святого Креста в Иерусалиме

1. Триединое древо

Три тощих посоха,
три головни, во время Оно
воткнутые в худой пустыни лоно...

– Шалом вам, голосеменные,
вечнозеленые, честные!
Шалом, смиренный кипарис,
и певчий певг, и кедр –
все уроженцы коренные библейских недр!

Три тощих посоха лелеял и растил
избранник Лот, спасенный из Содома.
Просил, чтобы Господь его простил
за тяжкие прелюбы с дочерьми,
за искушение,
и ангельское свыше воспринял поручение.

Встав раным-рано, – не ближний свет –
Лот за ослятей к Иордану
тащился из последних сил,
назад кувшин воды он к ночи привозил,
три тощих посоха поил:
и певг, и кедр, и кипарис.

3. Шота Руставели

...я помню:
я вел
Руставели Шóтой
с царицей
с Тамарою
шашни.
Вл. Маяковский

Северный ветер с запахом хмели-сунели,
весточка из Тифлиса
в конце мясопустной недели.
– Это я – Тамар!
Или я – Тинатин?!

Черными птицами –
о, Ерусалим –
монахи запели.
Но замер, едва дыша, лишь один
Шота, по-грузински Шота.
Он монастырские распахнул ворота
и, на камнях простершись ниц,
руками ловил этот северный ветер –
слова и усмешку царицы цариц:
– Какая молитва твоя горячей,
когда ты поэт
или ты казначей?
Перо в скуфейке горит золотое,
прощальный мой дар.
Ты не лишился ума,
но – покоя, покоя...
Забудь Тинатин,
я – царица Тамар.
От стихов твоей «Похвалы похвал»
вздогнули горы и сванские башни,
забыты сплетни про наши «шашни»
назло врагам и цензуре.
Мой Шота,
мой витязь в тигровой шкуре,
вот вернешься в Рустави к себе домой,
а в небе зарево:
Кавказ подо мной...

СЛОВО МИТРОПОЛИТА

**К 35-летию епископской хиротонии митрополита
Ташкентского и Узбекистанского ВИКЕНТИЯ**

«Стремись быть во всём примером пастве своей и пастырям...»

От редакции. 2 сентября 2025 года исполняется 35 лет со дня архиерейской хиротонии преосвященного Викентия, митрополита Ташкентского и Узбекистанского, главы Среднеазиатского митрополичьего округа. 20 июля 1990 года решением Священного синода определён быть епископом Бендерским, викарием Кишинёвской епархии. 28 августа игумен Викентий, несший послушание помощника ризничего в Троице-Сергиевой Лавре, был возведен в сан архимандрита. 1 сентября, во время визита патриарха Всея Руси Алексия II в Молдавию, в Христорождественском кафедральном соборе Кишинёва, после всенощного бдения, был совершен чин наречения архимандрита Викентия во епископа Бендерского. На следующий день, 2 сентября, была совершена его архиерейская хиротония.

Ниже публикуются речь архимандрита Викентия при наречении во епископа Бендерского и речь Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II при хиротонии архимандрита Викентия во епископа Бендерского*.

Речь архимандрита Викентия (Мораря) при наречении его во епископа Бендерского

Ваше Святейшество Святейший Владыко и Отец, богомудрые архипастыри и отцы!

Предстоя перед вами в этот неповторимый и волнующий момент моей жизни, я хочу открыть перед вами то, что наполняет мое сердце и волнует мою душу, хотя и чувствую, что очень трудно говорить в такие минуты.

Когда я впервые услышал определение Вашего Святейшества и Священного Синода, моя душа исполнилась великим трепетом и смущением. В моем сознании появились мысли о большой ответственности архиерейско-

---

* Источник: Наречение и хиротония архимандрита Викентия (Мораря) во епископа Бендерского // Журнал Московской Патриархии. 1991. № 7. С. 11–13.

«Стремись быть во всём примером пастве своей и пастырям...»

го служения, высоте этого служения, о моем личном недостойнстве и многих моих немощах. Мое душевное смущение усугубилось неожиданностью назначения, ибо я не искал этого служения, не стремился к нему, потому что не видел в себе соответствующих нравственных и интеллектуальных качеств, необходимых для высокого и ответственного архиерейского служения. Вопреки моей воле было принято это определение. И в этом я вижу перст Божий, вижу волю Божию, ибо, как говорит апостол Павел, *Бог избрал немудрое мира... и уничиженное и ничего не значащее... для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом* (1 Кор. 1, 27-29).

Великие святители Христовы, сильные верой, твердые духом, святые по жизни, и те страшились этого призвания. Что же могу я сказать о себе и чем похвалиться? – Только немощами моими, ибо я юн годами и неопытен.

С глубоким страхом и сознанием своего недостойнства вспоминаю слова апостола Павла, определяющие нравственный облик епископа: *Епископ должен быть непорочен, как Божий домостроитель... держащийся истинного слова, согласного с учением, чтобы он был силен наставлять в здравом учении* (Тит. 1, 7-9). Смогу ли я свое служение церкви Христовой назвать добрым, могу ли я почитать себя Божиим домостроителем, заслуженно ли принимаю на себя степень епископского служения?

В ответ на эти вопросы вспоминаю свою жизнь, глубоко задумываюсь над ней и вижу больше телесного, чем духовного. *Вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного* (Рим. 7, 23).

Могу ли похвалиться глубоким знанием Священного Писания, настолько, чтобы это знание даровало силу не только исполнять основы *истинного слова*, но и наставить других в истинном учении, что является первой обязанностью каждого епископа?

Желающий стать преемником апостолов должен быть готов пить чашу, которую пил Христос, и не помышлять о том, чтобы сесть во славу по правую или по левую сторону от Христа. Но имею ли я дерзновение сказать, что я готов пить чашу епископства? *Господи, если возможно, да минует Меня чаша сия, впрочем, не как Я хочу, но как Ты... если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя* (Мф. 26, 39, 42).

Принимаю избрание на епископское служение как волю Божию и твердо верю, что всеобъемлющая благодать Святаго Духа изольется на меня через возложение ваших святительных рук и укрепит на великое служение Церкви Христовой, поможет *ходить достойным того звания* (2 Фес. 1, 11), к которому я ныне призываюсь. Прошу вас, ваше Святейшество, богомудрые архипастыри, возлагая свои руки на недостойную главу мою, вознесите теплые молитвы к Пастыреначальнику Христу, да дарует Он мне мудрость и силу, чтобы право править слово истины.

В эти минуты мое сердце с надеждой на благодатную помощь Божию

«Стремись быть во всём примером пастве своей и пастырям...»

обращается к Дому Живоначальной Троицы, Лавре Сергиевой, где я принял иноческий постриг, закончил свое богословское образование, где я особенно любил молиться перед святыми мощами великого угодника Божия преподобного Сергия.

Я очень благодарен Вам, Ваше Святейшество, что сподобился вместе с паломнической группой перед началом моего служения посетить святую Гору Афон, поклониться святыням этого славного места – удела Царицы неба и земли – и принять благословение многих святынь Православной Греции на мое архипастырское служение.

Уповая на помощь Божию, заступничество Божией Матери, благодатную силу Божией Матери, благодатную силу преподобного Сергия, игумена Радонежского, и всех святых, на горе Афонской просиявших, я молю Бога, чтобы он не оставил меня во моем служении. Верю и надеюсь, что всесильная десница Божия будет руководить мною в многотрудном служении, дабы мне быть *подлинным образцом для верных в слове, в житии, в любви, в вере, в чистоте* (1 Тим. 4, 12).

Усердно прошу вас, Ваше Святейшество, и вас, богомудрые архипастыри, возлагая свои руки на меня, грешного, испросите Спасителя Иисуса Христа, да дарует Он мне дух смиренномудрия и сокрушения о грехах моих, дабы мое служение было непостыдным и непосрамлённым, дабы предстать пред Престолом Божиим и наследовать Жизнь Вечную.

Приветственная речь Патриарха Московского и всея Руси Алексия II к епископу Викентию (Морарю)

Преосвященный епископ Викентий, возлюбленный собрат наш и сослужитель! Ныне через возложение рук архиерейских принял ты сугубую благодать священства. Велико это Таинство, ибо в нем подаются от Бога нам силы окормлять вверяемую нам паству. Как епископ, ты призван к руководствованию пастырями и пасомыми, которые ожидают увидеть в тебе исполнителя заповедей Пастыря Доброго – Господа нашего Иисуса Христа.

Промыслом Божиим и изволением Священноначалия Русской Православной Церкви определено тебе быть епископом Бендерским, викарием Кишинёвской епархии. Труды архипастырского служения суждено тебе совершать на твоей родине. Это должно подвигнуть тебя на ревностное прохождение поприща епископского. Ты знаешь благочестивый народ Молдавии; знаешь его душу, чаяния и нужды, и здесь Церковь ожидает от тебя благих плодов апостольского служения. С юных лет ты жил Церковью, неразрывно соединив со своей судьбой веру православную. Эта святая вера вселила в народ молдавский верность Богу, твердость духа и взрастила в

«Стремись быть во всём примером пастве своей и пастырям...»

нем истинно христианское благочестие. Народ и поныне хранит веру, укрепляя в сердцах наших уверенность в его будущем. Православие есть средоточие его жизни, дающее ему смысл бытия в Боге и направляющее на путь, ведущий в вечность.

Много славных деяний совершено православным народом молдавским за столетия, прошедшие со времени принятия им Святого Крещения. Из своей среды дал он такого подвижника веры и благочестия, как преподобный Паисий Величковский, утвердивший в пределах этой земли оплот Православия – Нямецкую обитель и возродивший иноческое подвижничество на Руси. Вижу, что святая вера жива и поныне в сердцах твоих соотечественников, потому что открывается здесь множество храмов, возрождаются обители и вновь, как и прежде, Церковь Христова становится духовным светочем для всех.

Тебе предстоит усердно трудиться на сем поприще: укреплять веру святую в душах благочестивых и возвращать ее ростки в приходящих к Богу. Верю, что и твоим участием *Бог воззовет прошедшее* (Еккл. 3, 15) и Молдавия будет славна тем, что соделали ее предки: землей, живущей Святым Православием и благочестием.

Ты призван днесь быть *домостроителем таин Божиих* (1 Кор. 4, 1). Движимый долгом, обращаю к тебе слово назидания пред лицом тех, кто молится сейчас Господу Богу о даровании им доброго архипастыря. Подвизайся *представить себя Богу достойным, делателем неукоризненным, верно преподающим слово истины* (2 Тим. 2, 15). Будь истинным хранителем апостольских преданий, помни, что *епископ должен быть непорочен, как Божий домостроитель, не дерзок, не гневлив... но страннолюбив, любящий добро, целомудрен, справедлив, благочестив, воздержан, держащийся истинного слова, согласно с учением, чтобы он был силен и наставлять в здоровом учении, и противящихся обличать* (Тит. 1, 7-9).

Деланием евангельских заповедей возгревай дар благодати, сообщенный тебе ныне чрез наше руковозложение; стремись быть во всем примером пастве своей и пастырям, к руководству над которыми ты избран, ибо только тогда явятся благоуспешными и плодотворными твои усилия, если окажешься исполнителем того святого учения, на благовестование которого ты посылаешься. Доброе свидетельство о тебе многих утверждает надежду нашу, что, поставленный викарным епископом Кишинёвской епархии, будешь ты *путеводителем слепых, светом сущих во тьме, наставником для невежд, учителем младенцев* (Рим. 2, 19-20) и добрым и надежным помощником правящего архипастыря Кишинёвской епархии.

Сегодня требуется особое усердие и великая мудрость от пастырей – и прежде всего от архипастырей, потому что десятилетия забвения благотворных начал веры не прошли бесследно; посему многие недугуют слепотой, стали младенцами в духовной жизни и оказались погруженными в сум-

«Стремись быть во всём примером пастве своей и пастырям...»

рак неведения путей Божиих; оттого человеческие души обуревают опасность впасть в соблазн разделения и вражды.

Ни на минуту не отступай в словах учения церковного и делах архипастырского служения от истины, и Господь подаст тебе Свою всеильную помощь. Блуди духовное *единство в союзе мира* (Еф. 4, 3) и любви Христовой; храни непоколебимой верность Православию, ибо в сем залог незыблемости и благоденствия народа твоего; не уставай учить сему и утверждать благочестие церковное. Будь верен своему призванию ко спасению многих; помни Пастыря Доброго, пришедшего не *для того... чтобы Ему служили, но чтобы послужить... для... многих* (Мф. 20, 28); и полагай душу свою за овец твоего стада, которое вручается тебе ныне чрез нас Богом и за которое имешь дать ответ Пастыреначальнику Христу.

Особую заботу прояви в деле приуготовления достойных пастырей для окормления благочестивого народа Божия. Назидай тщательно, дабы ищущие степеней священства были чужды какого-либо порока и имели доброе свидетельство от внешних. Нерадивых же исправляй беспристрастно, как Божий слуга, – и стадо твое пребудет целым и нерасхищенным. Питай пастырей, вверяемых тебе, чистым церковным учением, чтобы и они возмogli право руководствовать верных ко спасению.

Пред тобой – обширное поле для возделывания добрых плодов. Народ, пробужденный к вере, ищет помощи от тех, кто может научить людей благу, и обращается за этим к Церкви. Ныне поэтому не только в храмах возвещается слово Божие, но поистине везде, где только живы человеческие души для Бога: в школах, больницах, домах милосердия, детских домах, местах заключения и собраниях народных. Духовное возрождение общества невозможно без самого деятельного участия Церкви. Твой долг как епископа – указать народу Отечества своего и пастве пути *обновления духа* (Рим. 7, 6).

Ревностно и неутомимо исполняй возложенные на тебя труды воспитывать в пастве совершенную преданность Богу, Святой Церкви и действительную созидающую любовь к Отечеству. *В усердии не ослабевай, духом пламеней, Господу служи* (Рим. 12, 11). У тебя будет немало забот: это общий удел пастырей, но сила Божия *в немощи совершается* (2 Кор. 12, 9). В полном уповании на Бога неси воистину *благое иго* (Мф. 11, 30) следования Христу стезей архипастырской – и опытно изведешь силу этих апостольских слов.

Спаситель избрал Своих учеников для благовестия, обещав Свою благодатную всеукрепляющую помощь. Стяжи ее неуклонным исполнением заповеданного. Помни, что Христос Спаситель искупил всех нас ценой Своей Пречистой Крови. Подвиг исповедничества веры православной ожидает и тебя, как и каждого призванного к служению архипастырскому. Утверждай веру, укрепляй благочестие, возвещай истину, *возгревай дар Божий, кото-*

«Стремись быть во всём примером пастве своей и пастырям...»

рый в тебе чрез наше рукоположение; пребывай в том, чему научен и что тебе вверено; переноси скорби, совершай дело благовестника, исполняй служение твое (2 Тим. 1, 6; 3, 14; 4, 5).

Хочу назиданием апостольским запечатлеть в памяти твоей слышанное: *Пред Богом, всё животворящим, и пред Христом Иисусом... завещаю тебе соблюсти заповедь чисто и неукоризненно, даже до явления Господа нашего Иисуса Христа (1 Тим. 6, 13-14).*

Прими же сей жезл, вручаемый тебе нами, как от руки Христовой, в знамение силы и власти святительского служения; проходи сие послушание церковное с мудростью. Да будет же этот жезл охраняющим твое стадо и направляющим его ко спасению.

Теперь взойди на это священное место и преподай свое первое архипастырское благословение народу Божию, чающему видеть в тебе образ *Доброго Пастыря* (Ин. 10, 14) и молящемуся о сем ко Христу, Спасителю нашему.

СЛОВО МИТРОПОЛИТА

**К 35-летию епископской хиротонии митрополита
Ташкентского и Узбекистанского ВИКЕНТИЯ**

«Нужно было показывать пример...»

*Беседа с преосвященным Викентием, митрополитом Ташкентским
и Узбекистанским, главой Среднеазиатского митрополичьего округа*

– Дорогой владыка, прежде всего, позвольте от имени редакции нашего журнала поздравить вас с приближающимся 35-летием вашей епископской хиротонии. И хотя наша беседа будет больше посвящена вашему служению в Средней Азии, всё же хотелось бы вначале услышать, каким был для вас тот день, 2 сентября 1990 года.

– Да, конечно, он очень хорошо мне запомнился. Хиротония была совершена на Литургии в кишинёвском кафедральном соборе. Возглавил ее патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Присутствовал на ней и митрополит Владимир (Сабодан)...

– Он совершал и ваше рукоположение во иеродиакона и во иеромонаха...

– Да, и все восемь лет, пока я учился в Троице-Сергиевой Лавре, в семинарии и в академии, был моим ректором. И вот, Господь сподобил, что он участвовал и в моей епископской хиротонии. Помню, как он искренне радовался.

Участвовали также владыка Даниил, ныне патриарх Румынский; митрополит Одесский Леонтий; владыка Кишинёвский и Молдавский Владимир, тогда еще архиепископ; епископ Арсений, ближайший помощник святейшего Патриарха. Участвовал и епископ Петр, который, к сожалению, потом перешел в юрисдикцию Румынской православной Церкви. Его рукоположили за день до меня.

Эти дни были большим торжеством для всей Молдавии: во-первых, Святейший приехал, а во-вторых – сразу две архиерейские хиротонии. Кажется,

«Нужно было показывать пример...»

такое было впервые в истории молдавской Церкви: чтобы Патриарх Всея Руси приехал в Молдавию и рукоположил сразу двух архиереев. Да еще и два дня подряд, в субботу и в воскресенье.

– А вы были знакомы с патриархом Алексием до этого?

– Да, он часто приезжал в Троице-Сергиеву лавру, еще будучи митрополитом Таллинским, а затем Ленинградским. Особенно на праздники, связанные с памятью преподобного Сергия; возглавлял службу в Трапезном храме. Я тогда почти десять лет нес послушание помощника ризничего; должен был организовать всё на должном уровне. И после службы он благодарил, что служба прошла хорошо, всё было спокойно, молитвенно... И Святейший меня с тех пор, видимо, запомнил; и когда встал вопрос о новом епископе для Молдавии, то вопросов в отношении моей кандидатуры, как мне передавали, не возникло. Есть такая традиция: перед тем как совершить епископскую хиротонию, кандидата вызывают на Синод, беседуют с ним, задают вопросы... А меня даже не вызывали; знали по Лавре.

– Время было непростым, через год произошел развал Союза, события в Приднестровье....

– Да, начались брожения... И когда я приехал после рукоположения в Бендеры, смотрю: народ на площади стоит, шум, крики... Захожу в собор, – а он как раз находился рядом с горсоветом; слышу, с площади вызывают меня, скандируют: «Батюшка, давай, помоги нам; мы тут правды не можем найти!..». В самую гущу событий попал. Потом началась эта война между Молдавией и Приднестровьем... Страшно было. В Бендерах ехал на службу – а вокруг всё усеяно трупамми...

Слава Богу, это закончилось, началась мирная жизнь. Пытались и храмы открывать, воскресные школы, с молодежью работать... Приходилось многое делать самому. У местных священников опыта еще не было, нужно было показывать пример.

– Дорогой владыка, а теперь если мысленно перенестись из начала 1990-х – в начало 2010-х, когда 27 июля 2011 года решением Синода вы были назначены правящим архиереем Ташкентской и Узбекистанской епархии и главой Среднеазиатского митрополичьего округа... Вы бывали до этого в Узбекистане?

– В Ташкенте я был в 1973 – 1974 годах на празднике Рождества Христова, при владыке Варфоломее. Но было это очень давно. В других республиках Средней Азии я до этого не бывал. Конечно, для меня всё было новым. Нужно было знакомиться с традициями, с бытом, с жизненными устоями – и узбекского народа, и таджикского, и киргизского, и туркменского... Во всех этих странах я вскоре побывал и встречался и с руководством, и с простыми людьми.

«Нужно было показывать пример...»

– *Какие были ваши первые впечатления?*

– В Узбекистане, а потом и в других среднеазиатских странах поразила нравственная чистота простого народа. Например, когда я служил в Екатеринбурге, было невозможно смотреть на рекламные щиты на улицах: они были заполнены такими изображениями, что и сказать стыдно... Мы даже пытались бороться с этим. А сюда приехал – глаз радуется. Никакой порнографии, никакой пошлости – просто рекламируют какой-то товар; всё чисто, красиво.

Ну и, конечно, сами люди: с самого начала поразило их добродушие, великодушие. Я сразу почувствовал себя в очень теплой, дружелюбной атмосфере. Помню, меня пригласили в один гостеприимный дом, – было такое приятное общение, знакомство с местными традициями... В местных традициях нет ничего безнравственного, ничего того, что вызывало бы какие-то опасения. Всё разумно, по-человечески.

– *За время вашего пребывания на Ташкентской кафедре в республике было много построено, перестроено, капитально отремонтировано множество церквей. Прежде всего, был обновлен главный храм епархии – ташкентский Свято-Успенский кафедральный собор. Перестроен алтарь, изменен свод, расписаны стены... Но самое заметное для всех изменение – это новый фаянсовый иконостас и киоты для икон. Случайно узнал, что это так называемый сысертский фарфор, изготавливаемый в городе Сысерти в Свердловской области. Как сысертский фарфор попал к нам?*

– Когда я служил в Екатеринбурге, наша епархия приобрела этот фарфоровый завод. Алексей Петрович Воробьёв, занимавший тогда пост председателя Правительства Свердловской области, обратился к нам с таким предложением: этот исторический завод чахнет, он не может конкурировать с посудой, привозимой из Китая; а если вы станете производить там церковную утварь, он, возможно, еще оживет. Нашлись благодетели, которые помогли нам выкупить этот завод, установить там новое оборудование, новые печи. Там до этого стояли дореволюционные печи, еще рабочие, но качество уже было не тем... И завод ожил. Мы делали много иконостасов и киотов, по всей России и не только. Даже в Риме есть, и на Афоне есть. И не только иконостасы – и престолы, и жертвенники, и лампы, и подсвечники...

И когда я приехал сюда, в Ташкент, и посмотрел – все киоты разные, в разном стиле, многие еще с советских времен... Нет, осуждать это нельзя: не было тогда возможностей всё создавать в едином стиле. Хотелось, чтобы всё было гармоничным – и иконостас, и киоты... Потом мы расширили в два раза алтарь, заменили старый деревянный потолок на новый, сводчатый. После этого пригласили иконописцев из Екатеринбурга, они расписали храм.

«Нужно было показывать пример...»

В 2017 году Узбекистан посетил Святейший Патриарх Кирилл и освятил наш собор. Отметил, что собор очень преобразился. До этого он бывал здесь в конце 1980-х, когда здесь служил владыка Лев, нынешний митрополит Новгородский и Старорусский. И он сказал, что то, что у него запечатлелось в памяти по тому посещению, и нынешний собор – это, конечно, разные вещи. И что сейчас ташкентский собор по своему виду и убранству вполне достоин быть главным храмом и Ташкентской епархии, и Среднеазиатского митрополичьего округа.

Конечно, нельзя умалять заслуги предыдущего архиерея, митрополита Владимира (Икима). Он тоже вложил немало труда для украшения собора, и придел Трех святителей, с прекрасным иконостасом и иконами, был построен при нем. И новая колокольня – тоже его стараниями, его трудами была построена. И вот это здание, где мы сейчас находимся, епархиальное управление... Так что владыка Владимир внес очень большой вклад. И мы тут, можно сказать, только досовершенствовали то, что уже было сделано. Хотя совершенству, конечно, предела нет.

– Стоящая рядом с собором часовня в честь Иова Многострадального и Царственных страстотерпцев появилась уже при вас. Как возникла идея ее строительства?

– Она возникла, когда мы приступили к расширению алтаря. Алтарь, вы помните, был слишком маленьким для наших соборных служб. Встал вопрос, что делать со стенами прежнего алтаря. Они были возведены в тяжелое для Церкви время, в конце 1950-х годов, при архиепископе Ермогене (Голубеве), при котором и был наш собор построен. И мне было очень неудобно эти стены куда-то закапывать* или как-то уничтожить – тем более с такими прекрасными росписями. И тогда пришла мысль: не разбирать стены прежнего алтаря, а разрезать их на несколько крупных частей и возвести, на их основе, новую часовню где-нибудь рядом с собором.

Так возникла эта трехуровневая часовня. Нижний уровень – усыпальница, второй – в честь Иова Многострадального и Царственных страстотерпцев, а третий – в честь апостола Фомы и пророка Даниила. Это самые почитаемые в Узбекистане святые: и Иов Многострадальный, и пророк Даниил, и апостол Фома – все они, по преданию, бывали на этой земле. И имена Царственных страстотерпцев тоже связаны со Средней Азией; при последнем императоре здесь шло большое церковное строительство, был расцвет Православия. К сожалению, после 1917 года, после свержения царской династии, всё это было насильственно порушено. Так что часовня – это дань памяти всем этим святым.

* Крупные освященные предметы, которые невозможно использовать далее (фрагменты разрушенных церковных сооружений, пришедшие в ветхость намогильные кресты и т.д.), обычно либо сжигаются, либо закапываются. (Прим. ВС.)

«Нужно было показывать пример...»

– Наряду с церковным строительством, ваше пребывание в Средней Азии связано и с устроением новых форм управления Церковью. Это создание Среднеазиатского митрополичьего округа, главой которого вы являетесь. Как возникла идея создания этого Округа и его Синода?

– Решение о создании Синода Среднеазиатского митрополичьего округа было принято на Священном Синоде 27 июля 2011 года. В 2010 году был создан Синод Казахстанского митрополичьего округа. В Белорусском экзархате Синод существует с начала 1990-х годов.

Все главы митрополичьих округов являются членами Священного Синода. И все решения, которые мы принимаем на заседаниях нашего Среднеазиатского Синода, я докладываю на Священном Синоде. После того, как Священный Синод принимает журналы нашего Синода, они получают юридическую силу. Такая вот структура власти...

– Владыка, ну и в завершение хотелось бы перейти от более формальных вопросов к более личным. Как выглядит обычный рабочий день митрополита Ташкентского и Узбекистанского?

– Стараюсь участвовать во всех службах, и утром, и вечером. Если есть какие-то официальные встречи, мероприятия между службами – участвую в них. Если люди нуждаются во встрече со мной – тоже стараюсь принять всех, в основном, после вечерних служб. Вот так день и проходит...

– Дорогой владыка, в этом году наш журнал, «Восток Свыше», выходящий по Вашему благословению, тоже отмечает маленький юбилей – 25-летие со дня основания. Что бы вы могли пожелать нашему журналу и его читателям?

– Прежде всего, конечно, хотелось бы поздравить журнал с 25-летием его служения – да, именно так можно сказать. Журнал служит людям, разным, у него широкая аудитория. Его читают и получают назидание и простые люди, и интеллигенция. И хотелось бы пожелать, чтобы он и дальше был таким. Открытым, современным, содержащим и богословские наставления, и научные статьи. И чтобы читатели и дальше получали пользу и для своего духовного и нравственного становления, и для интеллектуального развития.

Календарные страницы *главного редактора*

От апостола Фомы до Никеи

Семь Недель по Пасхе

Неделя вторая: апостол Фома

Фома плывет в Индию.

Плавание далекое и тревожное; по своей воле он туда бы никогда не отправился. Море дышит опасностью и смертью. Корабль похож на огромный гроб, наполненный живыми мертвецами; и он, Фома, – один из них.

Он и вправду умер.

Для себя, для прежней своей жизни, для мира. Семя должно умереть, чтобы прорасти. Он умер, думает он, глядя за борт, на тяжелые невысокие волны; корабль качает. Он умер, чтобы дать жить в нем Слову.

И Слово живет в нем, наполняет его и выплескивается, незримо разливаясь шире этого моря, неба, воздуха.

Его будут называть Неверным, Неверующим.

Да, он в какой-то мере не поверил. В какой-то мере – даже отрекся.

Да, не он один. Было три отречения. Первое, самое невыносимое – Иуды. Отречение из жадности, из сребролюбия; настолько жалкое и абсурдное, что и поверить трудно (многие и не поверят, и будут выдумывать другие, более высокие и веские, причины).

Второе отречение – Петра. Из страха, свинцового страха, наполнившего их, учеников, в ту ночь. Отречение понятное, живое, человеческое. Было страшно, было холодно. Хотелось согреться у костра. Хотелось, чтобы тебя никто не узнавал, не разглядывал, не видел. Хотелось еще пожить.

Его, Фомы, отречение было третьим. Не из жадности, не из страха.

Из сомнения.

Он верил, но сомневался. Ему нужны были доказательства. Он требовал личной встречи, очной ставки, живого свидетельства. Это было понятно и простительно. Но сам он себе не простил.

Пасха, Воскресение Христово – это не только великая радость.

Как в известной песне о Дне Победы: «Праздник с сединою на висках... Радость со слезами на глазах...». Так и Пасха.

Пасха – праздник, нагруженный *великим сомнением*. Буквально, с первых же часов. Радость с сомнением в глазах. С сомнением, неверием – не чужих, не посторонних, – своих же, ближайших учеников и последователей.

Возвращаются от гроба жены-мироносицы, рассказывают, – им не верят. Иоанн, побывав в гробнице, *и виде и верова*; а остальные? Приходит Мария Магдалина, рассказывает, – снова сомнения... С какого момента все ученики, наконец, поверили и убедились? Да, видимо, только в конце дня. Когда Иисус стал посреди учеников, – и они обрадовались, *видевшие Господа*.

«Виде и верова...» Но Фомы тогда не было. Он – не *видел*. И всю неделю пребывал в сомнениях. И отказывался поверить, пока сам не *увидит*.

Уверением Фомы завершается период веры, основанный на видении, на том, что требует уверения через зрение. Иисус отвечает Фоме: «Ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны невидевшие и уверовавшие» (Ин. 20, 29).

Это не означает, что на место веры, основанной на увиденном, приходит *слепая* вера. Сомнение, поиск доказательств не отменяется – но переносится в область духовного зрения.

Именно это, судя по всему, имел в виду апостол Павел в своем известном определении веры (Евр. 11, 1). Церковнославянский перевод: «Вера есть... вещей обличение (*эленхос*) невидимых» – здесь точнее, чем синодальный: «Вера же есть... уверенность в невидимом». Вообще, определение *веры* как *уверенности* отдает тавтологией. Но тут еще и смысловая неточность. «*Эленхос*» означает не уверенность, а исследование, испытание, доказательство. То есть, именно *обличение* – когда сокрытое, невидимое делается явным и очевидным. Но не для телесного зрения, а для духовного.

Это, собственно, было развитием старого спора, пронизывавшего всю античную философию: о недостаточности зрительного (и шире – чувственного) восприятия для познания истины. «Глаза и уши – плохие свидетели для людей, если души у них грубые», – писал еще Гераклит Эфесский.

Однако чаще всего это был спор между теми, кто отдавал первенство чувственному познанию, и теми, кто отдавал его умственному, рациональному. Известна пикировка на эту тему между Диогеном и Платоном. Возражая на рассуждения Платона об идеях (идее стола, идее чаши...), Диоген съязвил: «А я вот, Платон, стол и чашу вижу, а стольности и чашности не вижу», на что Платон отвечал: «И понятно: чтобы видеть стол и чашу, у тебя есть глаза, а чтобы видеть стольность и чашность, у тебя нет разума».

Но в христианстве чувственное познание противопоставляется не рациональному, а – *мистическому*.

Это слово, к сожалению, скомпрометировано и опошлено различными оккультными и около-оккультными течениями. («...Он – мистик; / Голубоглазый гимназистик», у Андрея Белого). Однако в христианстве «мистический» (*мистикóс*), «таинственный» (с ударением на первый слог) означает лишь то, что постигается не с помощью органов чувств и не с помощью рассудка и логики, но только через непостижимое действие Божественного Духа. Например, во время Великого Входа на Литургии. «Иже херувими тайно образующе» (*мистикóс иконизонтес*)... Священство и все молящиеся непостижимым, скрытым образом уподобляются херувимам. Не *сравниваются* с ними, а именно становятся подобны им, *образуют* их (*иконизонтес*, от *икóн* – образ, икона). Принимают их образ. Зрительно это те же самые верующие; да и рационально осмыслить это уподобление тоже не получается. Как это возможно? Таинственно, мистически. Так и превращение хлеба и вина в Плоть и Кровь Христа мы тоже постигаем не с помощью органов чувств или умозаключений, но *мистически*, через веру – и действие Святого Духа.

Перефразируя Платона, можно сказать: чтобы видеть чашу, у нас есть глаза (физическое зрение), чтобы видеть понятие чаши, «чашность» – есть разум (умозрение), а чтобы видеть Чашу Причастия – зрение духовное, мистическое. Зрение, очищенное верой. Способное *обличить*, снять покров с невидимого, чтобы оно явило свой *лик* (вид).

В этом смысле, возможно, и стоит понимать слова Христа, обращенные к Фоме: «блаженны невидевшие и уверовавшие». Блаженны те, кто не видел воскресшего Христа телесным зрением, но кто способен увидеть Его зрением духовным. «Не глазами, но сердечной любовью». Именно так Церковь возглашает на малой вечерне в Неделю (воскресенье) апостола Фомы: «Ныне Тя Всецарю, / видевшие не очима, / но сердечною любовию, / Бога веровавшие, / в пениих величаем».

Но разве у него, у Фомы, не было этой сердечной любви?

Была, и еще сколько... Когда умирает Лазарь и Иисус собирается идти в Иудею, ученики пытаются отговорить Его: «Равви, давно ли Иудеи искали побить тебя камнями, и ты снова идешь туда?». И именно Фома говорит остальным: «Пойдем и мы и умрем с Ним» (Ин. 11, 14-15). Фома тоже мог опасаться, что, придя в Иудею, Иисус будет побит камнями. Тем не менее, он готов разделить с Ним эту участь: «Пойдем и мы и умрем с Ним!».

Он не был маловерным, малодушным. И когда услышал от остальных учеников, что они видели Его воскресшего, он поверил... Почти поверил. Оставался лишь маленький огонек сомнения. Сколько ни уверял он себя, ни пытался *сердечной любовью* поверить в воскресение своего Учителя. Маленький, неугасающий огонек. Его нужно было погасить. Нужно было самому увидеть.

И вложить персты.

Да, в уверении Фомы было «задействовано» не только зрение – но и осязание. Этим тоже завершается очень важная линия в общении с Христом: общение через *прикосновение*.

Через прикосновение к Нему исцеляется женщина, страдавшая кровотечениями.

Через прикосновение Иисус благословляет, исцеляет, воскрешает. До Него стремятся дотронуться, телесно ощутить. Взять Его за руку. Положить голову на Его грудь.

Так было в Его земной жизни.

После Воскресения это уже не совсем так. «Не прикасайся ко Мне», – говорит воскресший Иисус Марии Магдалине. «Не прикасайся ко Мне...» Почему? Ничего опасного, видимо, в самом прикосновении не было. Иисус ведь разрешает прикоснуться к Нему ученикам, когда является к ним. Иисус дает прикоснуться к Нему Фоме, даже побуждает его к этому. Но это, похоже, было уже последним прикосновением.

Общение через *прикосновение* отходит; приходит общение через *вкусение*.

Иисус должен вознестись, и отныне место прикосновения будет занимать Причащение. И Он как бы приучает учеников к этому. Он, воскресший, несколько раз делит с ними трапезу. С Лукой и Клеопой по дороге в Эммаус, преломляя с ними хлеб. Затем со всеми учениками: ест с ними «часть печеной рыбы и сотового меда». Затем снова с частью учеников при Тивериадском море: «берет хлеб и дает им, также и рыбу».

«О доброе неверие Фомино, / верных сердца в познание приведе...» Сомнение Фомы – и уверение, через телесное видение и прикосновение, – приводит сердца к познанию. Приводит – и поручает познанию более высокому, таинственному. Через веру (*вещей обличение невидимых*) и участие в таинствах Церкви – прежде всего, в таинстве Причастия.

Фома доберется до Индии.

Здесь, по преданию, он обратит многих язычников и совершит множество чудес. Окрестит трех царей-волхвов, пришедших некогда поклониться Христу в Вифлеем...

Сведения об индийской миссии Фомы дошли только в апокрифах, прежде всего, в «Деяниях Иуды Фомы». А отделять в апокрифах правду от благочестивого вымысла, а вымысел – от богословски сомнительных утверждений (в «Деяниях» подозревают, и не без основания, гностическое влияние) едва ли возможно, да и вряд ли нужно.

Но один сюжет «Деяний» выглядит достаточно достоверно.

Изгнав беса из одной женщины, Фома затем сообщает краткое изложение христианского вероучения и крестит ее. «И он пошел к реке одной, которая была поблизости там, и крестил ее во имя Отца, и Сына, и Духа Святого, и также многие крестились вместе с ней». Вполне логичное, естественное

действие для апостола-миссионера; оно имеет множество соответствий в «Деяниях святых апостолов» и в житийной литературе. Чудо – затем наставления в вере.

И после таинства Крещения совершается таинство Евхаристии. Фома обращается ко Христу: «...Мы просим Тебя, чтобы Ты пришел и причастился с нами для помощи, и для жизни, и для обращения рабов Твоих к Тебе».

Важный момент, который не всегда помнится в Причастии и подготовке к нему: верующие причащаются не только Христу, но *вместе* с Христом. Как это было на Тайной вечере: «Вечери Твоя тайныя днесь, Сыне Божий, причастика мя приими...».

Апостол Фома был вместе с Христом на Тайной вечере. Он причащался вместе с Христом. И теперь, отдаленный от того места огромным расстоянием, здесь, в Индии, он снова причащается *вместе* с Христом. Сомнения уступают место умудренной вере, недоверчивое прикосновение к ранам на руках и ребре – причастию *всего* Тела.

Но это всё впереди.

Пока же Фома плывет в Индию. Море дышит опасностью и смертью. Огромное, глубокое, несравнимое с привычным, Галилейским. Впереди неизвестность. Позади – сомнения. Вначале – в том, что его Учитель воскрес. Затем, когда ему выпало по жребию отправиться в Индию, – что он справится с этой миссией. «Не имею я сил для этого, ибо слаб я, и муж я еврейский, как индийцев могу я учить?»

Но Господь обещал ему помощь. А если Господь обещал, то всегда поможет. Да и как иначе? Не он ли, Фома, увидев воскресшего Христа и прикоснувшись к нему, воскликнул: «Господь мой и Бог мой!».

Посмотри, как блаженны дети;
Будем прѣсты сердцем и мы.
Нету слов об этом на свете,
Кроме слов – последних – Фомы.

Этим отрывком из стихотворения Зинаиды Гиппиус «Воскресенье» (1933) и завершу. Нужны ли еще какие-то слова, если главные, последние (в евангельском тексте) слова Фомы: «Господь мой и Бог мой!» – уже произнесены? Остается только молчание, свет, надежда и тихий плеск моря – бесконечного моря духовного странствия.

Неделя третья: мироносицы

Раннее утро. Несколько женщин осторожно идут на кладбище. Кладбище не простое. Для богатых, знатных, неподалеку от Храма. Ухоженное, обсаженное деревьями; вытесанные в скале мавзолеи. Настоящий сад.

Как Он не любил эти богатые гробницы, эту отвратительную роскошь смерти!

«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкам и украшаете памятники праведников...» (Мф. 23, 29). К чему эти «гробы окрашенные, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты» (Мф. 23, 27)?

Он вообще избегал кладбищ и похоронных обрядов, особого почтения к ним не питал. «Иди за Мною, и предоставь мертвым погребать своих мертвецов», – отвечает Он на просьбу одного из учеников отлучиться, чтобы похоронить отца.

Мы постоянно видим Христа в храме, в синагоге, на лодке, в чьем-то доме, в пустыне, на горе... На кладбище Он приходит только один раз – и только для того, чтобы воскресить Лазаря.

В этом, собственно, был один из главных смыслов Благой вести. Не сакрализация смерти, не *украшение памятников*, не «желание замаскировать смерть, подбелить, поддурманить ее» (Николай Фёдоров).

Но – победа над смертью.

Но теперь Он сам погребен – и где? На одном из «элитных» кладбищ Иерусалима. Среди украшенных памятников и окрашенных гробов.

Погребение это, впрочем, как считают историки, было временным.

Иисуса казнят накануне Пасхи; по иудейским законам, Его нужно было где-то срочно похоронить: во время Пасхи город должен сохранять ритуальную чистоту. Вид распятых на кресте эту чистоту нарушал и праздничное настроение, наверное, несколько портил. А тут еще небо потемнело, начались подземные толчки. Что если народ примет это за Божий гнев, вызванный казнью? И обратит уже свой гнев на тех, кто приказал казнить Иисуса? Только этого им не хватало! Нужно было спешить.

Первосвященники отправились к прокуратору. Пилат выслушал их и милостиво кивнул. Тела сняли. Теперь нужно было их похоронить, прежде всего – Иисуса. И сделать это до наступления субботы – в субботу, тем более пасхальную, хоронить строго запрещалось.

Нужна была могила.

Умерших было принято хоронить на их родине, в семейных склепах. Иерусалим не был родиной Иисуса, да и вряд ли первосвященники хотели бы иметь рядом могилу Того, в Ком они видели серьезную угрозу. Она могла стать местом поклонения. Значит, Его следовало похоронить во *временной* могиле. Но в какой? Был ли у них уже выбранный вариант?

Но в этот момент появляется Иосиф из Аримафеи, «благообразный советник», член синедрiona и тайный ученик Христа. Он идет напрямую к Пилату и просит разрешения похоронить Иисуса. Да, в принадлежащем ему, Иосифу, мавзолее, пока пустом. Пилат снова милостиво кивнул.

Первосвященники вряд ли были этим довольны. Того, Кого они только

что устранили как опасного преступника (и конкурента), теперь хоронили, как VIP-персону... Но убеждать Пилата отменить решение времени не было, стремительно и страшно наступал праздник. И они смирились. Это же будет временная могила; потом Его перезахоронят – подальше от Иерусалима, от их важных первосвященнических дел и забот. В Галилею, куда угодно. Там Его могила со временем исчезнет, а Его самого забудут... Так они могли рассуждать.

Они только убедили Пилата поставить у могилы стражу. И Пилат снова устало кивнул.

И вот теперь, на следующий день после субботы, женщины идут на кладбище.

Кого искать пришли вы утром в сад
С амфóрой, полной нардового мира?
Кому слеза и чистый аромат?

Чуть брезжит день. И холодно, и сыро,
В пустом саду. Но высь уже чиста,
И песни птиц несутся из эфира.

(Сергей Соловьев, «Ангел и мироносицы», 1909)

Да, они, по обычаю, несут с собой миро: благовонные смеси, перебивавшие запах тления. Ими обмазывали тела умерших, готовя к погребению. Или, как теперь, к перенесению из временной, предоставленной Иосифом, могилы – в постоянную.

Где она должна была находиться? Почему с женщинами не пошел никто из апостолов? Неизвестно. Да и не важно. Произошло то, чего эти женщины не ожидали. Чего не ожидали апостолы. Чего не ожидали первосвященники, их слуги, солдаты, менялы, сборщики податей, торговцы... Христос воскрес.

Они, эти женщины, стали первыми свидетелями Воскресения.

Это, впрочем, не совсем так. Первыми свидетелями были стражники. Именно они, стражники, увидели, как «Ангел Господень, сошедший с небес, приступив, отвалил камень от двери гроба... Устрашившись его, стерегущие пришли в трепет и стали как мертвые» (Мф. 28, 2).

Мертвый стал живым. Живые же стали как мертвые.

Это не просто сравнение; они, стражи, действительно умерли, внутренне, духовно. Только не от страха, а от обычной, заурядной человеческой жадности.

Придя в себя, они бросились к первосвященникам, доложить о «внештатной ситуации»; а те, посовещавшись, подкупили их.

И в этом стражники были полной этической противоположностью женам-мироносицам. Те служили Христу, в том числе, и *именем своим* (Лк. 8, 2-3): жертвовали свои средства на евангельскую проповедь.

Впрочем, в Евангелии говорится, что к первосвященникам пришли не все, а «некоторые из стражи» (Мф. 28, 11). Кто-то, возможно, не был подкуплен. Церковное предание упоминает сотника Лонгина: что он был среди стерегших гроб и потом стал проповедовать Христа. Но большинство стражников дали себя подкупить. Первосвященники «довольно денег дали воинам, и сказали: скажите, что ученики Его, придя ночью, украли Его, когда мы спали; и, если слух об этом дойдет до правителя, мы убедим его, и вас от неприятности избавим» (Мф. 28, 12-13).

Вряд ли, конечно, это могло избавить стражников от неприятностей: сон во время несения караула ни в какие времена не поощрялся. Но выданные им суммы, видимо, вполне могли компенсировать и грозящие дисциплинарные взыскания, и «моральные издержки»: ведь стражникам прямым текстом предлагалось солгать.

Колебались ли они? Согласились сразу? Неизвестно. Деньги. Снова, как в случае с Иудой: деньги, деньги, деньги. Статиры, драхмы, сребреники... Money makes the world go round, как пелось в известной песне. «Деньги заставляют мир вертеться».

И мир тяжело, грузно вертелся, позвякивая динариями, статирами, сребрениками. На столах меновщиков, в ларцах мытарей, в храмовой казне, в кошельках подкупленных солдат... А Христос – воскрес.

Мы почти ничего не знаем об этих женщинах, пришедших в то утро на кладбище. Евангелия расходятся в том, кто именно из учениц Христа побывал там. Написаны десятки томов, чтобы как-то объяснить эти расхождения. Важно ли это? Наверное. Но важнее, думается, другое. Сам приход этих женщин в то раннее утро к могиле Христа. И их свидетельство о совершившемся чуде.

Свидетельство – вот, собственно, то, что объединяет в одну смысловую линию все воскресенья (Недели) по Пасхе.

Недели Великого поста выстраивались вокруг идеи победы над каким-то грехом или заблуждением. Над ересями, над плотскими страстями, над празднословием, похотью... Это огромный многоголосный рассказ о том, как человеческий дух избавляется, на пути *молитвы и поста*, от греха и приближается ко Христу.

После Пасхи тональность меняется. На место великопостной борьбы с грехом приходит (не отменяя ее) радость от присутствия Христа, от личного общения с ним и *свидетельство* об этом.

Недели Великого поста были посвящены святым, жившим гораздо позже земной жизни Христа, – Григорию Паламе, Иоанну Лествичнику, Марии Египетской...

Послепасхальные Недели – до Вознесения – посвящены тем, кто были *свидетелями* Его жизни, Его современникам. Неделя апостола Фомы. Неде-

ля жен-мироносиц. Неделя о расслабленном. Неделя о самаряныне. Неделя о слепом.

И еще одно важное отличие великопостных Недель от послепасхальных. Отношение к смерти. Великий пост – время особого памятования о ней. Он начинается известным кондаком «Душе моя»: *конец приближается...* Вот лейтмотив поста – *конец приближается!* Первые три субботы Великого поста совершается поминовение умерших; это самая высокая плотность поминальных служб за весь год.

В Неделе между Пасхой и Вознесением поминовение совершается один раз, на Радоницу. И тональность его иная. Даже само слово, происходящее от «радости», указывает на это. В Радоницу ни на вечерне, ни на утрени, ни на Литургии нет ничего специально заупокойного; есть лишь заупокойные моления на полунощнице. Не случайно Радоница стоит между Неделями апостола Фомы и Недели мироносиц. Обе эти Недели – о Воскресении Христа, об уверении в этом Его учеников.

Смерти – после смерти Христа и Воскресения – как таковой больше нет; есть *успение*, сон.

Об этом замечательно пишет Иоанн Златоуст, комментируя известное место из Первого послания Фессалоникийцам. «Ибо, если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним» (1 Фес. 4, 14). Это синодальный перевод; в оригинале же – обратим внимание! – не «умерших», но «уснувших» (*кимифѣнтас*).

Златоуст обращает внимание на это различие: «...Почему апостол, когда говорит о Христе, называет смерть Его смертью; когда же говорит о нашей кончине, то называет ее не смертью, а успением?».

И дает такой ответ: «Говоря о Христе, он употребил слово *смерть*, чтобы показать действительность Его страданий, а о нас – *успение*, чтобы умерить нашу скорбь. Там, где уже совершилось воскресение, он смело употребил слово *смерть*, а там, где воскресение есть предмет надежды, употребляет слово *успение...*».

Но смерть после Воскресения является иной уже не только *психологически*, в плане ее восприятия. Она *онтологически*, бытийно, по своему существу становится иной.

Земной жизнью Иисуса, Его смертью и воскресением одержана победа над грехом, а грех напрямую связан со смертью: именно после грехопадения первых людей смерть входит в мир; исчезает жизнь как святость, начинают действовать грех как небытие святости и смерть как небытие жизни.

А значит, и победа над грехом, одержанная Христом (и возможная для каждого из Его последователей), есть и победа над смертью.

Нет, она не исчезает и физически проявляет себя так же, как и прежде. Гниение, безобразие, распад. Но в духовном плане она уже не есть *небытие* человека, но его *инобытие*. Переход в иную форму перед всеобщим воскре-

сением и *пакибытием*. Которое из смутной надежды теперь становится ясной и непреложной реальностью.

Снова процитирую Златоуста. «Ибо спящий, конечно, встанет, а смерть есть не что иное, как долгий сон. ... Но умерший, говорят, гниет и тлеет и превращается в персть и прах. Что же из сего, возлюбленный? По этому самому надобно более всего радоваться. Ибо и тот, кто хочет перестроить развалившийся и ветхий дом, наперед выводит из него живущих, потом разрушает его и снова воздвигает в лучшем виде. Выведенные не скорбят об этом, а еще радуются, ибо обращают внимание не на видимое разрушение, но воображают будущее, хотя еще и невидимое, здание. То же творит и Бог: Он разрушает наше тело и сперва изводит живущую в нем душу как бы из некоего дома, дабы потом воздвигнуть его в лучшем виде, снова ввести в него душу с большею славою».

Любая могила после Воскресения становится *временной*, любое тление – всего лишь временным разрушением, разборкой, *разображением* человека перед его окончательным *преображением*.

Жены-мироносицы в то утро, разумеется, еще не могли всего этого знать. Мария Магдалина, Мария Иаковлева, Саломия, Иоанна...

Для них смерть еще сохраняла свою силу, свое страшное «жало», жалящее не только тех, кого она забирает, но и тех, кто остается жить и скорбеть. И они шли на кладбище, почтить и оплакать своего умершего Учителя.

Почто мира с милостивыми слезами, о, ученицы, растворяете? «Зачем вы, ученицы, смешиваете мир с жалостными слезами?», как, в тропаре, обращается к ним Ангел.

И действительно – зачем?

Миро, часть иудейского погребального обычая, уже не нужно.

Слезы, часть человеческого обычая, естественная реакция на потерю близкого человека, не нужны тем более. Зачем? Утро прозрачно и светло. Смерть побеждена. Христос воскрес.

Неделя четвертая: расслабленный

Место называлось Бет-Хesda.

Или Вифезда, в греческой передаче. Бассейн, огражденный пятью крытыми галереями; вода в нем считалась целебной. Иисус, бывший в Иерусалиме по случаю праздника, приходит туда. И исцеляет тяжелобольного.

Таков внешний сюжет этого повествования (Ин. 5, 2-9), которое Церковь вспоминает в четвертое воскресенье (Неделю) по Пасхе.

В нем много неясного, даже загадочного.

Какой болезнью болел этот человек? Неизвестно. Его обозначают как

«расслабленного» (*паралитос*), а само воскресенье – как Неделю о расслабленном. *Паралитос*, или, чаще, *паралитикос* – так называли людей, обездвиженных болезнью; неважно какой.

Таким был слуга сотника, который лежал «в расслаблении» (*паралитикос*) (Мф. 8, 6). Таким был расслабленный (*паралитикос*), которого «несли четверо» (Мк. 2,3).

Их обоих Иисус, как известно, исцелил.

В самом повествовании об исцелении в Вифезде больной не назван расслабленным. Сказано только, что он страдал от своей болезни тридцать восемь лет и что не мог самостоятельно передвигаться. Точнее, мог, но очень медленно.

Главным было не это. Главным было то, что у этого человека никого не было.

У двух расслабленных, упомянутых выше, были те, кто о них думал и заботился. Добрый хозяин, сотник, который, прослышав о Христе, пришел просить об исцелении слуги. У другого расслабленного было четверо – кого? родственников? слуг? Неважно. И они были не просто рядом, они носили его. А когда не смогли, «за многолюдством», войти в дом, где был Иисус, затащили ложе с больным на крышу, прорыли ее (кровли были глиняными) и спустили его вниз.

У больного в Вифезде не было никого.

Может, кто-то где-то был. Родственники, друзья, знакомые. Но рядом – никого. «...Не имею человека, который опустил бы меня в купальню, когда возмутится вода; когда же я прихожу, другой уже сходит прежде меня», отвечает он на вопрос Христа.

При возмущении воды в бассейне происходили исцеления, и первые спустившиеся имели шанс излечиться. Но не этот человек.

Подытожим. Почти сорок лет тяжелой болезни. И никого рядом, кто бы помог. «Не имею человека...» Только он – и его болезнь.

И вот, обходя лежащих рядом «больных, слепых, хромых, иссохших, ожидающих движения воды», к нему подходит Христос.

Почему Христос пришел туда?

Рядом, по преданию, был дом Иоакима и Анны, родителей Богородицы. Возможно, придя в Иерусалим, он остановился там. И зашел, по пути, и в саму купель. Одно из святых мест тогдашнего Иерусалима. «Дом милосердия», как это обычно переводят. *Бет-Хесда*.

Перевод, правда, не совсем верен. *Хесед* означало не милосердие, не милость (эти значения *хесед* приобретет позже), а *любовь*. Любовь как доброту, в чем-то близкую греческой *агапи*.

И вот, Тот, Кто *есть Любовь* (1 Ин. 4, 8) приходит в Дом любви.

Приходит, и не находит ее там.

Каждый из *больных, слепых, хромых, иссохших* думает только о себе, как

самому скорее исцелиться. По-человечески вполне понятно. Но Христос приходит в мир, чтобы полностью преобразовать это «человеческое, слишком человеческое». Чтобы научить людей истинной любви. «Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов», как напишет апостол Павел (Гал. 6, 2).

Сам приход Христа в мир подобен его посещению этой купели.

Как и Бет-Хесда, мир полон немощными – духовно покалеченными, духовно больными – людьми.

«...Разве мы не слепые, хромые, иссохшие, расслабленные? – спрашивал протоиерей Валентин Свентицкий. – Мы воистину слепые, и потому немощна вера наша. ... Хромые – и потому не идем правым путем, а сбиваемся то в одну, то в другую сторону. Мы иссохшие – нет у нас радости о Христе. Иссушили мы душу свою житейскими заботами. Мы расслабленные – нет у нас твердой воли неослабно идти по пути спасения».

И вот люди – слепые духом, хромые духом и иссохшие духом – толпятся вокруг, ожидая чуда. Когда заиграет и заволнуется вода и можно будет скорее, расталкивая других, ринуться в купель. И стать тем, на ком совершится чудо.

И чудо происходит. Но не через волнение воды. В этот мир, в эту купальню приходит Христос. И исцеляет больного, беспомощного и одинокого человека.

Как всё это связано с Пасхой?

Первые две послепасхальные Недели, апостола Фомы и жен-мироносиц, связаны с ней непосредственно. Главная тема здесь – уверение учеников в том, что Христос действительно воскрес.

Остальные три Недели относятся к событиям, произошедшим до Воскресения, во время земной жизни Христа.

Этому есть литургическое объяснение: богослужение в эти Недели связано с отрывками из Евангелия от Иоанна, которые читаются на Литургии. Но, как и в случае с великопостными Неделями, послепасхальные Недели, возникнув из каких-то конкретных обстоятельств и потребностей Церкви, складываются в новое единство. Образуют, связываясь друг с другом, новую смысловую ткань.

Объединяет их, прежде всего, тема *чуда*.

В Неделе о расслабленном – это чудесное исцеление Христом расслабленного. В следующей Неделе, о самаряныне, – это проявленное Христом ясновидение (в Его словах о пяти мужьях, бывших у той женщины). Наконец, в последней, шестой, Неделе о слепом – снова исцеление.

Чудо – это разговор Бога с человеком.

Бог, собственно, непрерывно говорит с ним на языке чуда. «Жизнь как чудо», как назывался известный фильм Эмира Кустурицы; хотя фильм, конечно, совершенно о другом, но название очень точно. Жизнь как поток Бо-

жественных энергий, направленный на человека, в том числе – и прежде всего – в общении между Богом и человеком.

Сам факт этого разговора – уже чудо; если понимать под чудом то, что выходит за пределы обыденного здравого смысла, – но, тем не менее, реально. Реальность этого разговора здравый смысл и пытается отрицать. Здравый смысл вообще пытается отрицать всё, что непросто увидеть, пощупать, представить, что противоречит «обычному» опыту. Например, то, что Солнце не движется по небу (как мы это видим); а, наоборот, это мы движемся вокруг Солнца; здравый смысл, как известно, долго не мог это принять.

Когда же реальность общения Бога с человеком не получается отрицать, здравый смысл стремится ее исказить: «Если ты говоришь с Богом, то это молитва, а если он с тобой – это шизофрения». Впрочем, если отрицать присутствие Бога в мире и даже само бытие Бога, то и беседа Бога с человеком должна считаться чем-то ненормальным, смешным, подозрительным.

Тем более что и Бог не навязывает Себя человеку в качестве собеседника. Чаще всего Он просто слушает человека; даже (и особенно) тогда, когда человека больше никто не слушает и не слышит. Не навязывает Себя человеку, но продолжает любить его и заботиться о нем.

И когда человек становится особенно невосприимчивым к голосу Бога, к Его словам, к Его заботе, то – да, Бог как бы повышает голос в этом разговоре. И чудо «доходит» до человека, фиксируется даже теми, кто обычно к этому глух и слеп.

«Иисус говорит ему: *встань, возьми постель твою и ходи*. И он тотчас выздоровел, и взял постель свою и пошел».

И следующий шаг после чуда – это свидетельство о нем.

В этом, собственно, главная особенность тех чудес, которые совершал Христос. Чудо не ради потрясения воображения или демонстрации всемогущества. Такие чудеса совершались и до Христа, и во время Христа, и после Христа, часто – нехристианами, порой даже врагами христиан. И исцеления, и воздействие на природные стихии...

Смысл чудес, творимых Христом, иной. Главное, основное чудо – это начало духовного исцеления человека, возвращение его в сияющее пространство богообщения. Без этого чудо остается простым актом магии, волшебством, неважно, добрым или злым.

И начало этого исцеления – свидетельство о чуде, сопряженное даже с определенными опасностями и риском. Самаряныня спешит обратно в город, рассказывая всем о своей встрече с Христом; при этом она явно рискует, поскольку Христос для самарян был представителем враждебного им иудейского народа. Рискует и исцеленный Христом слепой, открыто свидетельствуя об исцелении, хотя за это его могли отлучить от синагоги...

И расслабленный, после того, как Иисус «встретил его в храме и сказал ему: *вот, ты выздоровел; не грешь больше, чтобы не случилось с тобою чего*

хуже», тоже не побоялся свидетельствовать об этом. Он не мог не знать отношения к Иисусу первосвященников. Разумнее было промолчать. Но исцеленный не промолчал. Он «пошел и объявил Иудеям, что исцеливший его есть Иисус».

Мы не знаем, что было дальше с этим человеком.

Влился ли он в число учеников Христа и последовал за Ним? Или остался там же, в Иерусалиме? Неизвестно. Мы даже не знаем, как его звали. Мы знаем только то, что он не побоялся пойти и объявить, что *исцеливший его есть Иисус*.

Не исключено, что его за это выгнали, как выгнали исцеленного Иисусом слепца (Ин. 9, 34). Но самое важное уже произошло. Он вошел в общение с Богом и открыто заявил об этом.

А что Вифезда? От нее самой сохранились только руины. Исчезла вода, исчезли больные, исчезло всё. Столетие назад, в начале 1920-х, афроамериканский поэт Арна Бонтемпе написал «Ноктюрн у Вифезды». Прочитую начало (перевод мой):

Почудилось, что ангел пролетел,
Пригрезилось, что взмах его крыла
Мелькнул над шелковицей и пропал.
Спит Вифезда. Старинная купель,
Что исцеляла толпы иудеев,
Уж не проснется. Этот древний пруд,
Что волновали ангелы, недвижим.
Ни ангел более не возмутит его,
Да и Спаситель тоже не придет
Сюда, чтобы поднять больного
И повелеть ему на землю встать.

Это своего рода гимн богооставленности, печальный и элегичный.

Страдание от невозможности повторения чуда – того, которое произошло когда-то здесь, в Вифезде. От невозможности богообщения, от потери чувства присутствия Бога.

Меня не слышишь, Вифезда.
О, неподвижная вода в пруду стоячем!
Любовь покинула тебя, как и меня.

Это и так – и не так. Любовь не оставляет нас – это мы оставляем ее, устаем духовно трудиться над ней, выбираем различные более простые и несложные заменители любви. И не находим радости. И скорбим, и любим своей скорбью, как неподвижной и мертвой водой.

«Мы иссохшие – нет у нас радости о Христе. Исушили мы душу свою житейскими заботами. Мы расслабленные – нет у нас твердой воли неослаб-

но идти по пути спасения», процитирую еще раз Валентина Свентицкого. Остается выбор.

Либо любоваться своей духовной немощью, своей отдаленностью от Бога, даже где-то гордиться ею, пребывая в общении только с самим собой и, по мере надобности, с другими.

Либо – попытаться вернуться к диалогу с Богом. Осознать свою немощь и свое одиночество перед ее лицом. «...Не имею человека, который опустил бы меня в купальню...» Прийти к Богу; прийти, добраться, доползти в Дом Его Любви. И верить, что однажды услышишь: *встань, возьми постель твою и ходи!*

Неделя пятая: самаряныня

– Дай Мне пить.

Два раза Он испытывал сильную жажду.

Возможно, больше. Но Евангелия упоминают только о двух. Когда он попросил у самаряныни воды. И когда – уже на Кресте – произнес страшное: «Жажду».

Вода, стихия и утоления жажды, и очищения.

Как Бог, Он не нуждался в очищении – но как Человек, мог испытывать жажду.

Как в тот жаркий день, когда Он подошел к колодцу и попросил у женщины, самарянки, воды.

– Дай Мне пить.

И дальше начинается самый долгий, самый богословски прозрачный диалог в Евангелиях.

Иисус спрашивает – самарянка отвечает. Самарянка задает вопрос – Иисус дает ответ. Длится летний день; в тени, возле колодца, не прекращается беседа.

Евангелия вообще *диалогичны*. Это единственный священный текст, бóльшую часть которого занимают диалоги.

Базовые тексты других мировых религий *монологичны*. Почти полностью состоят из заповедей, наставлений, предписаний, ниспосылаемых свыше; человеку отводится лишь роль молчаливого слушателя и исполнителя. Речь движется только в одну сторону, сверху – вниз.

В Евангелиях это, конечно, тоже присутствует, – например, Нагорная проповедь, занимающая три главы от Матфея. Или четыре главы от Иоанна (14-17): почти целиком – монолог Христа.

Но бóльшая часть Евангелий – это живая и текучая, как вода, стихия диалога.

И самый долгий, самый развернутый диалог у Иисуса происходит – нет, не с кем-то из Его апостолов. Не с Его оппонентами – фарисеями, саддукеями, иродианами... Не с властями, – с ними Он вообще большей частью молчит.

Самый долгий и подробный разговор у него происходит с женщиной. С Фотиной, как, согласно преданию, звали ее.

Это было странно, непонятно. Не случайно ученики Его, вернувшись, были так удивлены. Их Учитель о чем-то увлеченно беседовал с женщиной.

Не просто женщиной – существом, по традиционным воззрениям, «второго сорта», а еще и не-иудейкой. И не просто не-иудейкой, но самаряныней, самарянской. Сама Фотина была удивлена, когда он заговорил с ней: «Как Ты, будучи Иудей, просишь пить у меня, Самарянки? Ибо Иудеи с Самарянами не общаются».

«Не общаются» – мягко сказано. Они враждуют. Самого Христа, когда Он шел в Иерусалим, самаряне отказались пропустить через свой город (Лк. 9, 51-53).

И всё же Он заговаривает и долго беседует – с женщиной, не-иудейкой, самарянской. Которую, к тому же, с полным основанием можно назвать грешницей.

«Иисус говорит ей: *пойди, позови мужа твоего и приди сюда*. Женщина сказала в ответ: *у меня нет мужа*. Иисус говорит ей: *правду ты сказала, что у тебя нет мужа, ибо у тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе* (ук эстин су анир)». Можно перевести и так: *не есть твой муж*.

Фотина, судя по всему, живет с чужим мужем. Она виновна в тягчайшем грехе прелюбодеяния. По закону Моисея, который признавали и иудеи, и самаряне, он карался смертью.

Но в словах Христа нет осуждения.

Осуждать – ставить себя в позицию превосходства. Осуждать – разрушить диалог: диалог предполагает относительное равенство собеседников. Ради диалога с человеком Бог добровольно умягчается, смиряется. «Смирися и ныне смирению моему», как обращается к Богу Иоанн Златоуст.

«Чтобы понять всю глубину этого рассказа, – писал протоиерей Георгий Чистяков, – нужно встать на позицию иудея того времени. Мужское распутство, мужской разврат воспринимались как нечто почти естественное, но то же самое в отношении женщины свидетельствовало о такой глубине ее падения, что об этом не только говорить – думать было стыдно. А Он ведет с ней разговор, причем наедине, – самый длинный из диалогов с глазу на глаз во всем Священном Писании. Можно смело утверждать, что нет другого, более глубокого по содержанию диалога один на один во всей Библии, чем этот разговор Иисуса с самарянской. Это одно из самых потрясающих мест Нового Завета и всего Священного Писания. Оказывается, что дорога к Богу открыта каждому».

Господь смиряется. Без обличений, просто и спокойно констатирует.

«Тот, с кем ты сейчас сожительствуешь – не *твой* муж». Зная, что эта простая констатация произведет на его собеседницу большее воздействие, чем сотни гневных обличений и страх наказания. Он даже слегка хвалит ее за правдивость. *Правду ты сказала, что у тебя нет мужа...*

Мы не знаем, как она выглядела.

Наверное, была уже не очень молода, если пять раз побывала замужем... Но как долго длились эти ее браки, не сказано. Да и старость, по меркам того времени, наступала у женщин гораздо раньше. Что говорить: еще два века назад женщина под тридцать уже считалась немолодой. Вспомним, когда в пушкинском «Каменном госте» на вопрос Дона Карлоса: «Скажи, Лаура, / Который год тебе?» – Лаура отвечает «Осьмнадцать лет», то выслушивает нечто для современного человека трудно представимое: «Ты молода... и будешь молода / Ещё лет пять иль шесть».

Эти пять-шесть лет, продолжает Дон Карлос, ты будешь окружена мужским вниманием, мужчины будут тебя «ласкать, лелеять и дарить». А когда эти пять-шесть лет пройдут, – то есть, ей исполнится двадцать три или двадцать четыре? –

...твои глаза
Впадут и веки, сморщась, почернеют
И седина в косе твоей мелькнет,
И будут называть тебя старухой...

В этом же «старушечьем» возрасте, вероятно, пребывала перед обращением и Мария Египетская. Она сообщает, что предалась блуду, когда ей было двенадцать лет, и «около семнадцати лет... прожила... будучи как бы костром всенародного разврата». Иными словами, когда она прибыла в Иерусалим, ей было двадцать девять лет. «*Старуха*». И она цепляется за мужчин, особенно молодых, «юношей», почти навязывает себя им.

Так, возможно, и для самарянки Фотины ее последний мужчина («не муж тебе») – своего рода «последний шанс». Никто ее, «старуху», да еще с детьми, уже не желает брать в жены. А ей хотелось: внимания, ласки. Не случайно она так бойко, без обычного женского стеснения, заговаривает с незнакомым мужчиной, даже иудеем, – не сразу поняв, Кто просит ее напоить Его.

Неделя о Самаряныне – предпоследняя в череде послепасхальных Недель, а о Марии Египетской – предпоследняя среди предпасхальных, великопостных.

Да, Мария, судя по ее рассказу, больше предавалась блуду, чем Фотина. Но грех – понятие не количественное, а качественное. Важно не как глубоко они пали, а как смогли подняться. И они – смогли.

«Я не хочу быть рабом оргазма», как однажды горько заметил один мой

знакомый. Сказано это было после очередного его краткого и болезненного романа. Ему хотелось что-то поменять в своей жизни; удалось ли, не знаю.

И самарянка Фотина, и египтянка Мария смогли изменить свою жизнь. И даже стяжали святость. Фотина приняла мученическую смерть в Риме.

Женщины, чья жизнь переломилась на две части. До встречи с Христом и после. У Фотины – во время Его земной жизни; у Марии – значительно позже.

Это не имеет значения. Христос – «вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр. 13, 8).

Встреча и беседа с Ним имеют одну и ту же силу, когда бы ни произошли: при Его земной жизни, после или уже в наши дни. Важно другое. Чтобы Его слова, обращенные к человеку, были услышаны.

Фотина была внутренне готова к этой встрече. «Знаю, что придет Мессия, то есть Христос; когда Он придет, то возвестит нам всё».

Она *знала*, что придет Христос. И когда незнакомый чужестранец открывает ей, что это – Он, она, даже не набравши воды, оставив кувшин, торопится в город: «Пойдите, посмотрите... не Он ли Христос?».

Жажда этой встречи подспудно зрела в ней, но не находила подтверждения, не могла заполнить ее. Внутренняя пустота оставалась. Оставалась, зияла, томила – и заполнялась чем-то... чем получалось. Домашними хлопотами, детьми, мужчинами: одним, вторым, третьим...

Эта женщина, пришедшая к колодцу за водой, сама была как колодец – пустой и темный. Лишь где-то на дне угадывались остатки воды – ожидание встречи с Христом. А остальное завалено – бытовым и прочим мусором.

Она, *светлая* (именно так переводилось ее имя) была темным колодцем. И жила, боясь заглянуть сама в себя. В свою заваленную гниющим мусором темноту.

Но вот встреча происходит. «Дай Мне пить». И мусор исчезает, и душа наполняется водой. Переполняется, вода течет, блестит, брызжет через край.

И бывшая грешница становится *источником воды, текущей в жизнь вечную*.

Та амфора пытливого самарянки,
Кувшин ли просто... Господом хранима,
Бежит вода, чиста после огранки,
В пространстве золотом, идущем мимо...

<...>

Бежит вода, чиста после огранки,
И облако белеет нестерпимо
Над рынком, забытём автостоянки,
Над блокпостами Иерусалима.

(Константин Кравцов)

И еще одна важная тема, связанная с «женским» в христианстве.

Диалогизм Евангелий – не только собеседование Бога и человека, не только между Божественным и человеческим. Это и диалог внутри человека, внутри человеческого рода – между *мужским* и *женским*.

Женское начало, прежде полностью подчиненное, безмолвное и безличное перед ним, отныне, включенное в диалог с Богом, очищается и возвышается.

«...Нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе», как писал апостол Павел (Гал. 3, 28).

Прежнее неравенство сменяется дополнительностью, взаимным чередованием, как чередуются реплики собеседников в диалоге. О чередовании «мужских» и «женских» Недель в Великом посте я уже упоминал в очерке о Марии Египетской*; еще более отчетливо это чередование заметно в Неделях по Пасхе.

Неделя апостола Фомы, Неделя жен-мироносиц, Неделя о расслабленном, Неделя о Самаряныне, Неделя о слепом. «Мужская» неделя – «женская» неделя... И так – до Вознесения. «Мужская» – «женская»...

Вряд ли это чередование возникло умышленно – но, возникнув, стало настолько привычным, что почти незаметным. Как слияние мужских и женских голосов в церковном хоре. Как чередование мужского голоса (жениха) и женского (невесты) в чине венчания. Как изображение Богородицы, держащей младенца Христа, – и изображение Христа, держащего маленькую, спеленатую в погребальные ризы Богородицу.

– Дай Мне пить.

Мы так и не узнаем из евангельского текста, дала ли она воды из колодца Христу. Скорее всего, она напоила Его. Но жажда, физическая, телесная, и ее утоление – отходят как бы на второй план. На первый выходит утоление жажды духа.

«Если бы ты знала дар Божий и Кто говорит тебе: дай Мне пить, то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую», отвечает Он Фотине.

Телесную жажду можно утолить водой. Душевную – общением с друзьями, родными, с незнакомыми, но приятными людьми; чтением, музыкой...

Духовную можно утолить только общением с Богом.

И Ему приходилось постоянно об этом напоминать. Апостолам, переживавшим, что взяли с собой недостаточно хлеба. Марфе, слишком хлопотавшей об угощении гостей.

Да и ученикам, вернувшимся с провизией: «Равви, ешь!», пришлось сказать: «У меня есть пища, которой вы не знаете».

* См.: От Торжества Православия до Входа в Иерусалим. Шесть Недель Великого поста // ВС. 2024. LXVI (№ 4).

Возможно, Он был голоден. Не исключено, что продолжал и испытывать жажду. Но всё это было в тот момент не так важно. Гораздо важнее была одна спасенная душа.

Самаряныня, чья жизнь теперь – Он знал это – изменится полностью. И, наверное, слегка улыбался, думая об этом.

Неделя шестая: слепой

День, свет, деревья, люди. И один страдающий человек. Уже привыкший к своей беде, темноте, отверженности. И Иисус, идущий среди учеников. Приближающийся к нему. Ближе. Еще ближе...

К этому, конечно, трудно привыкнуть – к этим историям об исцелениях.

И всё же. Если читать Евангелия не литургически, как их читает Церковь, не в связи с богослужениями, а просто *как книгу* (сам когда-то так читал), то возникает... Да, постепенно возникает ощущение рутины. Привычности чуда. Исцелил того-то. Потом того-то. И еще, и еще.

Человек ко всему привыкает, даже к совершенно непривычному. К тому, что превосходит весь его прежний опыт. Человек привыкает к чуду. «Ну-ну, – позевывает, словно развалившись на диване, наш разум, – кого Он на этот раз исцелил? Слепого? Хромого? Бесноватого?».

Но даже при таком ознакомительном, «книжном», чтении некоторые исцеления словно выпадают, выламываются из привычного ряда. Вызывают недоумения; сталкивают разум с его нагретого диванного места.

День, свет, деревья, люди. Но он этого не видит. Для всех день – для него ночь. Для всех свет – для него тьма.

Любой пригорок для слепца примета.
Он шел сквозь шу-шу-шу и бу-бу-бу
И чувствовал прикосновенья света,
Как музыканты чувствуют судьбу, –
Случайный облик, тремоло предмета
Среди морщинок на покатом лбу.
К его подошвам листья прилипали,
И все ему дорогу уступали.

(Арсений Тарковский)

Нет, этому слепому дорогу не уступали.

Да и не шел он никуда. Сидел на обычном своем месте и просил милостыню. Снаружи, из мира зрячих, доносились шаги, редкий звук падающих монет; он даже научился различать по нему, что ему бросили. И быстро прятал их. Еще оттуда, из мира зрячих, доносились слова. Слова обозначали предметы, которые он никогда не видел.

Вечером за ним приходил кто-то из родни, поднимал, отряхивал и увозил домой.

Там первым делом считали его выручку; ее всегда оказывалось мало; вот раньше ее было больше, а теперь люди стали жадными, потеряли сострадание, только и думают, что о деньгах. Так сокрушались его домашние. Вот если бы, добавляли они, он умел играть, скажем, на флейте... Звук флейты привлекает внимание и вызывает жалость. Но за обучение игре на флейте тоже надо платить; вот если бы кто обучил его этому бесплатно! Но люди (снова вздох) стали жадными, потеряли сострадание... Придется обойтись без флейты...

Так повторялось каждый вечер.

Да, когда он был маленьким, ему подавали охотнее. Слепой мальчик вызывал больше сочувствия. И сам мир, хотя и был таким же темным, звучал и пах тогда немного по-другому. В его звуках и запахах была какая-то надежда. На то, что ты вырастешь – и что-то изменится. Что именно, он не знал. Кто-то богатый и сердобольный положит ему в ладонь несколько динариев или сребреников. И он сможет жениться, как остальные, зрячие его сверстники. Будет держать за руку жену и называть ее разными ласковыми словами. Или представлял, что родители все-таки купят ему флейту и он сам научится играть на ней. В темноте, когда у тебя есть хотя бы флейта, не так одиноко.

Так оно, вероятно, было. А может, и не так, – мы не знаем.

Так было до того дня, когда он услышал – оттуда, из мира зрячих, – шум идущей толпы: шлепанье босых ног, поскрипывание сандалий, постукивание посохов.

– Равви! – услышал он совсем близко, – кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?

Это, пожалуй, первое, что выделяет это исцеление в череде прочих. Оно начинается с богословской беседы.

...Слепой вздрогнул. Он и сам много и тяжело думал об этом. За что? За что он с самого рожденья вышвырнут из мира людей? Людей, имеющих глаза: карие, зеленоватые, серые... Он не знал, что означали эти слова, но в них был какой-то веселый и одновременно горький, обидный смысл. Их глаза видели свет. Его глаза видели только темноту. Темноту дня и темноту ночи. Темноту улиц, деревьев, людей. За что?

И услышал ответ.

– Не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии.

Словно легкий ветер подул в жаркий, перегретый полдень.

Словно свет коснулся темени. Словно флейта заиграла.

– Мне должно делать дела Пославшего Меня, – продолжал всё тот же ве-

сельный голос, – доколе есть день; приходит ночь, когда никто не может делать. Доколе Я в мире, Я свет миру.

Слепой весь сжался, пытаюсь понять... Все слова были знакомыми, привычными. Дела, день, ночь, свет, мир. Но то, как говоривший соединял их, сплетал, было неясным.

То, что произошло дальше, было еще менее понятным. И не только для слепого.

«Сказав это, Он плюнул на землю, сделал брение из плюновения и помазал брением глаза слепому».

Помню, как, прочтя это в первый раз, споткнулся об это «брение из плюновения». Показалось даже смешным. «Плюновение...» Главное – зачем? Иисус уже исцелял слепцов. Двух, встреченных у Иерихона. Одного, которого к Нему привели в Вифсаиде. И достаточно было Его слова и возложения рук на глаза, чтобы те прозрели.

Для чего же тут понадобилось делать это «брение из плюновения», мазать им глаза слепому, а потом еще отправлять его омыться в Силоамской купели? «Прямо шаманский ритуал какой-то», воскликнет неверующий. А что тут сказать верующему?

Конечно, случай с иерусалимским слепым был «более запущенным»: не просто потерявший зрение, а незрячий от рождения. Но ведь и Целитель здесь не рядовой. Тот, Кто смог воскресить мертвого – одним только призывом «Лазарь! иди вон», – мог исцелить таким же образом и слепорожденного, и кого угодно. Одним Своим словом, одной мыслью.

Для чего же тогда все эти «брения» и «омовения»?

Первое. *Фактор веры*, присутствовавший почти во всех евангельских исцелениях. Те, кто ожидали исцеления (для себя, для кого-то из близких), уже приходили к Иисусу, веря, что оно совершится. В короткой беседе Иисус давал им возможность эту веру высказать (выкрикнуть, прошептать...). «Веруешь? – Да». И совершалось чудо. Не как награда за веру, но как *естественный* (и сверхъестественный) ее результат.

«...Иди, и, как ты веровал, да будет тебе» (Мф. 8, 13). «...Если сколько-нибудь можешь веровать, всё возможно верующему» (Мк. 9, 23). «...По вере вашей да будет вам» (Мф. 9, 29).

Иисус «этими словами укрепляет их веру, показывает, что они сами участвовали в своем исцелении», писал святитель Иоанн Златоуст.

В случае со слепорожденным этой краткой беседы, этого вопроса о вере мы не находим. Диалог был – но только между Христом и учениками.

Почему Иисус не вступает в беседу с самим слепцом? Почему не спрашивает, желает ли тот исцелиться? Верует ли?

«Не согрешил ни он, ни родители его, – отвечает ученикам Иисус, – но это для того, чтобы на нем явились дела Божии».

Этими словами Он, возможно, давал понять, что то чудо, то исцеление, которое произойдет, будет совершенно не «рядовым». Без «участия» в нем самого человека. Исключительно как *дело Божие*.

И оно происходит. Иисус лепит из смоченной слюной пыли что-то и смазывает этим глаза слепому. Что Он слепил? Мы не знаем. Византийский поэт V века Нонн Панополитанский, в стихотворном переложении Евангелия от Иоанна, пишет, что Иисус вылепил из глины глаза и вставил в пустые глазницы слепому: «глиной простою да грязью глаза ему вновь сотворил Он».

Возможно, это было так. Возможно – нет. По крайней мере, в евангельском тексте использован глагол *эпиисэн*: Иисус не просто сделал брение; Он *сотворил* (эпиисэн) его; церковнославянский перевод так это и передает: «сотвори брение». Этим же глаголом в греческом переводе Книги Бытия описывается и сотворение человека: «И сотворил (эпиисэн) Бог человека» (Быт. 1, 27).

Иисус не просто исцеляет слепого. Он как бы творит его заново. Слепой родился с тяжелым изъяном, – Иисус творит его свободным от него. Слепому остается только пойти и омыться в Силоамской купели.

...Слепой медленно поднялся; от сидения затекли ноги. На всякий случай быстро ощупал мешочек под плащом. Нет, всё на месте. Кто-то поддерживал его; наверное, один из учеников Того. Поддержал и повел вниз, к Силоамской купели. На лице подсыхала глина, и оно немного чесалось.

Идти было недалеко. Он молчал. Надо было, наверное, расспросить, Кто помазал ему глаза и что значили Его слова. Но слепец молчал; его была легкая дрожь. Он боялся потерять надежду. Последнюю надежду. Боялся, что омоет глаза – и всё останется, как было. Бесконечная ночь, отчаяние.

Он услышал плеск воды. Потом ее запах, тонкий, чуть сладковатый. Поводырь подвел его к краю купели.

«Здесь?», глухо спросил слепой.

Не дожидаясь ответа, опустил ладонь и зачерпнул.

Великий пост завершается воспоминанием о воскресении Лазаря и входом в Иерусалим. Цикл послепасхальных Недель до Отдания Пасхи завершается Неделей о слепом.

И там, и там – связь с идеей *жизни будущего века*, со Вторым пришествием. Воскрешение Лазаря является прообразом воскресения мертвых, вход в Иерусалим – поселение тех, кто спасется, в Иерусалиме Небесном. В исцеленном слепом просвечивает та же апокалиптическая идея обновления мира. Его воссоздания в изначальной целостности, в том совершенстве, в котором он и был сотворен.

Лазарь воскрешается к жизни. Это величайшее чудо, победа над смертью. Но Лазарь воскрешается не обновленным – таким же, каким был. И Иисус показывает – и еще до воскрешения Лазаря, – что то тело, которое люди

получат в жизни будущего века, будет лишено изъязнов и болезней. Даже самых тяжелых, врожденных, неизлечимых.

«Пойди, умойся в купальне Силоам».

Опять же: случайно ли, что три последние недели по Пасхе – до Вознесения – связаны общей темой водного источника? Расслабленный, лежащий в купальне Вифезда. Самарянка, беседующая с Иисусом у колодца Иакова. Снова купальня, на этот раз – Силоамская, куда Иисус посылает слепорожденного...

Вода. Образ Крещения. Образ обновления, духовного перерождения, начала новой жизни. Уже здесь, не в будущем, но в этом веке.

– Здесь?

Не дожидаясь ответа, слепой опустил ладонь, зачерпнул.

Вода коснулась его лба, носа, щек. Потекла по подбородку, по шее.

И он увидел.

Увидел воду, свои руки, людей, стены, небо, свет.

Не выдержав обрушившейся на него радости, он принялся плакать, плясать и славить Бога.

Дальше будет трудное – как у всякого, родившегося заново, – вживание в этот мир. В мир видящих, но слепых духовно. Его будут допрашивать, кто, как и почему его исцелил. Придется отвечать, по нескольку раз, на одни и те же вопросы. Кто, почему? Почему в субботу? Вызовут родителей; он впервые увидит их; отец и мать, казавшиеся ему в той, прошлой, незрячей жизни такими сильными, окажутся маленькими, напуганными, что-то отвечающими невпопад.

Но всё это было уже не так важно.

Главное, он видел. И еще важнее – он увидел. Увидел Того, Кто его исцелил.

Когда, промурыжив и осыпав напоследок руганью, его, слепого, а ныне зрячего, выгнали, то... Да, он сразу узнал Его. По голосу.

– Ты веруешь ли в Сына Божия?

– А кто Он, Господи, чтобы мне верить в Него? – ответил он с легкой дрожью в голосе.

– И ты видел Его, и Он говорит с тобою.

– Верую, Господи!

И, обхватив Его колени, снова заплакал. Но уже недолго.

Неделя седьмая: Первый Вселенский Собор

«Итак, первенствующие служители Божьи из всех Церквей, наполнявших Европу, Ливию и Азию, собрались в одно место».

Так начинается свой рассказ о Никейском соборе Евсевий Кесарийский.

20 мая 325 года Собор был открыт.

Вокруг императорского дворца (единственное строение, которое могло вместить всех епископов и сопровождавших их) собирался народ; еще до начала собора прибыли различные ораторы и произносили перед ним «предварительные опыты своих речей». Догматические вопросы волновали в те времена не только богословов: их обсуждали на площадях, рынках, даже в банях.

Да и прибытие церковных иерархов из разных частей Империи и из других земель было событием не рядовым. Сирийцы, египтяне, готы, армяне, персы, фракийцы, испанцы...

Но вот все собрались в зале, расселись по скамьям, стоявшим по обе стороны. Наступила тишина, все ждали прибытия василевса, императора Константина.

«Вот, наконец, вошел кто-то один, потом другой и третий из приближенных василевса, входили затем и другие, но не из обыкновенных гоплитов и дорифоров, а из верных его друзей. Когда же подан был знак, которым обыкновенно возвещалось прибытие василевса, и все встали, вошел и сам он и выступил на середину собрания».

Дойдя до начала рядов, император ненадолго остановился.

Раздался легкий шум, слуги несли небольшое золотое кресло, его поставили перед Константином. Император продолжал стоять, глядя на епископов. Те, как было условлено, подали ему знак. Константин слегка кивнул и опустил в кресло. Снова по залу прошел легкий шум и шелест: епископы садились на свои места.

Собор был открыт.

Первый Вселенский собор, о котором Церковь вспоминает в самую последнюю Неделю по Пасхе.

Эта Неделя занимает среди Недель по Пасхе особое место; она словно выделена из их череды. Она стоит уже после Отдания Пасхи, после Вознесения. Даже количественно она как бы «выбивается». Шесть воскресений Великого поста, до Пасхи, – и шесть воскресений после Пасхи, до Вознесения.

Но главное, все предшествующие недели по Пасхе связаны с евангельскими событиями и служат как бы переходом от Воскресения к Вознесению.

В каждой из этих Недель присутствуют оба эти события. Разве что первые две – Неделя о Фоме и Неделя жен-мироносиц – больше связаны с Воскресением, а последние три – с Вознесением. Купальня Вифезда в Неделе о расслабленном. Колодец Иакова в Неделе о Самаряныне. Силоамская купальня в Неделе о слепом... Вода, образ очищения и крещения. Всё это подводит к заповеди, которую дает Христос перед Вознесением: крестить (*вап-тизин* – «погружать в воду») во имя Отца и Сына и Святого Духа (Мф. 28, 19, Мк. 16, 16). Одновременно Он сообщает ученикам, что через «несколько дней» они будут крещены Духом Святым (Деян. 1, 5).

И вот происходит Вознесение, и начинаются те самые «несколько дней».

Всё так же, всё те же ученики, еще никто не убит, не взят под стражу, никто не покинул Иерусалим, все «единодушно пребывают в молитве и молении». Но – уже без телесного и осязаемого присутствия своего Учителя рядом. Он рядом с ними – но незримо и неосязаемо, не тем присутствием, к которому они привыкли...

И здесь, в первые дни после Вознесения, происходит одно важное событие. Возникает история Церкви в собственном смысле этого слова; ее незаметное начало. Возникает потребность в собраниях, на которых бы решались важные вопросы церковной жизни.

И такое собрание проводится – как раз между Вознесением и Пятидесятницей.

Это был еще, конечно, не собор (*синодос*) – в греческом оригинале он назван *охлос* (толпа, собрание, сборище). Но «сборище» это было не малым: «человек около ста двадцати». Речь, с которой Петр выступает перед ними, была посвящена двум вопросам. Осуждению Иуды и избранию вместо него нового апостола (Деян. 1, 16-22).

Это собрание можно рассматривать как прообраз Первого Никейского собора. Никейский собор тоже был вызван рядом неотложных задач. Осуждением ереси Ария, утверждавшего, что Христос был не рожден Богом-Отцом, а сотворен Им и поэтому не равен Ему.

Впрочем, почти сразу выяснилось, что задачи Собора светская власть и власть духовная понимают по-разному.

«Целью моего желания, други, было насладиться созерцанием вашего собрания», – начинает свое обращение к Собору Константин.

Император выступает, епископы слушают. Потом начинают выступать епископы, и император терпеливо выслушивает их. Епископы спорят друг с другом, обвиняют, защищаются, пускаются в богословские рассуждения.

Епископов, прежде всего, интересует вопрос веры, вопрос природы Христа. Императора, прежде всего, интересует вопрос мира и стабильности Империи.

Богословам нужна истина. Императору нужна стабильность.

Константин был святым императором. Он прекратил гонения, от которых почти три века страдала Церковь. Ей было возвращено всё отнятое у нее имущество. Константин щедро одаривал Церковь, освобождал от налогов, заботился о ее процветании. Проявлял широчайшую и искреннюю благотворительность... Но он не мог понять, почему съехавшиеся в Nikeю епископы так спорят о каких-то догматических тонкостях.

Он не был против подобных дискуссий – если они не выходили за стены философских школ. Но споры о природе Христа, о соотношении лиц Троицы

втягивали мирян, угрожая спокойствию Империи. С этим он мириться не мог. Его, как главу государства, волновала не столько догматика, сколько политика. И самого себя он совершенно искренне называл «епископом по внешним делам». Не будучи при этом даже крещенным – крещение он примет только перед смертью.

Константин был святым. В той мере, насколько святым может быть человек, обладающий колоссальной властью и не желающий эту власть терять. Для него христианство было, прежде всего, религией мира. К миру он призывал и епископов: «Мои желания тогда только исполнятся, когда я увижу, что все вы оживлены единым духом и блюдете одно общее, миролюбивое согласие...».

И православные участники собора желали мира. Но когда вставал вопрос о вере, вопрос о мире отходил на второй план: «Не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10, 34). И они могли яростно спорить с арианами, как Афанасий Александрийский, тогда еще диакон. И даже, по преданию, дать Арию пощечину, как святитель Николай.

Для большинства епископов Собор был средством утверждения истины. Для Константина он был средством утверждения спокойствия в Империи – а также поводом празднования двадцатилетнего юбилея собственного единоличного правления.

Не случайно после открытия Собора состоялся банкет, посвященный этому событию.

«Участия в сем царском пире не лишен был никто из епископов... – сообщает Евсевий. – Одни из них возлегли вместе с василевсом, а другие разместились на скамьях по обеим сторонам палаты. Казалось, что это был образ царства Христова, и случившееся походило на сон, а не на действительность».

Это не было ни образом царства Христова (в котором христиане возлягут не с императором, а с Христом), ни сном. Это было реальностью, совершенно новой реальностью для Церкви. Реальностью *исторического* времени, в которой ей придется существовать остальные века.

До этого Церковь пребывала как бы *вне* истории, вне исторического времени.

Церковное время – вообще время особенное.

Да, оно отчасти вписано в обычное, календарное. Суточный круг богослужений, недельный, годовой... Но полностью с обычным, «природным», временем оно не совпадает. Не совпадает с его жесткой линейностью, с его однонаправленным движением из прошлого – через настоящее – в будущее. В литургическом времени и прошлое, и настоящее, и будущее присутствуют одновременно, и движение между ними может происходить как в одном, так и в другом направлении.

Церковь очищает время. Освобождает его от фатальной текучести, от связи с тлением и смертью. («Это – время тихой сапой / убивает маму с папой», как писал Бродский...) Собственно, любая молитва – это уже движение против течения времени, его приостановка. Бог пребывает вне времени, и чем больше человек приближается к Нему, тем меньше время для него что-то значит.

Особенно – в воскресенье, когда человек должен оставить все свои обычные дела, отрешиться от обычной суеты, «всякое житейское отложить по печению». Оставить всё то, что и сообщает нашему «обычному» времени такую фатальную власть над нами. Отсюда и старославянское название воскресенья, «неделя» – от «неделания». Как и древнееврейское «шаббат» (суббота), от «шават» – «останавливать, прекращать что-либо делать».

Человек выходит из потока времени, прекращает всякое делание – кроме молитвы. Из любого времени – природного, социального, исторического.

История, воплощенная в огромной государственной машине Римской империи, была для Церкви чужой, внешней и, чаще всего, враждебной силой. В этом, внешнем, историческом времени велись войны, плелись политические заговоры, праздновались юбилеи. Церковь, – особенно когда ослабевали гонения, – конечно, как-то подстраивалась к этому «государственному» времени. Но в целом, его события ее мало касались.

В Никее ситуация изменилась.

Церковь стремительно становилась частью римской государственной машины, частью имперской истории. Император назвал себя ее епископом (пусть только «по внешним делам»), а епископы возлежали за трапезой с императором (пусть только на время юбилейного банкета).

Так чем же был Первый Никейский собор для Церкви – триумфом или почетной капитуляцией?

Он не был капитуляцией. Как и на том, первом, собрании последователей Христа в Иерусалиме, шел поиск путей церковной жизни в новых условиях. На собрании в Иерусалиме – как Церкви жить без *физического* присутствия в ней Христа после Его Вознесения. На Соборе в Никее – как ей жить в условиях, когда место Христа упорно (пусть и с благими намерениями) пытается занять земной царь, император.

И Церкви это удалось. Она сохранила главное – свое внутреннее, *вневременное время*. Которое не есть время государственное, историческое; которое даже не есть время истории самой Церкви. Это очищенное верой время молитвы, время богослужения, время Евхаристии. Время вечности, которое всегда одно и то же, поскольку и «Иисус Христос и вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр. 13, 8).

Отцы Первого Собора смогли не только сохранить эту вне- и надвременную сущность христианства, сохраняющую Церковь в потоке исто-

рии, но и придать этой сущности твердую догматическую форму. Они осудили учение Ария, утвердив догмат о Христе как о Лице Святой Троицы, единосущном Богу Отцу. У Ария Христос был творением и, как всякое творение, существовал внутри времени. В какой-то момент возникал, жил, совершал такие-то и такие-то дела – прекрасные, добрые, но, как и всё временное, преходящие. Вневременный Лик Христа, *от Отца рожденного прежде всех век*, узкому формально-рассудочному мышлению ариан был недоступен.

Но Собор не был и триумфом. Арианство было осуждено, но продолжало существовать еще три столетия, временами даже одерживая верх.

Арианство – это не просто какой-то временный, преодоленный этап истории Церкви. Оно способно возродиться в любое время, в любую эпоху. Достаточно просто слегка «пересмотреть» догмат о равенстве Христа – Бога-Сына – Богу-Отцу, – и вот уже Христос «отодвигается» и на место Богочеловека Христа становится человекобог. Очередной обожествляемый глава государства, очередной религиозный вождь, очередной харизматичный мыслитель... Так было в античности, когда вскоре после Собора Константин, а затем и его преемники начали поддерживать ариан. Так было и в Новое время, с его мощными процессами секуляризации. Но это уже отдельная тема.

Первый Вселенский собор не был ни триумфом, ни капитуляцией.

В Никее Церковь воздала кесарю – кесарево; Константин воздал Богу – Богово. Обе стороны пошли на некоторые уступки, проявили смирение. Возникла симфония светской и духовной власти – пусть не как реальность, но как идеал, важный для всей последующей истории их отношений.

Более того, благодаря Собору – и императору Константину, чьими усилиями он был созван, – Церковь смогла выработать и принять главные принципы своего учения. Те самые, которые дадут ей возможность оставаться собой – при всех уступках властям, при всех гонениях, кризисах и других издержках существования в историческом времени. Сохранять – порой совершенно необъяснимо – свое незримое изначальное ядро, ту вневременную евхаристическую общность, которую *врата адовы не преодолеют*.

О чуде. О поклонах

О чуде

Чудеса предлагаются для неверных, а не для верующих. Неверный же при удобном случае с презрением относится и к чудесам.

Свт. Иоанн Златоуст (ок. 347 – 407)

Мы не будем обвинены, о братия, не будем обвинены, при исходе души нашей, за то, что не творили чудес, что не богословствовали, что не достигли видения, но, без сомнения, дадим Богу ответ за то, что не плакали беспрестанно о грехах своих.

Прп. Иоанн Лествичник (525–595 или 579–649)

Многие совершали знамения, воскрешали мертвых <...> и после всего этого сами впали в мерзкие и гнусные страсти, <...> потому что были еще в душевном недуге и не заботились о здравии душ своих, но пустились в море мира этого исцелять души других, будучи еще сами немощными...

Прп. Исаак Сирин (ок. 640 – ок. 700)

Чему бы жизнь нас ни учила,
Но сердце верит в чудеса:
Есть нескудеющая сила,
Есть и нетленная краса.

Фёдор Тютчев (1803–1873)

При содействии дивных знамений апостолы быстро распространили христианство по вселенной. <...> Когда же вера была насаждена повсеместно, насаждено было Слово, тогда отняты знамения как окончившие свое служение.

Знамения давались не верующим, но неверующим, чтобы они становились верующими.

Свт. Игнатий Брянчанинов (1807–1867)

Ты сам – в своей душе и в своем теле – чудо. <...> В твоём теле постоянные сокровенные чудеса: образование крови, соков. Твое тело постоянно строится или творится при постоянном разрушении, и всё оно живет совершенно не зависимо от тебя, а от воли Бога Творца, давшего ему законы бытия и поддерживающего их.

Прав. Иоанн Кронштадтский (1829–1909)

Не нужно ждать или искать чудес. У нас одно чудо: Божественная Литургия.

Прп. Нектарий Оптинский (1858–1922)

Чудо есть явление божественной целесообразности в мире. И наше желание чуда сводится к тому, чтобы жизнь наша совершалась по воле Божией, которая бы раскрывалась в нашей жизни. И в этом смысле, поистине, жизнь всякого верующего для него самого полна чудес, есть непрестанное чудо.

Сергий Булгаков (1871–1944)

...Когда чувственная и пестро-случайная история личности, погруженной в относительное, полутемное, бессильное и болезненное существование, вдруг приходит к событию, в котором выявляется эта исконная и первичная, светлая предназначенность личности, вспоминается утерянное блаженное состояние <...>, – тогда это значит, что творится чудо. В чуде есть веяние вечного прошлого, поруганного и растленного, и вот возникающего вновь чистым и светлым видением. <...> В чуде вдруг возникает это воспоминание, возрождается память веков и обнажается вечность прошедшего, неизбывная и всегдашняя.

Алексей Лосев (1893–1988)

Наше бытие в Церкви – это не право наше, а всегда чудо и нечаянная радость.

Сергей Фудель (1900–1977)

Чудо нам большей частью представляется как нарушение или приостановление законов природы; на самом же деле, если за закон принимать ту уродливую действительность, которую грех человеческий создал на земле, то всякое чудо Божие – нарушение этого страшного закона дисгармонии и неправды. Но то, что мы называем законом, то, к чему мы привыкли и в человеческих отношениях, и в действиях природных сил, на самом деле очень часто – или жалкий остаток изначальной, Богом установленной желанной гармонии, или просто уродливое ее нарушение.

Всякое чудо – восстановление истинной законности жизни и человека, и природы; той законности, которая определяется гармонией всего в Боге,

О чуде. О поклонах

гармонией людей между собой, в сострадании, в милосердии и в любви, в гармонии природы со своим Творцом и с человеком, предварительно примирившимся с Богом.

Митр. Антоний Сурожский (1914–2003)

О поклонах

Не заботься о количестве поклонов, все внимание обрати на качество молитвы, совершаемой с коленопреклонениями... Гораздо сильнее действует небольшое число поклонов... нежели большое, исполненное наскоро для счета.

Свт. Игнатий Брянчанинов

Если не можешь класть земных поклонов, клади поясные, или стоя, сидя, или хоть лежа твори молитву, а вместо поклонов хоть осеняй себя крестным знамением...

Прп. Амвросий Оптинский (1812–1891)

Много помогают согреванию сердца поклоны. Их и кладите почаще – поясные и земные.

Свт. Феофан Затворник (1815–1894)

Надо нудить себя и против воли делать усердные поклоны; это нужно против гордости нашей, гнездящейся в глубине сердца. Гордость не любит кланяться.

Прав. Иоанн Кронштадтский

Когда нужно, то замечание надо делать неисправным, не обращая внимания на то, что они могут рассердиться... Старайся только, чтобы без раздражения делать. А если видишь, что они смущены остались, то положи за них несколько поклонов после.

Прп. Иосиф Оптинский (1837–1911)

Мы ограничены даже в своем поклонении Богу. Земля – «слишком высокий уровень» для нашего поклона. Некуда нам, Господи, поклониться Тебе! Жалким земным поклоном, а то и кивком головы, мы кланяемся Твоей великой правде и любви. Только наш поклон в бездну соответствовал бы нашему ничтожеству без Тебя.

Архиеп. Иоанн Сан-Францисский (Шаховской, 1902–1989)

Миряне занимаются <...> гимнастикой, а мы, монахи, делаем поклоны. Миряне с помощью физкультуры делают тело здоровым, а монахи с помощью поклонов делают и тело, и душу еще здоровее.

...Миряне не знают, как полезны поклоны не только для здоровья души, но и тела. Они помогают при суставном ревматизме, прогоняют вялость, убирают живот, успокаивают и придают человеку красивую осанку. Но одновременно дают ему возможность взойти на духовную высоту добродетелей так же легко и без одышки, как он восходил бы на вершины гор.

Поклоны необходимы и молодым и старым, и тому, кто имеет плотскую брань, и тому, кто от неё свободен. Кто имеет крепкое сложение, должен делать больше поклонов, чем человек слабый, так же как сильная машина должна работать больше. Особенно молодым поклоны помогают обуздать плоть.

Прп. Паусий Святогорец (1924–1994)

Иерей Сергей КРУГЛОВ

«Царство Божие – здесь»

Избранные записи в Фейсбуке последних лет*

Симону Вейль многие, многие стремятся нынче пристегнуть к себе и своему; так и вижу, зажмурив глаза, как наступает момент – и лихорадочно стремятся от нее отстегнуться, отъединиться, как от расплавленного пластика, капающего на живое.

Сегодня сообщили, что в один день умерли поэты Шамшад Абдуллаев, Аркадий Штыпель, Владимир Микушевич...

Что такое для меня – смерти поэтов, одного за другим?.. смерти не вообще людей, не абстрактного человечества, а людей из моей жизни (какое дикое, вообще-то, выражение – «моя жизнь». Ну, это просто не очень ловко мной сказано, но вы понимаете, о чем я), людей той или иной степени близости?..

Назвать их «невозвратимой потерей» не могу – вряд ли кому-то (да и мне) захотелось бы «возвращаться» в этот мир, во «всё-вот-это-вот», бесконечно тянуть эту ляжку; нет, возвращения нет, надо идти дальше, дальше, ведь то, что я люблю, не осталось позади, а – всегда со мной, и в то же время ждет меня впереди как встреча/Встреча. Но что я чувствую при этих сообщениях о смерти одного, другого, третьего поэта?.. С парашютом я не прыгал, но ощущение такое: мелкая жестяная тряска самолета, холод, ночь, неудобная скамейка, на которой не знаешь как примоститься, длинный ряд людей, уткнувшихся друг в друга, кто-то приспособился и уснул, кто-то мается и никак; и вот то погружаешься в забытие, то встряхиваешься: это уже твое «пошел», туда, в ночь, в ветер, в пустоту полета? нет, еще не твое, еще вон какая длиннющая очередь впереди, и ты снова плаваешь и – бульк – немного даже проваливаешься-таки сквозь пленку поверхности в забытие, неглубоко, а самолет мелко трясет, гудит в голове, холодно, спина и ноги за-

* Продолжение. Начало в №№ 2–4 (XLIII–XLV), 2017; 1–4 (XLVI–XLVIII), 2018; 1–4 (XLIX–LI), 2019; 1–4 (LII–LIV), 2020; 1–4 (LV–LVIII), 2021; 1–4 (LIX–LXI), 2022; 1–4 (LXII–LXIII), 2023; 1–4 (LXIV–LXVI), 2024. (Примечания ВС.)

текли, мандраж и тревога/страх перед прыжком не исчезли, но от длительности как-то настоялись, перебрадили, что ли, прокисли, перешли в какое-то иное состояние; и ночь, кажется, никогда не кончится, и спать-спать, и никак, и снова: «пошел!», ветер и свист пустоты в открывшийся люк, звон троса, смена теней на фоне ночного проема, и снова – не ты, и надо бы наконец еще раз проверить, нормально ли уложен твой парашют, но сил нет, и спать-спать, и снова.

Карл Поппер: «Человеческий фактор – это крайне неопределенный и изменчивый элемент социальной жизни».

(Это я к тому, что, собирая днесь плоды того, что было насажено нашими предками, мы сами всё равно упорно продолжаем сеять свои семена, обольщаясь представлением, что они на сей раз никак не зубы дракона и из них-то уж непременно взойдет что-нибудь не смертоносное, а съедобное).

Ведь действительно, в любовь, как и в Бога, можно только верить (когда сам – в любви, или сам – с Богом, в эти бескрайние и неопишуемые (условно говоря) минуты, тогда о «вере» не вспоминается; вспоминается, когда – вне этих минут). «И где она, любовь? Покажите!» – «Имей веру в нее, веруй – и увидишь. А так – показать не можем...»

Диоген Лаэртций о Сократе: «Он первым стал рассуждать об образе жизни и первым из философов был казнен по суду».

Остается только прибавить: «...что и неудивительно».

Пречистая Дева Мария, родив Сына Божия и нашего Спасителя, так и осталась – Пречистой Девой.

Что такое чистота?

Я не могу о ней рассуждать, потому что сам не чист и на опыте не узнал еще; но кое-что даже мне всё-таки понятно.

Чистота не терпит нечистоты, это так; и вместе с тем нетерпимость к людям нечистым (или считающимся таковыми в ту или иную эпоху), в смысле: «Прочь их с глаз! Всех сжечь!» – явно не признак той чистоты, о которой речь. Скорее, как раз наоборот: это признак наших «мнений», своих представлений о «чистоте», основанных на «своем».

Так что же? Попустительство нечистоте, всетерпимость, граничащая с равнодушием?..

Тоже – никак, думаю.

Чистота бриллианта, собравшего в себя чистый свет: ясность, устойчивость/неизменность и твердость (ничто нечистое ну никак не прилипает), и одновременно – чистота основы жизни – воды (милует, омывает, лечит, утоляет жажду, успокаивает, растворяет, и проч.), и одновременно – живоро-

дющаяся чистота земной органики, вроде бы – бренной, пустяшной, но такой смиренной и жизнестойкой, и такой совершенно – органически – прекрасной: цветка, травинки. И чистота человеческого: смирение, нероптание, терпение, кротость, нежность, простота взора/суждения, любовь как верность во всём, забота, жертвенность.

Всё это – в Пречистой Деве Марии, в Богородице.

Икон Ее, образов – сотни, все они отражают разные случаи, поводы для участия Божией Матери в нашей бурной и переменчивой человеческой истории. Но Сама-то Богородица, Пречистая, – одна, другой нет, Ее Самой ведь – не сотни. О Ней, девочке, сказавшей однажды: «Се, раба Господня», вообще – не более трех с половиной, условно говоря, фраз в Священном Писании. Помышляя о Ее чистоте, любви, смирении и приснодевстве и вместе с тем – обращаясь к Ней как к могучей царице, как к богине, возглавляющей «небесные» или даже вполне земные «рати», подумай: куда Она ведет эти «рати», с кем же это Она идет воевать, кого гнать и убивать, какую человеческую нечистоту Пречистая идет выжигать каленым железом, каких земных матерей лишать их детей?

Подумай: Ей ли, в самом деле, ты молишься.

Однажды, говорит пророк, был я в духе/в Духе.

И как же это мучительно.

Остаться там, говорит – не могу, не готов, не соответствую. Своего рода это смерть, живительная, но выше естества.

И возвращаться назад, говорит, – тоже мучение, возвращаться вот во всё это, в суету и долг и вес будней, в тяжесть плотского и всех нескончаемых этих мыслей/переживаний; а – надо.

В том, что написано (Евангелие и всё Писание), полнота Откровения так-то есть, но она – приугашена, пропущена через фильтры слов и восприятий.

Иначе – невыносимо человеку, что писать, что читать, да и какая бумага выдержит.

Царство Божие, говорит Христос окружающим, «внутри вас», или – среди вас, есть. Оно – особая реальность. Но вот только не все ее видят, слышат и пребывают в ней: уши имеют – и не слышат, глаза имеют – и не видят, и это не обвинение («ах вы такие-сякие, немедленно протрите глаза и вытащите бананы из ушей!»), это горестная констатация факта, диагноз. А книжникам и фарисеям – горе, потому что и сами не в Царстве, и другим затрудняют, загораживают возможность ощутить Его и быть в Нем, в немалой степени – своими установлениями, обрядами, правилами, отвлечениями/указаниями только на земное, ну и в таком роде.

Что мы имеем в виду под словом «спасаться»? Вот что: что спасает, разумеется – только Спаситель, только Сам Бог. Но спасение надо ведь еще и принять, совершить самому какие-то труды к его принятию. И эти труды всегда сопровождаются трудностями и скорбями, тугой, болезнями жизни сей, и терпением и смирением, которые не «требуются» от нас, чтоб мы их применили (в том смысле, что вот есть такой взгляд на добродетели: они у тебя, вражины и грешника, изначально есть, тебе ведь их выдавали, и не отнекаешься, что не выдавали, они в кладовке у тебя ржавые лежат, а ну быстро достал, отчистил и работай ими, иначе расстреляем за преступную халатность, лень и саботаж!) – у нас их нет, а они *происходят* с нами в процессе спасения.

Любовь к Богу и любовь к людям – не «разные вещи», как мы привыкли делить, и не «одно и то же», в Царстве тождественности нет. Но это – одно. Одно Царство как особая реальность. Любовь к людям как Царство возможно ощутить, когда уже не осталось в твоём взгляде на людей, идущих мимо тебя по улице, окружающих тебя в семье и всюду, похоти, сентиментальности и лицепрятия. Жалость, пожалуй, остается. Нежность тоже. А этого всего – нет.

Старушка, ей где-то около 90, говорит, а саму трясет, плохо ей, лежит, постоянные голоса в голове:

«Я, батюшка, всю жизнь работала, я младшая из сестер... а они мной всегда были недовольны... я плакала часто, почему они ко мне так... а я так благодарна Богу за всё, за всё... только вот эти в голове поют, как будто воюют друг с другом – те светлые, а вон там – темные... и за всех, за всех молюсь Богородице, за детей, за внуков, они такие хорошие... и каюсь, каюсь Богу во всём, во всём...так тяжело болеть, передышки редко бывают... а я, батюшка, вот так болею с детства, всю жизнь... у меня дед был колдун, но он меня очень любил...»

О дружбе со стариками: может, она еще возможна и начнется как следует – в Царстве, где мы все будем – есть такие намеки в Предании – примерно одного цветущего возраста.

Вчера служили в доме инвалидов (он же ПНИ). Маленький наш Воскресенский храмик стали активно посещать мыши. На видном месте обнаружил несколько наноговн – черненьких как бы маковых зернышек... Сначала огорчился: ничего у мышей святого, даже и в храме нагадили; а потом подумал: а как бы я узнал, что тут были мыши, если бы они не оставили после себя сих следов. Не так ли и ты, человек: по тому узнают, что ты был, что найдут оставленные тобою в мире сем во множестве нано, микро и макротовны.

Об отношении к стихам как к «плодам трудов», «результату/ценности». Не есть ли и это – искушение, в обычном христианском смысле.

Попробовал перед сном перечитать книгу своих стихов – ничего не вышло, ничего не вычитал, буквы рассыпались по странице... Засыпал – и в тонком сне увидел, что и стихи умирают так же, как человек: ткань стихотворения распускается, тонкие разноцветные нити слов, мелодий и образов, из которых она сплетена, светящимися струйками скользят ввысь, в то вечно живое горнее лоно, откуда были временно мной взяты. Светло, правильно.

– Сходила к знахарке, она помогла вернуть ушедшего мужа.

– И что, вернулся?

– Да... Как там говорится: в виде фарса.

(Есть старый анекдот: – Помогла знахарка, вернулся муж? – Вернулся... Только – первый, который десять лет назад умер...)

Кот Стёпа бел, в темноте – хорошо виден; это очень важное его качество, ибо Стёпа как раз в темноте любит располагаться под ногами на караванных путях квартиры; обычно бывает так: разбужен котом и кошкой ровно в пять утра, иду в темноте на кухню, чтобы задать им корму, Стёпа бежит впереди, громко мурчит и то и дело бросается под ноги и лежит; сегодня меня осенило: поза, в которой он растягивается, ноги назад, руки вперед... кого же она мне напоминает... позу скелета из «Острова сокровищ»! Да ведь вытянувшийся на полу Стёпа указывает точно на кухню! Ишь, старается, облегчает хозяину пешешествие во тьме.

Урок английского: жена репетиторствует, подтягивает соседскую девочку лет 12-13-ти; девочка – отличница, только квартирный вопрос=зачеркнуто=танцы, гимнастика, мальчики и тик-ток не позволяют сосредоточиться на уроке; слышу из соседней комнаты: «Как это сказать по-русски? Кто музыкант с трубой? Правильно, трубач!.. Что он делает? Поет?! Как, как можно петь, засунув в рот трубу?!» – «В самом деле, затруднительно», – думаю я.

В старинном слове «тщеславие» неотменно чувствуется привкус сладостный, тягучий, липкий и слегка тошнотно-душный, словно бы после сожрания банки сгущенки; привкус рождается где-то между корнем языка и гортанью, там, где зарождается утренний смрад, наполняющий дыхание только что проснувшегося человека. Например, меня пригласили принять участие в антологии-билингве верлибра, я с энтузиазмом отобрал необходимое количество текстов, расположил их в подборке, зажмурил глаза, почти въяве провидя, как они выглядят в уже переведенном и напечатанном

виде на страницах книги, и ощутил именно этот привкус, сладостный, тягучий, липкий и слегка тошнотно-душный.

- Верующему нельзя собаку в доме держать! Нечистое животное!
- Верующему нельзя человека в доме держать. Самое нечистое животное из всех...

Приносят в храм всякое. Сегодня, например, принесли произведение декоративно-прикладного творчества, обильно раскрашенное и покрытое толстым слоем лака: деревянный крест, на нем вверху вырезан Христос в терновом венце, под ним – святитель Николай Чудотворец в митре, держащий в руке раскрытую книгу, на одной странице которой крупно написано: СПАСИ И СОХРАНИ, на другой – крупно написано: ОКО ЗА ОКО. Повелел унести сие с глаз моих (сфотографировать поленился).

«Искал Бога, искал, нашел – и успокоился».

Вы серьезно?

Нашел Бога – тут-то беспокойство, мню, только и начинается...

Еще мню: одна из отличительных черт поэта – он не забыл детство. Личное ли, ближнего, психическое, телесное, социальное, культурное, религиозное и так далее, и так далее.

Вероятно, именно там поэт в основном и встречается с Тем, Кто сказал: «Будьте как дети».

- Дата Рождества зависит от солнцестояния!
- Всё совсем наоборот. Где скажет Младенец, там солнце и станет.

Тут с одним собеседником говорили о том, можно ли объяснить другому человеку идею троичности Бога, образно как-то и попроще, мол, «как вы сами это понимаете», и пр. Подумалось мне: любой наш ответ, образ Троицы, будет выглядеть приблизительно, очень приблизительно. А если его усвоить как истинный и точный образ Бога, это уже будет ложь, то есть человек при встрече рискует не узнать Бога, сравнивая со своей «ориентировкой»... Потому св. отцы, узнавшие Бога лично, посвятившие жизнь Богопознанию, говорят: молясь Богу, то есть – общаясь с Ним, избегайте представлять в воображении Его образ, он неизбежно будет ложен, обращаясь к этому образу, вы отворачиваетесь от настоящего Бога и общаетесь с идолом, созданным из вашего воображения. Бог Сам откроется вам, ждите и терпите с верой.

«Надо, чтобы Христос родился в твоём сердце».

Когда Христос родится в сердце, это прекрасно. Только готовься: годика через полтора-два туда ворвется рота солдат.

«Крылья сложили палатки, их кончен полет.
Снова они их раскинут на праздник Суккот...»*

Подумалось: по сути, наши храмы – чего, конечно, вдруг-то не скажешь по их внешнему виду и по вековым наростам того и сего, – и есть палатки в пустыне, место евхаристической встречи верных, а прочее – от культуры, как говорится.

Из переписки в мессенджере:

– Здравствуйте, батюшка. Вчера был день памяти праведного Иоанна Кронштадтского, с житием знакома давно, а вчера знакомясь с его дневниками. Он пишет: «Если мы приступаем к молитве и сомневаемся, что можем получить просимое, то это есть хула на Господа». А ведь это грех, который не прощается. Мы знаем, что молитва должна быть смиренной. Как это соединить вместе для понимания? Если бы мы были такими праведниками, как отец Иоанн, то тогда, конечно, мы могли бы так дерзновенно думать, что получим всё, что просим. Но ведь мы простые грешные люди».

– Отец Иоанн откровенно пишет в своих дневниках – но о *своем* опыте. Не о вашем. Сколь бы он ни был свят, но он – тоже человек. И в Церкви нет «авторитетов» («авторитеты» у нас на зоне...), в Церкви есть Христос Господь и слово Евангелия. И оно в жизни каждого – восходит по-своему. Свой опыт жизни, свою личность пред Богом – не заменишь ничем и никем. Потому, читая св. отцов, не стоит пытаться слепо копировать их жизнь, накладывать как кальку на свою, это невозможно, это называется в православии – прелесть духовная, иллюзия; будем стяжать – свое, уважая св. отцов, учась чему-то на их примерах, но трезвенно помня, что и они во дни своей земной жизни – такие же люди грешники пред Богом (как вы знаете, «святые» не означает «безгрешные», последних вообще нет на свете), и ориентируясь на Христа Спаса, который посреди нас – и есть, и будет всегда. И еще: дерево познается по плодам. Если прочитанные слова вселили в вас такие вредные плоды, как уныние, помыслы о бесполезности своей молитвы к Богу, сомнение в милости Божией к вам, и проч. – значит, это (прочитанное) просто – не ваша мера. Адам и Ева в раю тоже съели святой плод – но это было «не их», и что получилось...

Доверяйте Богу. Он видит ваши сомнения. Он сказал: «Будьте как дети» – вот и старайтесь молиться попроще, открывая себя Богу как есть, с сомнениями или еще как, а уж Он разберется. И будьте уверены – Он вас любит, и разберется и управит – как нельзя лучше для вас.

– У вас в деревне какая любимая книга у батюшек? У нас, у городских – «Три мушкетера».

---

* Суккот (в синодальном переводе Ветхого Завета – Праздник кущей) празднуется в память о том, как израильтяне жили в кущах (шалашах) во время сорокалетнего странствования по пустыне.

- Почему?
- Хорошими словами заканчивается: «...от щедрот его высокопреосвященства».

День рождения Мандельштама.

Поскольку отчего-то перечитываю сейчас потоком Нагибина, то вот – из «Голгофы Мандельштама»:

«Та звезда, что зажглась на небе век назад, не погасла, как Вифлеемская по исполнению смысла: навести на вертеп, где ежился от холода новорожденный Бог. К яслям Бога-Нахтигалья не пришли с дарами ни цари, ни волхвы, ни пастухи. И ко гробу никто не пришел, да и не было гроба. И звезда продолжает гореть усталым светом в надежде, что те, ради кого он принял муки, заметят ее и поймут знамение».

Конечно, всяк скажет, что «написано выпренне», что «советский Нагибин», разумеется, «ничего не понимал в христианстве», де по-язычески мнил его «величиной мира сего» (кстати, когда он это написал, я так и не нашел даты? Незадолго до смерти, в годы перестройки? В те годы прорвавшееся – нередко выглядело вот таким пафосом, наивным, неумелым, запоздалым, дурацким даже, типа айтматовского «Буранного полустанка», – легко судить нам сегодня, начитанным коням в белых пальтах!..).

Про христианство, его догматику и прочее, не знаю, – но в Мандельштаме Нагибин понял важное, и понял/уловил точно.

Такие, как Мандельштам, своими стихами пробивали брешь в толще бетона (камнями закладывать – долго, топорно, да и сами камни – живые, вдруг подведут; бетонировать – самое то, наш метод, беломорканалский/вавилонский) для других, для условных «нас», для живых из любых последующих в России поколений – оставляли отдушину дышать, как аббат Фариа для юного Дантеса – подключали к интересу и жажде жизни, ко Христу Спасу. Пробоина во тьме, отдушина – вот что такое для христиан догматически сомнительные, чувственно-нелепые, не лишённые «прелести» стихи Мандельштама, Пастернака, Ахматовой, Гумилёва и иже с ними.

Эта пробоина дает не только упоение музыкой стиха – она дает дышать безусловно горним, напоминает о Христе тем, кто «рожден в года глухие»; это – новая миссия, новая форма Благой Вести.

Спасибо вам за эту миссию, Осип Эмильевич.

Спасибо и вам, нашим отцам-образованцам глухонемых времен, Юрий Маркович, Виктор Петрович (этот целомудренно изо всех сил молчал всю жизнь о своем крещении), и другие, другие, советские, но не уничтоженные, – за то, что всё видели и не умолчали о виденном.

Почему-то мнится мне и верится, что и сегодня поэзия – может быть таким вот путеводителем ко Христу.

И есть, и будет.

Кто без греха, просто в силу того, что «читал больше», – ну, нехай мечет в вас и нас свои камни.

Думая об ушедших – о Льве Рубинштейне, обо всех, кто умер отсюда туда, – не подбираю в уме подходящих для торжественного некролога слов. А вертится в уме старая песенка, весны 1987 года, когда ехал я из Тынды домой:

«Уезжают в родные края
Дембеля, дембеля, дембеля...»

Как часто бывает, в разговорах об окупании в прорубь есть как те, которые обличают обычай как нецерковный и появившийся недавно, так и те, которые утверждают почтенность и легитимность оногo. Последние ссылаются на то, что обычай не новый, а старый (для меня, например, почтенность возраста обычаев каннибализма – не авторитет, и не заставит предпочесть их заповеди о любви к ближнему, и проч.).

Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко (Мф. 11, 30).

В том и нюанс, что всяк человек понимает слова и слышит их – *по-своему*... Смотря кто что почитает «благом», для кого что означает «легко», и т.д. И второе: у меня был период тоже про эти слова – я роптал на Бога: ну какое же это «благо» и «легко»?! А потом – прошли годы – вдруг подумал: он говорил это для труждающихся и обремененных. А я-то сам – что, и в самом деле так уж утрудился и обременился?.. Воистину ли я могу претендовать на легкость и благость ярма Христова, да даже по сравнению со многими людьми, которых вижу вокруг, которые в сто раз тяжелее живут – и не ноют?.. А еще потом – ощутил, что Его ярмо и правда благо и легко. Не умственными заключениями и чувствами – нет, просто по жизни. Но для этого ее надо было прожить... (простите, не подумайте, что я морализирую, от этого я далек, – просто делюсь своими наблюдениями).

По случаю, вспомнилось – про сон.

Все знают, как неинтересно слушать рассказываемый кем-либо сон; больше скажу: мне уже давным-давно и смотреть сны неинтересно.

Однако, помню, приснился мне как-то сон довольно интересный, однако помню также, что ничего из него не помню; один только эпизод: я на выставке в большом городе, в какой-то веселой галерее; на одной картине изображено отпевание; главный ее персонаж – румяный бодрый покойник-атеист; батюшка пытается вложить ему в руку рукописание, а тот делает такой жест: «НЕТ!», как на знаменитом плакате с рюмкой водки.

Туан, беседуя со св. Финнианом, утверждал, что из всех живых существ лучше всего быть рыбой, «единой, от носа до хвоста», и приводил такой аргу-

мент: «Ибо на земле или в воздухе вечно что-нибудь чрезмерно или мешает: так у человека по бокам свисают руки, и ум должен о них помнить» (Джеймс Стивенс, «Сказание Туана Мак Карила», перевод Шаши Мартыновой).

Из евангельских зачал, читаемых на утрени под воскресенье, так называемых «воскресных», как-то особо люблю то, что читалось вчера, из Иоанна:

Они вышли на землю – и видят, что уже разложен огонь, на нем печется рыба, и есть хлеб.

Иисус им говорит:

– Добавьте-ка рыб из свежего улова!

Симон Петр вернулся в лодку и вытащил на берег сеть, полную больших рыб – их там было сто пятьдесят три. И при таком их количестве сеть не порвалась!

Иисус им говорит:

– Давайте завтракать!

Никто из учеников не осмеливался задать Ему вопрос «Кто Ты?» – они поняли, что это Господь.

Иисус подходит и раздает им хлеб, а затем и рыбу.

После всех трудов, измученный, отупевший от всего, растерявший, кажется, последние остатки того, что ты мог бы в себе назвать «верой», – выбираешься наконец на берег, и тебя там ждет – нет, не страшный суд, не еще одно испытание (кого там испытывать и в чем, и так с тобой всё понятно), – ждет костерок, приготовлен завтрак; тебя ждет круг друзей.

«Как я хочу этого!» – кто бы не воскликнул.

Одно примечание: круг друзей – не совсем то, что круг мамок, нянек, подгузников и домашнего хюгге. Это не семья, не корни, не «во гресех роди мя мати моя», не наручки, не слюни, млеко и сперма, – это другая общность, которая, как весенний ветер перемен, однажды позвала тебя выйти из дома и отправиться в неведомый путь, ради которой ты однажды трезво, ясно и страшно ощутил, почему бывают «враги человеку домашние его».

Самый главный вопрос подходящего к этому костру – а я-то кто для собравшихся в круг у огня? Что для меня этот круг друзей? Кто и зачем потеснился, чтобы я смог тут сесть и протянуть к огню ладони? Свой я тут или просто шел мимо, погреюсь и уйду восвояси? И чего от меня потребуют, какой верности насмерть и чему именно, если я вступлю сюда?

Не только принести Христу свои болячки и чаяния – но и отставить их в сторону и услышать от Него о Его болячках и чаяниях; убрать внутреннее зеркало, в которое глядишься каждый миг, и рискнуть увидеть себя Его глазами, то есть таким, как есть, и иметь мужество вынести это видение. Узнать и расслышать – *иного*. И навсегда выкинуть из головы иллюзию, будто этот *иной*, друг и возлюбленный, принимающий тебя безоговорочно и

идущий для тебя на смерть, может быть просто частью тебя, твоих мечт и хотений, твоей проекцией, тем, кем так удобно манипулировать, а за ненадобностью – выкинуть из жизни и забыть.

Он – Друг. А не предать друзей и хранить им верность – не только необходимо, но и часто – очень, очень трудно.

– Вот скажите: неустанно и беспощадно раскрывать пороки в людях – это же гласность?

– Гласность. Только... мне по душе другая гласность.

– Какая?

– Глас с неба: «Сей Сын Мой возлюбленный, в Нем – Мое благоволение».

Прочитав в чате о «глупой причине смерти Томаса Мертон»*.

Смерть вообще довольно глупая вещь. Смерть Христа и что Ему пришлось предпринять в этой связи – тому пример... Чем дольше живу, тем больше подозреваю, что и моя смерть будет глупой и ничтожной, и кто думает о себе иначе, тот, увы, шибко заблуждается...

А что не глупо, в таком случае? – жизнь. Жизнь Томаса Мертон и ее плоды привели ко Христу и вдохновили тысячи людей; дай, Господи, и нам, вслед за Тобой идущим к смерти и преодолевающим ее воскресением, хоть десятой доли такой же жизни, как у него.

Где-то в ленте прочел реплику, примерно такого содержания: «Нет, не надо держать ум свой во аде! Ад – это место, где нет Бога!».

Подумал, что, в общем-то, резонно (хотя есть почтенная история дебатов о том, есть ли вообще место, где нет Бога, и что ад – не место, а состояние, и что Бог там есть, но особенным образом, и всё такое).

Еще подумал, что, вероятно, всё-таки преп. Силуан в своих знаменитых словах имел в виду не ад, так скажем, догматический, а наши скорбные состояния богооставленности, одиночества, уныния, мрака, муки, иссякания веры и надежды, в которые мы иногда впадаем еще при жизни и которые, и правда, в чем-то подобны адским. В воображении возникло слово «предад» (подобное медицинскому «предрак»).

О смерти Одеда Лифшица, еврея, жителя кибуца, помогавшего палестинцам, их детям, и ими же убитого в Газе.

Праведник – знамение пререкаемое.

И, пока вокруг о нем говорят, пока рассуждают, что ламедвовники** – это

* *Томас Мертон* (Merton; 1915–1968) – американский поэт, монах-траппист, богослов, преподаватель, публицист, общественный деятель, проповедник. Погиб в Бангкоке в результате несчастного случая от удара электрического тока.

** *Ламедвовник, ламедвавник* (ламед-вав цадиким», 36 праведников) – в еврейской мистической традиции один из 36 тайных праведников, постоянно присутствующих в мире.

не более чем розовый миф наивного человечества, пока спорят о праведности и ее (бес)полезности пред лицом (харей) мира сего, о методах добра и зла и всяком таком, он понемногу трудится себе, делает свое неглобальное дело... Именно такое дело дает больше всего благих плодов: у праведника ведь на первом месте не идеи о благих плодах, а конкретные люди – эти, вот эти, и конкретные дела на каждый день. И радость как базовое состояние, это непременно.

Завтра начинается седмица мясопустная, проще говоря, масленица.

Подумал, что никакие глобальные новости не помешают в предстоящие дни пользователям заполнить ленту блинами; и первое, что мне сейчас здесь открылось, был паблик про мудрые мысли великих людей, а в нем – цитата из дневников Петра Ильича Чайковского:

«Съел 8 блинов.

22 февраля 1887 года».

Такие теплые, жирные, скользкие порождения чревоугодия и гортано-бесия, как блины (а еще пельмени, и вареники, и клецки, и пр., то есть то, чего можно съесть очень много и бесконтрольно, что как бы само проваливается в желудок), моя бабушка называла «проскокыши».

Где-то читал, что якобы в древности на арабском Востоке кража книги не считалась преступлением, ибо тяга к чтению рассматривалась как добродетель.

Помню времена, когда книги из библиотек действительно воровали.

Интересно, поступают ли так же и нынче.

Про великую русскую литературу – споры давно начались, не только в свете кенселлинга последнего времени.

Например, издревле велись споры, вседуховная она или вовсе бездуховная. Я думаю, что направление мыслей «ко Христу» встречается в ней довольно часто – но на практике ко Христу не всегда приводит, просто потому, что оное направление может улететь куда-нибудь в сторону или просто иссякнуть на полдороге, как шарик, о котором девочка плачет, а он был с дырочкой в правом боку, весь свой запал флогистона выдриснул сквозь эту дырочку, пока летел, и тихо упал в безымянные ковыли...

Вот, например, «Приглашение на казнь» Набокова.

Вот это, всеми нами слезно любимое, антитоталитарное: «...направляясь в ту сторону, где, судя по голосам, стояли существа, подобные ему», – совсем Христа не означает.

Христос – не «существа», не множества. Его нельзя не узнать. Он один такой. И вполне определенный, конкретный. И твою прозрачность – Он может,

конечно, приветствовать, и уважать ее, особенно как форму твоей борьбы с дерьмом мира сего, и терапевтически отнестись к ней, – но условием пребывания с Собой может явить что-то совсем, совсем иное... Вот в чем дело: знать не «своих», а – Его.

(Да и эти, «существа, подобные ему»... Кто они? Какие они? Идут ли они, как Слонопотам, на свист, и если идут, то зачем?.. Кто их знает, подойдешь к ним – и встретишь, как в трешевом хорроре, по слову Гумилёва, «голову гиены на стройных девичьих плечах»...)

Что означает: христиане прославляют и чествуют Крест? Что ли, волшебный артефакт?..

Да нет, конечно.

А вот что:

Часто так бывает: мало ли во что я верю, в воскресение мертвых, в Христа и жизнь там вечную... А вражина – который все реалии нашего мира знает назубок, через сомнения, через неверие, через уныние и депряк – тут же влазит в уши и долдонит одно: «Какая там жизнь вечная, и вообще жизнь!.. Розовые пони, обман для малолетних придурков!.. Сам же видишь, что делается. Старость, болезни, безденежье, война, насилие, несправедливость повсюду в мире... Как там в одной из твоих старых песен: «Кого ты хотел удивить!».

Трудно ему противиться, он же типа «прав».

Но тут – крест.

Ну, даже просто нательный крестик. Знак воскресения.

Просто пощупать его рукой.

И вот через него Господь как бы говорит, напоминает: «Да не слушай ты всяких токсичных мудаков. Я ведь воскрес – и ты воскреснешь».

Получается, что крест – символ не только воскресения, но и утешения Христова, ведь в чем мы чаще всего нуждаемся в нашей земной жизни – не так в силе, не так в правде, как в утешении.

Вот такой жестокий символ казни – и утешает.

Вон оно что.

Чарльз УИЛЬЯМС

Схождение Голубя

Краткая история Святого Духа в Церкви*

*Перевод с английского, предисловие и примечания
диакона Евгения Абдуллаева*

Глава VI. Завершение и раскол

Конец Средневековья можно рассматривать и как разрыв, и как обрыв, и как прорыв (as a breakdown, a break-up, or a break-through). Последнее, впрочем, наименее верно. Средневековый мир не был настолько чужд умственной пытливости (intelligence), чтобы открытие новых видов и способов наслаждения могло стать для него фатальным. Он отнюдь не был скован узкими догмами. Догмы, в которых было заключено средневековое сознание, были столь же широки, как сотворенный мир, столь же высоки, как движения духа, столь же скрыто-глубоки, как образование крови, и столь же далеки между собой, как Адам и Судный день. Таковыми, как с точки зрения макрокосма, так и микрокосма, принципы христианства и должны быть; рассматриваются ли они во все времена и во всех местах – или только в отношении одного человека.

Были, конечно, определенные моменты, которые в Средневековом мире не выделялись, и выделение этих моментов, возможно, способствовало его крушению; так, например, в нем не поощрялось сомнение. Вера Средневековья принимала Разум так же безоговорочно, как и Христа; более поздняя эпоха должна была быть приведена Святым Духом к осознанию того, что вера может получать удовольствие от поражения своего рационального обоснования, продолжая при этом извлекать из этого обоснования выгоду. Всё это, однако, едва ли оправдывает образ Средневекового мира, «прорывающегося» в некое более счастливое интеллектуальное состояние. И мы теперь уже не считаем эпоху Возрождения таким прорывом.

Да, с началом Возрождения Средневековый мир разорвался (broke up)

* Продолжение. Начало в №№ 1-2 (LXII), 3-4 (LXIII), 2023; 1 (LXIV), 2-3 (LXV); 4 (LXVI), 2024.

на новые нации, классы и церкви. Его существование оборвалось (broke down) Великой чумой, Реформацией и естественным несовершенством людей, населявших его. Но прежде чем обсуждать наиболее яркие проявления конца этого мира и их причины, возможно, стоит сказать кое-что о двух книгах, или, скорее, об одной книге и одном собрании из нескольких книг, в которых более всего выразилось воображение Христианского мира того времени.

Первая книга – это «Облако неведения»¹; второе – «Божественная комедия» Данте. Путь Отрицания Образов и Путь Утверждения Образов едва ли были лучше выражены до них, а может быть, и после. Пэтмор² был почти прав, когда сказал о религиозных поэтах, что не было

от Давида до Данте – никого,
И никого после него.

То, что было после него, – это огромное количество комментариев, излишних, хотя и безвредных.

Усилия по привнесению в интимные отношения между мужчиной и женщиной духа христианской любви, за исключением брака, официально не одобрялись Церковью со времен Эльвирского и Никейского соборов³. В целом, даже в пределах брака этот великий духовный эксперимент не слишком поощрялся. В установлении и поддержке сложившейся христианской цивилизации брак стал скорее застывшей формой социальной жизни, чем динамической формой жизни духовной.

То, что именно моногамная форма брака в христианской культуре одержала верх, вряд ли могло служить доказательством ее преимущества; и нужно отдать должное Церкви, она никогда не пыталась защищать эту форму брака на таких сомнительных основаниях. Она основывала свою защиту на сверхъестественном, а сверхъестественное и культурное далеко не всегда согласуются.

Но довольно долго, под влиянием как своей ранней набожности, так и своей поздней рациональности, Церковь осуждала сильное любовное влечение. «...Невинному соитию найдется место в средневековой мысли; но там нет места страсти, возвышенной или любой другой. <...> В томистском выражении мысль Средневековья оправдывает плотское желание и плотское удовольствие, признавая злом “связывание рассудка” (*ligamentum rationis*) – ослепление, приостановку действия разума»⁴.

С этой точки зрения пылкое влечение к своей жене осуждалось в Средние века почти так же, как и к чужой. Безоговорочное замечание Христа о том, что мужчина, который желает женщину, – Он не исключал при этом жён, – совершает с ней прелюбодеяние, было понято буквально; и действительно, любое иное его толкование было бы произвольным.

Брак мог быть обоснован только идеалом справедливости (justice). «Справедливость» вообще была ключевым словом Средних веков. Брак был, в своем роде, справедливостью Града⁵; супруги должны были быть «справедливыми» по отношению друг к другу; они должны были обмениваться дозволенными удовольствиями.

На протяжении столетий – как пародия на эту идею, как протест против нее, как ее дополнение – возникала другая. «Признанные наставники <Церкви> оставили средневековому человеку представление, что всякая любовь – по крайней мере, то восторженно-самоотверженное чувство, которое куртуазные поэты почитали достойным этого имени, – довольно дурна. Представление это вместе с особенностями феодального брака <...> порождало в поэтах то упрямство, с каким они подчеркивали противоречия любовного и религиозного идеалов»⁶.

Это упрямство выразилось по-разному. Но постепенно из него возникла мода противоречить принятой в схоластике апелляции к Разуму. Поэты могли бы сказать, вместе с Вордсвортом, что страсть сама по себе есть «высший разум», но едва ли добавили бы с ним – «в душе возвышенной»⁷. Страсть, как стало считаться, возбуждает и обостряет интеллект, избавляет его от уныния (accidia), побуждает к высокой любви (caritas). Утверждалось даже (и это было, по сути, духовным переворотом), что такая любовь может существовать в виде брака или в браке.

Брак стало возможным рассматривать как путь души. Любовная страсть перестала казаться морально сомнительной, а брак, который считался лишь проявлением справедливости, реализующей себя в мире, – чем-то неинтеллектуальным. Открытие отношения надмирной справедливости между двумя влюбленными стало оправданием этому пылкому чувству, и не только оправданием, но и самой его причиной. Было видение (или обращение), была со-принадлежность, и была вера, и надежда, и христианская идея всеобщего благоволения в людях.

В ранние дни христианства помолвленная пара должна была сообщить епископу о своем намерении. «Церковь играла роль обычного *посредника* (conciliator) или *посредницы* (conciliatrix), агента, который представлял и рекомендовал стороны друг другу»⁸. Это относится в первую очередь к таинству брака, будучи своего рода формальным ограничением этого таинства. Но в браке было и больше. В определенных состояниях возвышенной любви Святой Дух мог соизволить явить, так сказать, христовость (Christhood) двух людей по отношению друг к другу. Он Сам является посредником и примирителем (conciliator), и именно здесь начинается всякое примирение – и человека с человеком, и человека с Богом. Но это возможно только благодаря Воплощению, тому, что «материя способна к спасению», тому, что человек (anthropos) соединяется с Богом (theos), и тому, что во Христе присутствуют и естественное, и сверхъестественное.

«Сколько душ верующих, – говорили в начале Средних веков, – столько и теофаний»⁹. Другая сторона этой мысли содержится во фразе Данте: «Сущность создана ради выполнения своей функции, а не функция – ради сущности»¹⁰. Иными словами, душа существует для того, чтобы познать Бога, но не Бог для того, чтобы быть познанным душой; и так же и в отношении остального. Весь мир Данте – это демонстрация процесса подготовки сущности к выполнению ее функции (конкретная сущность, о которой идет речь на протяжении всего произведения, а именно сам Данте, была разрушена, как следует понимать, своей со-принадлежностью всему, что подразумевается под падшей природой). Это процесс, происходящий согласно Пути Утверждения. Он начинается, когда мальчик и девочка встречаются на улицах Флоренции; и заканчивается, когда вся ткань взаимозаменяемого творения переходит к *Deivirilis* (если заимствовать слово у Ареопагита¹¹) в точке Божества. В этом процессе, который постепенно проявляется по мере чтения «Божественной комедии», в этой точке, которая одновременно является всем содержанием и всем вместилищем всех книг, существуют все принципы действия.

Анализ первых встреч мальчика и девочки содержится в «Новой жизни». Это совершенно обычные мальчик и девочка, если не брать во внимание способность мальчика создавать в будущем великие стихи, и за исключением возвышенной природы этой встречи. Мальчик, Данте, очень хорошо осознает три вида движений, пробужденных в нем этими встречами, – физическое, духовное и интеллектуальное. В его сознании, когда он смотрит на девочку, вспыхивают слова: «Ныне твое блаженство явилось тебе»¹². Все остальные его сочинения содержали и исследовали этот факт, во всей его полноте. Но он не сказал: «Беатриче – твое блаженство *помимо* Бога».

Фигура Любви в этой книге развивается по Пути Утверждения образов – Беатриче, других женщин, Флоренции, Империи, Церкви, Христа, событий. Любовь у Данте глубоко озабочена сообщением таких добродетелей, как смирение и благоволение, и в конце концов сама по себе становится почти теофанией. Но затем Беатриче умирает. Это удаление образа совсем не то же самое, что отказ от образов; на самом деле оно лишь позволяет появиться более великому образу. В «Новой жизни», возможно, по обстоятельствам того времени, Беатриче не была показана активной. В «Новой жизни» показана любовь Данте к Беатриче. В «Комедии» же – Беатриче к Данте.

Между этими двумя книгами находятся другие. Они представляют собой изложение принципов искусства, этики, политики. Деятельность тела, ума и духа должна быть связана не только с Дамой, но и с Городом. Данте – гибеллин¹³, в том смысле, что он приписывает неограниченную власть светскому правлению, так же как индивидуальному видению – способность к неограниченному созерцанию теофаний. Однако ни то, ни другое не должно умалять важность существующей организации Христианского мира. Он

признает за духовенством его функцию и требует, чтобы оно существовало для его выполнения, как император – для выполнения своей функции, а он сам, Данте, – для своей, и все его возлюбленные – для своих. Все вещи существуют друг для друга, и каждая процветает только в соответствии с выполнением своей функции.

Уклонение от исполнения функции, которая предписана той или иной сущности, является предательством. И самым первым и впечатляющим примером этого греха был сам Данте. В «Новой Жизни» он начинает Путь. Он созерцает «благородную красоту»; он получает, временно, сообщаемые ею добродетели; он возрастает в видении высших образов, в вере и духовной силе. Но вот Беатриче исчезает. И затем происходят две вещи. Первое: он созерцает изначальную красоту в другой теофании, которую он называет «Дамой у окна»¹⁴, и второе: он временами игнорирует и забывает о своей собственной функции, почти отступает от нее. Он пишет о «Даме у окна» так, как если бы она была Беатриче. Но едва ли это было то, что Беатриче так страстно осуждает в «Комедии». Он должен был быть верен, сказала она, *mia carne sepolta*, «моей погребенной плоти»¹⁵. Но связать его измену с «Дамой у окна» означало бы требовать верности, которой даже Церковь – с самых первых дней – не требовала от своих адептов.

Что-то от раздражения живой женщины, возможно, слышится в негодовании умершей Беатриче, как что-то от тонкости живой женщины, безусловно, вошло в еще не падшую Еву Мильтона. Но заставить раскаяние Данте зависеть – в такой момент – от туманного намека на измену – едва ли убедительно. Беатриче обвиняет поэта в том, что он отказался от чего-то большего – от чего? Возможно, от самой Идеи; от того, ради чего ему были даны эти благодати и дары, – от дантовской функции Данте. Он пошел *per via non vera*, ложным путем¹⁶; тогда как при первом ощущении перемены он должен был последовать за первой добродетелью, которая чужда подобных искусств. Смерть Беатриче – это удаление видения; испытание интеллекта и качества «веры». Это должно привлекать ум, который познал то, что выше всей Природы и всего искусства. И когда тень Беатриче упрекает Данте, он видит, как она обращается к Грифону, который есть *sola una persona in due nature*¹⁷; в этом драматическом моменте человеческий опыт отношений между полами соединяется с высокими догматами христианства. Христос был *anthropos* и *theos*; так и здесь соединялись любовь возвышенная и человеческая.

Но Данте возвращается; он, точно в забытьи, блуждает. Он снова приходит в себя; он внезапно обнаруживает себя – мужчину средних лет, одинокого, заблудшего, в диком и темном лесу; дикие звери ужасают и теснят его, а за ними высится неприступная Гора его божественной радости¹⁸. В этот момент мир блаженства, вся слава вещей, как они есть, видя его в беде, спешит помочь ему. Богородица (образ одновременно и индивидуальный, и

универсальный) побуждает к действию Лючию¹⁹, Лючия – Беатриче, и Беатриче обращается к Вергилию за помощью.

Таким образом, именно пылкая и самоотверженная любовь Беатриче начинает и поддерживает «Комедию». О самой Беатриче мы не знаем ничего, кроме того, что она могла бы поступать так, как это описывает Данте; ничего, кроме того, что она является великим архетипом всех *она* в поэзии, и всё же эти *она* – не она; ничего, кроме того, что во Флоренции была девушка, которая ходила, болтала и смеялась, избранная из миллионов других святой Удачей во славу поэзии и в вечную славу духа. Именно так она смеется, поддразнивает, болтает и объясняет на небесах, только окруженная величием, величием небесной судьбы, обычаями и метафизикой искупленного Города. Именно через нее приходит их энергия; и как когда-то благодаря ей была написана «Новая Жизнь» и началась поэзия Данте, так теперь в новой жизни именно она побуждает Вергилия и поэзию инициировать его Возвращение.

Это Возвращение Данте происходит в три этапа. В некотором смысле их можно воспринимать, как это часто и было, как три этапа мистического пути. Но они – не запись, а поэма: это видение Данте, а не его личный опыт (или мы этого не знаем), и они во многом далеки от Пути Возвышенной Любви. Однако мы можем заметить, что каждая часть начинается с одного момента «любви», и каждый из них, при всем различии между ними, связан с темой Беатриче.

Первый момент происходит еще в Аду; это образы Паоло и Франчески²⁰. Этот эпизод настолько нежен и горестен, что Данте не может его вынести. Но он и наиболее реалистичен, если рассматривать его в связи с последующими эпизодами. Двое влюбленных погружены в свою любовь и безучастны ко всему, что находится за ее пределами; и это то состояние, которое всё более нарастает при спуске в Ад. Ибо, после созерцания этого жуткого наслаждения концентрации друг на друге, Данте и Вергилий неизбежно переходят, спускаясь ниже, к созерцанию страданий тех, кто потворствовал концентрации на самих себе и своих желаниях.

Жадность любви (слишком изысканная, слишком прекрасная, слишком бескорыстная, чтобы ее можно было назвать в полном смысле «жадностью») растворяется в жадности чревоугодия. Затем она развивается в ненависть ко всем, у кого есть желания, отличные от наших; и вот уже мы видим, как расточители и скупцы сшибаются, толкая навстречу друг другу большие камни.

Но по мере того, как скорбная непрерывность (*everlastingness*) Ада с ее потворством своим желаниям, с ее жадностью и ее ненавистью возрастает, она оказывается в болоте и трясине уныния (*accidia*), состояния, которое слишком часто следует за жадностью и ненавистью; и далеко посреди черного озера пылают кумирни более ужасного ада. В этом Городе находят-

ся еретики, но кто эти еретики? – те, кто последовал своему собственному умственному выбору вопреки признанному авторитету; те, кто окаменил (petrified) свой ум в себе и своих желаниях.

Первый момент безрассудной и неосознанной любви здесь, нераскаянной и неискупленной, фиксируется на собственном падении. В лучшем случае, как с Фаринатой²¹, эта любовь презирает боль, но вряд ли это можно назвать «лучшим». Круги Ада сужаются, становятся всё более страшными и темными, пока (после того ужасного момента, когда Данте осознаёт, что он наслаждается созерцанием Ада) не открывается последний путь по льду. Здесь всё переворачивается, всякая мягкость исчезает, и предатели своих «господ и благодетелей», своей родины, друзей и знакомых, пожираются тем, чего они желали, под монотонно бьющиеся крылья последнего слюноточивого идиота²². После чего Данте остается совсем один.

Каков же второй момент любви, который открывает Чистилище?

Он происходит, когда тень Каселлы, друга Данте, поет ему песню, сочиненную самим Данте. Данте и Вергилий задерживаются, очарованные звуком этого прекрасного и интеллектуального обмена дарами – песней о природе Любви; но вот они вздрагивают от окрика Катона²³, стража Чистилища. После этого прекрасного обмена любовью (столь близкого к францисканскому, отличающегося, пожалуй, только тем, что здесь у одного есть интеллект и пытливость, которых нет у другого) они устремляются вперед. Они не намеренно задерживались и не хотели забывать правила. Они взбираются на Гору, которая является источником всякой радости. Это Гора Покаяния и Очищения, то есть свободы, ибо христианский мир провозглашает, что Покаяние есть Свобода не только в настоящем и будущем, но и в самом прошлом, в грехах которого душа кается.

По крайней мере, два голоса сказали это – сам Данте и леди Юлиана Норвичская²⁴ (многие мысли которой близки мыслям Данте). Именно в девятой песне «Рая» одна из теней заявляет, что ее совесть «с радостью прощает ей причину ее участи», ее положение, которое есть то, что есть, из-за ее вины²⁵; а леди Юлиана говорит, что сам грех является причиной радости на небесах. Но всё это для тех, кто повзрослел в любви (who are adult in love), а таковых немного даже в Христианском мире и еще меньше тех, кто оставил после себя образы этой зрелости. На всей этой Горе призывается принцип обмена – взаимное заступничество, посредничество, продление того первого момента песни Каселлы. Всё поступательное движение, все максимы – спираль этого духовного обмена. Именно в конце происходит великое признание преобразованной первой любви: «Смотри хорошо! да, да, я – Беатриче»²⁶.

«Смотри хорошо» – это максима Рая, который также открывается моментом любви. Когда Данте спрашивает душу Пиккарды на самом нижнем небе, не завидует ли она другим душам в их большем блаженстве²⁷, та отвечает,

что любовь удовлетворяет все индивидуальные воли, что любовь – это необходимость (*necesse*)²⁸, это судьба, что если вы кого-то действительно любите, вы не завидуете ему, – а значит, и сам вопрос бессмыслен. И бессмысленность его видна от фразы к фразе всё больше: возможно, величайшей с этой точки зрения является высокая интенсивность небесного взаимообмена, когда Данте взывает к Фолько Марсельскому²⁹ на третьем небе – небе Венеры: «я сам в тебе, как ты сам во мне»³⁰.

Повторяющимся образом этого во-мнения и в-тебения (*in-meing and in-theeing*) являются глаза флорентийской девушки, Беатриче. В них отражена двойственная природа Грифона – а все Райские сады являются своего рода анатомией Грифона³¹. Теперь эти глаза смеются над мужчиной, которого она любит. Разум Данте в какой-то момент отвлекается от единения с Богом (к которому он еще не готов) и рассеивается на узнавание великих учителей Церкви, которые окружают его³².

Это пример Пути Утверждения; именно тело Беатриче является мерой и связующим звеном всего этого знания – «плоть славная и святая» (*la carne gloriosa e santa*)³³. Или, как сказано далее: «органы тела будут сильны для всего, что означает наслаждение»³⁴.

И когда Беатриче покидает Данте, святой Бернард³⁵, который занимает ее место в качестве путеводителя Данте, проповедует то же учение. Без тела душа не может быть завершена в Боге. Именно это великое учение о материи, об обмене, о совершенной любви проявляется в парадоксальной строке: *Vergine Madre, figlia del tuo Figlio*³⁶. Это тайна вселенной, смертное материнство Божества; за пределами ее – только луч Божества, который содержит всё. Данте всё еще смотрит; «смотри пристально; смотри». Но именно лицо флорентийской девушки было тем, что научило подобному взгляду, впервые поразив его.

Не лишен некоторого отношения к истории Христианского мира и тот факт, что когда маленькая книга, повествующая о возникновении этого нового взгляда, «Новая Жизнь», была, наконец, в 1576 году напечатана, церковные власти подвергли ее цензуре. С Данте церковным властям вообще было непросто; что неудивительно, особенно в отношении его политического трактата, «О монархии». Его имя было подхвачено некоторыми реформаторами и, как говорят, попало даже в одно из изданий протестантского мартиролога Фокса³⁷. Но в «Новой Жизни» не было ничего кальвинистского; и свет, которым сияли в «Комедии» глаза Беатриче, был неортодоксальным, но едва ли лютеранским. Нет; но сам язык «Новой Жизни» был сочтен слишком неортодоксальным и опасным.

Клирики принялись за работу. Они вырезали все упоминания Беатриче как «блаженства» (*beatitudo*) и заменили его на «счастье» (*felicita*). Они вырезали «спасение» (*salute*) и заменили его на «покой» (*quiete*) или «сладость» (*dolcezza*). Они вырезали «осанну», с которой ангелы приняли

душу Беатриче. Они уничтожили глубокий намек в уподоблении девушки Джованны, шедшей перед Беатриче, Иоанну Крестителю, шедшему перед Истинным Светом³⁸. Короче, они приложили огромные усилия, чтобы изменить весь смысл образа Беатриче. Они постарались представить дело так, что это была просто обычная любовная связь и что никакая любовная связь не может быть чем-то большим, чем неосвященная любовная связь. В своем ужасе перед плотской любовью они уничтожили в любви Данте к Беатриче всё, кроме плотской любви. И потерпели крах, хотя к 1576 году они могли бы знать, что имеют дело с Данте, и к 1576 году они могли бы знать, что большинство влюбленных чувствуют то же, что чувствовал Данте. Одним из недостатков безбрачного священства является то, что оно связано с личным неприятием этого образа.

Если сам Данте, и его «Комедия» могли давать основания для того, чтобы возбуждать подозрения «богословов», то другое произведение той эпохи, «Облако неведения» было написано столь прозрачно, что, кажется, никакие цвета земли не затемняли его. Считается, что оно было создано в середине четырнадцатого века, через двадцать лет после смерти Данте. Автор (как считает его последний редактор) был магистром Оксфорда или Кембриджа. Став затем священником какого-то сельского прихода, он жил той созерцательной жизнью, о которой и свидетельствуют его книги. Он остался неизвестен; ничто не может быть более правильным. Его книга написана не для обычных читателей; ее почти и невозможно читать. Вот, например, как она начинается:

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

Я заклинаю тебя и умоляю тебя, с такой силой и добродетелью, с какой узы милосердия достаточно, чтобы вытерпеть, кем бы ты ни был, кто будет иметь эту книгу во владении, будь то собственность, или хранение, или ношение для доставления другому лицу, или же заимствование, ни по своей воле или чужому совету не читай ее, не переписывай ее, не толкуй ее, и даже не позволяй, чтобы ее читал, переписывал или толковал кто-либо другой, если только это не будет тот, кто (по твоему разумению) в истинной воле и всем намерением стремится стать совершенным последователем Христа. И это не только в жизни деятельной, но и в суверенной точке созерцательной жизни, которая возможна по благодати в этой настоящей жизни совершенной душе, всё еще пребывающей в этом смертном теле³⁹.

Данте писал для всего мира, и весь мир пренебрег его серьезным изучением. Оксфордский магистр (или кто это был) противостоял миру – и стал известен всему миру. Он – образец, пример, архетип. О нем говорили: «То, что имя и биография этого яркого духовного наставника – несомненно, одной из самых интересных личностей в длинном ряду английских мистиков – полностью канули в Лету, – одна из малых трагедий истории»⁴⁰.

Он, действительно, был «одной из самых интересных личностей», когда писал:

Не на то, что ты есть, и не на то, чем ты был, взирает Бог своим милосердным взором, но на то, чем ты хотел бы быть⁴¹.

Он утверждал, что человек никогда не сможет

...трудом своего разума прийти к познанию несотворенной призрачной вещи: того, что есть не что иное, как Бог. Он может познать это только благодаря своей ошибке. Потому что то, в чем он ошибается, есть не что иное, как Бог⁴².

Он был «человек с яркой индивидуальностью»; он был «милым человеком». Это «трагедия», что он «канул в безвестность» – тот, кто написал всю свою книгу только для того, чтобы кануть в безвестность. Тот, кто запретил кому-либо прикасаться к ней, если он сам этого не пожелает; кто сделал это своим заголовком, своим прологом и своим финалом. «Трудитесь усердно, – сказал он, – в этом ничтожестве». Мы делаем именно это, но в совершенно ином смысле.

Этот божественный ученый знал, что сущность Отрицательного Пути заключается в том, что только такие ученые, как он, могут по-настоящему писать о нем. Можно добавить, что, вероятно, то же самое верно и в отношении Утвердительного Пути, иначе Данте и Беатриче не превратились бы в сентиментальных лошадок нашего ветхого идеалистического кэба. Но, по крайней мере, образы Пути Утверждения у Данте хотя бы чему-то соответствуют, тогда как не святость, не благочестие, а простая человеческая вежливость устраняет другой путь из книги, подобной «Облаку неведения».

На вызов этого благословенного картографа небес нелегко ответить. Он противостоял – не столько телу, сколько «гордому, пытливому и одаренному воображением уму»⁴³. Он действительно считал, как и многие христианские святые, что тело безусловно полезно и является спутником души и что Бог «вознаградит человека за его заслуги блаженством как тела, так и души»⁴⁴. Но он проповедовал оставление мира, этого «облака неведения», обретение смирения (которое есть лишь познание вещей такими, какие они есть) и отказ – во время этой работы – «от знания какой-либо родственной или личной привязанности, ибо в этой работе – всё будет равно дорого ему, ибо тогда он не будет чувствовать никакой другой причины, кроме Бога»⁴⁵.

Всё это и многое другое он противопоставлял «гордому пытливому уму», который был создан ради прекрасной и благодатной со-принадлежности всего человечества, а в результате породил вражду, разделение и извращенные желания. Оба пути, Утверждения и Отрицания, описаны в самой книге, при этом особое внимание уделяется каждому из них:

Да! и если это будет вежливо и прилично сказать, в этой работе крайне мало или совсем нет от размышлений о доброте или достоинстве Бога, ни о Пресвятой Богородице, ни о святых или ангелах на небесах, ни даже о радостях небесных; то есть особого

взирания на них, как будто этим взиранием ты хотел бы питать и возвращать свою цель... Ибо хотя хорошо думать о доброте Бога, и любить Его, и хвалить Его за это, всё же гораздо лучше думать о Его обнаженной сущности, и любить Его, и хвалить Его за то, что Он есть Сам по Себе⁴⁶.

Да? Да. Но даже это благословенное создание не могло определить всех путей. Именно на грани наивысшего блаженства, в завершение пути, по которому его провела флорентийская девушка, встретив на нем миллионы образов, Данте обратился к ней великий возглас:

О госпожа, в которой живет моя надежда и которая утвердила свои стопы в аду ради моего спасения, во всём, что я видел, я узнаю благодать и силу твоего достоинства и твоей благодати. Ты вывела меня из рабства к свободе всеми путями и всеми способами, которые были в твоей власти; храни во мне свое величие, чтобы мой дух, исцеленный тобою, был угоден тебе, когда покинет тело!⁴⁷.

И в самой последней песне, за сто строк до конца, все образы являются по призыву Бернарда: «Смотри, – взывает он к Богородице, – смотри, где Беатриче со сколькими блаженными молит тебя, сложив руки»⁴⁸. Глаза Богородицы улыбаются в ответ; это последний и величайший образ, но это всего лишь образ.

В ту эпоху – и в том веке, и в следующем, как и во всех – было много и других, стремившихся к высшей цели. Например, благочестивая Марджерити Кемпе⁴⁹, яркий пример того, как трудно было церковным властям контролировать бурный энтузиазм отдельных верующих. Она жила в том же веке, что и Данте, и «вышла замуж за человека ниже себя». До обращения ей было трудно с мужем из-за своего более высокого статуса; после того, как она пережила некое потрясение и осознала свое небесное призвание, ей это стало еще труднее. Она хотела, чтобы они жили в браке целомудренно, не имея интимного общения, тем самым разрушая сам принцип «справедливости» брака. Она могла в любой момент прервать свою проповедь или беседу рыданием и воспринимала возникавшую вследствие этого неразбериху как действие Святого Духа.

Она также, по ее словам, имела общение с Господом, Который ободрял ее, выражая суровое недовольство всеми, кого она считала враждебными; хотя в Своей земной жизни Сынам грома Он говорил иное⁵⁰. Она посетила леди Юлиану в Норвиче, которой, по всей видимости, поведала длинную историю о действии в отношении себя Божьей благодати: о «раскаянии, сокрушении, кротости и преданности, о сострадании со святым размышлением и возвышенным созерцанием, и о множестве святых и нежных речей, которые Господь наш обратил к её душе; и о множестве чудесных откровений поведала она отшельнице, чтобы проверить, нет ли в них обмана, ибо отшельница была сведуща в таких вещах и могла дать добрый совет»⁵¹.

Леди Юлиана выслушала ее и прославила Бога. Она произнесла корот-

кий монолог о природе милосердия; похоже, она была более сведуща в этом, чем Марджери Кемпе. «Святой Дух никогда не восстает против милосердия, ибо если бы Он это сделал, Он бы противоречил Себе Самому, ибо Он Сам есть милосердие»⁵². Она призвала Марджери к терпению и с облегчением отправила ее восвояси – ругать епископов, быть притчей во языцех и, пусть несколько нелепо, но искренне заботиться о своем Господе.

Но всё это было уже после 1400 года, а к тому времени произошли другие, более великие потрясения. Данте умер в 1321 году. Столетие не успело закончиться, как на тело и разум западного христианства обрушились два мощных удара, а последняя крепость восточного христианства оказалась практически потеряна. Двумя ударами стали Великая чума и Великий раскол Западной Церкви. Огромное поэтическое завершение средневекового христианства, «Божественная Комедия», почти превзошло себя в попытке представить совершенное единство, и его действительно сразу стали читать и изучать. Великие мистики столетия вещали или молчали в своих углах. Но, словно для того, чтобы не дать этому завершению произойти, телу и разуму христианства были нанесены эти два удара, и хотя Христианский мир смог оправиться от них, но, оправившись, обнаружил, что его жизнь стала отличаться от той, какой он жил где-то в течение трёх предшествующих столетий.

Великая чума впервые появилась в Крыму в 1346 году, на Сицилии в 1347 году, в Венеции и Генуе – в январе 1348 года. Она прокатилась по Европе и к концу июня достигла Ла-Манша; в начале июля она появилась в Англии. За эти шесть месяцев она унесла примерно столько же, сколько оставила в живых, а может быть, и больше. Города обезлюдели; огромные сооружения, строительство которых было начато ранее, остались навсегда недостроенными; монастыри и капитулы сократились до нескольких человек, а в некоторых случаях и до одного выжившего. Структура Средневековья пережила в течение этих двух или трех лет нечто вроде землетрясения. Чума сметала всех, и господ, и простонародье. Населению был нанесен урон, на восполнение которого ушло несколько веков.

Это породило, как в Англии, так и в других местах, те социальные проблемы, которые вскоре, в эпоху Возрождения, усугубились возрастающим неравенством. Средневековый мир провозглашал необходимость социальной справедливости; она была принята как «земная и телесная проекция великой догмы Сообщества Святых»⁵³. Верно, что это слишком часто рассматривалось как вопрос скорее жертвенной любви (*caritas*), чем справедливости (*justitia*). И Церковь полагала, что в первую очередь стоит поощрять *caritas*, а не *justitia*; *justitia* выступала заменой *caritas* в тех областях, где последней было недостаточно. *Justitia* и должна была быть такой заменой; она была распространением *caritas* на более прозаические сферы человеческой жизни, поскольку *caritas* проповедовали гораздо больше, чем ей следовали.

Но Чума поразила не только отдельных людей; весь социальный порядок Средневековья содрогнулся под её тяжестью.

Но если Чума потрясла структуру Средневекового мира снизу, то нечто столь же страшное, а возможно, и худшее, обрушилось на неё, словно ураган, сверху. Всё это время Христианский мир на Востоке продолжал сжиматься под ударами воинов ислама, и, как бы он ни изменялся, ислам по-прежнему оставался исламом. Ни ислам, ни христианство не рассматривали друг друга иначе как ложное представление о Боге. Конечно, между христианским миром и миром ислама заключались всевозможные договоры, между ними порой возникала дружба, даже взаимное восхищение, были и взаимные связи и влияния. Но то, что папство всегда призывало к Крестовому походу, объяснялось именно этими догматическими различиями между ними. На протяжении всего четырнадцатого века границы Византийской империи всё более сжимались, и её единственным постоянным союзником на Западе, несмотря на доктринальные оговорки, оставался папа.

В течение примерно семидесяти лет, начиная с 1305 года, папы жили не в Риме, а в Авиньоне, в значительной степени под контролем французских королей. В 1376 году святая Екатерина Сиенская убедила или принудила Григория XI вернуться в Рим, где он и скончался. 7 апреля 1378 года кардиналы собрались на конклав, а 18 апреля, в пасхальное воскресенье, в присутствии всех кардиналов, был коронован новый папа, Урбан VI.

Прошло почти шестьдесят лет со дня смерти Данте и тридцать с момента начала Великой чумы. Европейские дела, государственные и частные, шли своим чередом. Основные социальные институты продолжали функционировать. Конечно, было известно, что в мае кардиналы покинули Рим, перебравшись из-за жары в Ананьи, и сообщалось, что новый папа стал вести себя совершенно иначе, чем он вел себя до выборов. «Редко, – говорили впоследствии, – привычки избранных лордов меняются к лучшему». Святая Екатерина делала, что могла: «Святой отец, – умоляла она, – смирите себя; обуздайте свой нрав»⁵⁴.

В августе кардиналы внезапно оповестили всю Европу, королей и университеты, что выборы папы недействительны, что он был выбран под давлением народа Рима и что на кафедре Святого Петра находится отступник. Урбан ответил созданием 18 сентября фактически новой коллегии из двадцати восьми кардиналов. В ответ на это «прежние» кардиналы переехали в Фонди и там торжественно избрали нового папу, принявшего имя Климента VII, о чем тут же было сообщено различным гражданским и церковным властям.

Это был взрыв, но подобное случалось и раньше, когда недовольные кардиналы пускались в бег. Многие зависело от дальнейшего развития событий. Урбан VI укрылся в Замке Святого Ангела и подверг пыткам полдюжины своих несчастных ставленников. Новый папа, Климент VII, странство-

вал по Италии и, в конце концов, отправился в Авиньон. Но прежде великий Парижский университет принял решение. Его богословы рассмотрели все доводы и факты и признали понтификат Климента. Король Франции согласился с их решением и в лице Климента приветствовал истинного папу. «Он превратил раскол из события в движение».

Подобные нестроения, опять же, случались и раньше. Как и прежде, это был конфликт между двумя совокупностями фактов, а не между двумя системами догм. И до, и после этого раскола были благочестивые и святые души, отвергавшие притязания Римского престола. Но теперь никто не отвергал никаких притязаний, кроме, так сказать, самого Римского престола. Он одновременно и провозглашал, и отвергал своего папу. И истинная личность этого папы была не последним вопросом для Христианского мира – не таким, несомненно, как после Констанца, Тридентского собора или Ватикана, но всё же крайне важным.

Решение вопроса, кто есть кто, затруднялось тем, что главные свидетели откровенно противоречили сами себе. Если то, что кардиналы говорили в апреле (когда избирали Урбана), было правдой, то то, что они говорили в сентябре (когда низлагали его), было неправдой; если правдой было то, что они говорили в сентябре, то они были неправы в апреле. Решение оставалось за университетами, королями, епископами и герцогами, капитулами и соборами, фактически за всеми. Был Наместник Христа и была его Обезьяна. Но кто же из двоих претендентов был Обезьяной?

Франция поддержала Климента; Италия – Урбана. Империя также поддержала Урбана; то же сделала и Англия. Шотландия поддержала Климента. Но в каждой стране существовали меньшинства и меньшинства внутри этих меньшинств. Вспыхивали волнения и беспорядки. Уничтожалось имущество, начинались малые крестовые походы; в 1381 году Парижский университет сделал новый шаг. Раскол к тому времени продолжался целых три года. Очевидным способом его преодоления, полагали университетские богословы, должен быть созыв Вселенского собора, каким бы крайним шагом это ни было. Но сразу же возникли трудности. Только папа мог созвать Вселенский собор; и только папа мог ратифицировать его решения. Два папы не объединились бы для созыва Вселенского собора, и любой собор, где бы он ни прошел, мог выразить послушание только одному папе – если только не проводить двух Вселенских соборов, что было бы чем-то неслыханным. Парижский университет даже провел диспут о том, не будет ли еретическим объявить, что ни один из претендентов на святейший престол не является папой. Но каноническое право подобных вольностей не позволяло; ситуация продолжала ухудшаться до 1394 года.

В тот год страсти во Франции настолько накалились, что университет начал искать другие пути. Раскол длился уже шестнадцать лет, и западный Христианский мир, в своих главных центрах, не приблизился к миру. Было

официально предложено пойти на уступки, то есть убедить обоих претендентов отказаться от части своих притязаний. Ни один из них не проявил готовности сделать это. В 1395 году Генеральные штаты Франции отправили послов в Авиньон, а в 1396 году имперский сейм, на котором присутствовал король Англии, отправил послов в Рим. Климента сменил Бенедикт, а Урбана – Бонифаций. Но новые папы крепко держались за максимум Данте, хотя и не цитировали ее: «Всякое добро опасно, и это тоже»⁵⁵. Они заявили, что они избраны, чтобы исполнять свои обязанности. Послы и кардиналы на коленях умоляли пап уступить. Те отказались; они настаивали на сохранении всех своих полномочий.

В 1398 году терпение французских властей лопнуло. Генеральные штаты предложили еще более радикальный шаг – отказ от повиновения обоим папам. Наиболее воинственные противники Бенедикта послали против него армию в Авиньон и взяли его в осаду. Но это действие возмутило более умеренную партию; в конце концов, Бенедикт, по их мнению, был истинным папой. Одно дело – просить об уступке, а другое – восставать и начинать войну. Тулузский университет написал королю Франции письмо с протестом против отказа от повиновения, который, считали они, только ухудшил ситуацию и породил беспорядки. Бенедикт покинул Авиньон и отправил кардиналов на переговоры с королем. Король уступил. Однако другая сторона ничего не сделала, чтобы заставить уступить Бонифация. Франция устала от безответственного церковного управления. Возвращение послушания было определено и осуществлено в 1403 году, с подобающими случаю слезами и молитвами *Te Deum*, причем с Бенедиктом предварительно был заключен договор, вынуждавший его вести себя добросовестно. Во Франции было провозглашено, что папа и все остальные раскаялись.

Раскаяние было недолгим. В течение трех лет, в условиях продолжавшегося раскола и проявления Бенедиктом всего чего угодно, кроме духа примирения, французские власти заняли новую позицию. К 1404 году страсти накалились, и в 1406 году состоялся торжественный диспут, в ходе которого вновь был вынесен на обсуждение вопрос о проведении Вселенского собора. Постановка этого вопроса была признана неканоничной, но был дан ответ, что не всегда необходимо соблюдать закон, ибо пока закон соблюдается, христиане продолжают гибнуть: «Папа может ошибаться и грешить, но Церковь настолько полна любви, что не может ни блуждать, ни ошибаться, ни грешить». Целью было «принуждение к уступке», а средством – отказ от признания церковных владений. Церковь во Франции произнесла слово «необходимость».

В Англии эффект раскола был двояким. Парламент, созванный в Оксфорде, первоначально решил поддержать короля в следовании «повиновению Урбану». Но это не положило конец ожесточенным ссорам, как это видно на примере Джона Уиклифа⁵⁶. Вначале он поддерживал Урбана, но необуз-

данный схоластический ум Уиклифа, искреннее благочестие и агрессивная риторика привели его к крайностям. Он всё ближе и ближе подходил к отрицанию примата папской власти – и вскоре дошел до него. Он чувствовал – возможно, преувеличивая, – вред раскола; он говорил об итальянце так, как другие англичане в наши дни говорят о другом итальянце⁵⁷. Папу он назвал «главным викарием дьявола», «членом Люциферовым». Папа, считал он, не находится в состоянии благодати, а именно это состояние – условие всякого господства, власти и собственности. Господство и власть принадлежат лишь тем, кто находится в состоянии благодати.

Но кто находится в благодати? Те, кто следуют праведности и воле Божьей. И кто же это?.. Увы, за этим следует обычный соблазн: «те, кто делает то, что, по моему мнению, они должны делать». Власть и право на послушание должны были, по мнению Уиклифа, зависеть от характера человека. Следует признать, что характер Урбана, в какой-то мере, оправдывал отказ от послушания ему. Однако если послушание должно зависеть от характера, то это лишь вариация старой гностической идеи о наличии некоего высшего круга избранных, достойных Царства Божьего. Похоже, Уиклиф считал себя принадлежащим к нему.

В Лондоне, а позже в Констанце было постановлено, что всякому, кто проповедует, что епископ или священник, пребывая в смертном грехе, не может рукополагать или крестить, «да будет анафема». Великий Жерсон⁵⁸ предал анафеме тех, кто установил, что всякое господство (*dominium*) и достоинство (*dignitas*) основаны на «справедливости любви» (*justitia caritatis*). Церковь не могла позволить себе заявить, что отсутствие духа любви (*caritas*) у господина освобождает его подчиненных от послушания. В то же время было ясно, что отсутствие *caritas* у двух претендентов на папский престол ставило Церковь в крайне неловкое положение; она пыталась склонить их к уступке, основанной на духе *caritas*. Как это обосновывалось? любовью? необходимостью? По сути, необходимостью: «некой благочестивой необходимостью» (*pia quaedam necessitas*)⁵⁹.

Крайние индивидуалисты, подобные Уиклифу, заявившему, что Бог милостиво разрубил голову Антихристу на две части (в виде двух пап), чтобы обе части могли уничтожить друг друга, оставались в меньшинстве, за исключением тех случаев, когда они выражали скрытое антиклерикальное восстание. Здравый смысл Христианского мира отверг их. С другой стороны, тот же здравый смысл начал, наконец, оказывать свое влияние и на двух пап. Они были вынуждены делать какие-то шаги друг к другу. Бонифация в Риме сменил Григорий XII, и он, и Бенедикт были связаны клятвами уступить, если другой сделает это или умрет. Было решено, что оба папы встретятся в Савоне. Кружа, они всё приближались друг к другу, но так и не встретились. Оба испытывали великое нежелание видеть друг друга; назначалась дата за датой, и дата проходила за датой.

Как тогда шутили: «Одно, сухопутное, животное боится моря; другое, морское, боится суши». Григорий пытался назначать кардиналов; Бенедикт – отлучать от церкви всех, кто выступал против него. Англия и Франция осудили обоих пап. Кардиналы покинули своих глав и отправили своих представителей в Ливорно. По решению кардиналов и короля в Пизе был созван собор. Допустимо ли было это? Нет, кроме как *in casu tam necessario*⁶⁰. Могли ли коллегии кардиналов объединиться (поскольку по определению одна из них должна была считаться раскольничьей)? Нет, но под давлением необходимости могли. Можно ли было им повиноваться по праву? Под давлением необходимости. Мог ли Собор избрать нового папу? Под давлением необходимости. И так далее.

Весь христианский мир желал действовать. Император Рудольф выдвинул двадцать три возражения⁶¹, но Собор был вынужден их отвергнуть. Под предлогом раскола, клятвопреступления и подозрения в ереси Собор низложил обоих пап и избрал нового, Александра V. Низложенные папы отказались подчиниться, и каждый созвал свой Собор, хотя число их сторонников таяло с каждым днем. Из этих трёх «третьему Папе, тому из трёх, который, безусловно, не был Папой, был послушен практически весь Христианский мир»⁶². К сожалению, менее чем через год Александр умер, и Собор, отчаявшись, избрал Иоанна XXIII, несчастного человека с низменной душой и отсутствием политической мудрости. Император Сигизмунд в конце концов вынудил его сделать то, что было необходимо, – созвать новый Собор.

Он был созван по каноническому праву, но был не более легитимным, чем предыдущий, Пизанский. Но он собрался в Констанце, и Необходимость (в лице императора) управляла им. На нем был сожжен Ян Гус, который был полон анархических идей, подобных идеям Уиклифа. На нем был низложен Иоанн XXIII, что сопровождалось обычной великолепной средневековой цепочкой обвинений. И наконец, то ли раскаявшись, то ли просто устав, Григорий XII отправил императору письма о созыве собора в Констанце, а затем и своем отречении. Ему было восемьдесят девять лет, и этим актом старческой капитуляции он спас папство (как говорят в таких случаях). Собор низложил Бенедикта, бежавшего в Испанию и проклинавшего оттуда и кардиналов, и королей; он приступил к новым выборам, и кардинал Оддоне Колонна стал Мартином V. Необходимость сделала свое дело. И вскоре была отменена. Попытка собора контролировать папство продолжалась около двадцати лет и потерпела неудачу. Папы восстановили свое самодержавное правление, приписав его восстановлению Божественному провидению. Пизанский собор был признан собором; Констанцкий собор был признан только благодаря отреченным письмам Григория. Но в целом, восстановление могущества папской власти было обусловлено именно анти-папскими действиями.

Человеку, поступившему в Парижский университет в двенадцать лет и впервые услышавшему о выборах второго папы в 1378 году, на момент со-

зыка Собора в Констанце было бы 48 лет. Человеку, в 1378 году только родившемуся, было бы 36. Целое поколение выросло и богословски созревало в условиях раскола двух враждующих пап и попыток королей и выборных органов этот раскол устранить. Рядовой представитель этого поколения привык к взаимным доносам и отлучениям; привык считать половину христианства (своего или чужого) вне регулярного общения и находящейся в состоянии мятежа. Он привык к то отступлениям от послушания папе, то восстановлениям его. Он привык слышать, скажем, из Парижа или Оксфорда, что он должен поступить так или иначе в церковном отношении. Он привык к спорам и проповедям о природе Церкви, иерархии, папства.

Принципы Веры всё еще признавались, но их очевидность была поколеблена; разум должен был найти обходной путь. Необходимость восторжествовала; ее отрицали, но забыть о ней было невозможно. С самого своего зарождения Западная Церковь не знала подобного противоречия – не в теории, а на практике. Очевидные факты становились неоднозначными, тревожа всю организацию Церкви; действительность смешивалась с размышлениями. Немыслимо, чтобы опыт поколения – и не одного, – испытавшего потрясение и постоянное разобщение, не склонил умы людей к спорам и вражде. Раскол Реформации был уже подготовлен.

Византия пала; на Западе началось Возрождение, с его богатством и роскошью.

Продолжение следует.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Облако неведения» (The Cloud of Unknowing, ок. 1375 г.) – анонимный мистический трактат на среднеанглийском языке.

² *Ковентри Керси Дайтон Патмор* (Patmore, 1823–1896) – английский писатель, поэт и литературный критик. Цитата из стихотворения «Пророки, не могущие петь» (Prophets who cannot Sing) из его сборника «Неизвестный Эрос» (The Unknown Eros, 1877). В полном виде выглядит так: «At least, from David unto Dante, none, / And none since him» («По крайней мере, от Давида до Данте – никого, / И никого после него»).

³ Имеется в виду 33-й канон поместного собора Западной Церкви в Эльвире (ныне Гранада, Испания; нач. IV в.), введивший безбрачие среди духовенства, и 3-й канон Первого Никейского Вселенского собора, запрещающий присутствие в доме священнослужителя молодой женщины.

⁴ *Льюис К.С.* Аллегория любви // Избранные работы по истории культуры / Сост., пер. с англ. и коммент. Н. Эппле; предисл. У. Хупера. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 37. *Ligamentum rationis* – словосочетание из «Суммы теологии»

Фомы Аквинского (4, 34); в русском переводе передано как «сковывание разума»: «...Хотя это сковывание разума (*ligamentum rationis*) удовольствием от супружеского общения и не несет в себе никакой этической порчи, ... однако оно берет свое начало от своего рода этической порчи, а именно от греха нашего прародителя» (*Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II-I / Пер., ред. и прим. С.И. Еремеева. – Киев: Эльга, Ника-Центр, Элькор-МК, Экслибрис. 2006. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-4/35>*)

⁵ Град у Уильямса выступает как идеал христианского общества, вдохновляемый образом Небесного Иерусалима.

⁶ *Льюис К.С.* Цит. соч. С. 38.

⁷ Имеется в виду фраза Вордсворта из его поэмы «Прелюдия» (Кн. V, «Книги»): «Но все размышления человечества, / Да, все несокрушимые твердьны истины / Построены разумом или страстью, которая сама / Есть высший разум в возвышенной душе» («But all the meditations of mankind, / Yea, all the adamant holds of truth /

By reason built, or passion, which itself / Is highest reason in a soul sublime»). Мы даем здесь собственный прозаический перевод, поскольку в русском переводе Татьяны Стамовой эта афористически звучащая фраза, к сожалению, не передана: «Но мысли человечества – о да, / Все цитадели, что разум / Или горенье духа возводили / Себе в веках...» (*Вордсворт У. Прелюдия. 1805 / <Пер. с англ. Т. Стамовой>. Изд. подгот. А.Н. Горбунов, Е.В. Халтрин-Халтурина, Т. Стамова. – М.: Ладомир, 2005. С. 86).*

⁸ Источником цитаты обнаружить не удалось.

⁹ Не совсем точная цитата из трактата Иоанна Скота Эриугены (Эригены) «Перифюсеон, или О разделении природы» (I, 448С–448В): «Насколько велико будет умножение святых душ, настолько велико будет и обладание божественными теофаниями» (*Quanta fuerit sanctorum animarum multiplicatio tanta erit divinarum theophaniarum possessio*) (Перевод мой по: *Johannis Scoti Erigenae de Divisione naturae libri quinque. <Münster:> Monasterii Guestfallorum, 1838. S. 8).* Уильямс заимствовал перевод из книги: *Gardner A. Studies in John the Scot (Erigena): A Philosopher of the Dark Ages. L.– NY.: Henry Frowde, 1900. P. 95.*

Уильямс довольно широко трактует понятие теофании – не только как собственно Богоявления, но как явление любых мистически осмысливаемых феноменов (в частности, как это будет видно ниже, – и образа возлюбленной).

¹⁰ Сокращенная цитата из трактата Данте «Монархия» (I, 3). В русском переводе: «Вот почему не действие, свойственное сущности, существует ради этой сущности, а эта последняя ради него» (*Данте. Монархия. <Пер. с лат. В.П. Зубова> // Данте. Малые произведения / Изд. подгот. И.Н. Голенищев-Кутузов. – М.: Наука, 1968. С. 307).*

¹¹ *Deivirilis* – латин. перевод с греч. *θεανδρικῆ* (богочеловеческий, «богомужный») из 4-го послания Дионисия Ареопагита. Христос, пишет Ареопагит, «совершал действия божественные не как Бог и человеческие не как человек, но как вочеловечившийся Бог действовал, пребывая с нами, неким новым богомужным действием» (*καὶ ἴη τὴν τῆν θεανδρικῆν ἐνέργειαν*). (Цит. по: Восточные отцы и учителя церкви V века: Антология / Сост., биогр. и библиогр. ст. иером. Илариона (Алфеева). – М.: Изд-во МФТИ, 2000. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dionisij_Areopagit/pisma/).

¹² «В это мгновение дух моей души, обитающий в высокой горнице, куда все духи чувств несут свои впечатления, восхитился и, обратясь главным образом к духам зрения, промолвил следующие слова: “Apparuit iam beatitudo vestra” («Ныне явлено блаженство ваше») (*Данте. Но-*

вая жизнь. <Пер. с лат. В.П. Зубова> // *Данте. Малые произведения... С. 7).*

¹³ *Гибеллины* (итал. *ghibellini*) – политическое течение в Италии XII–XVI веков, приверженцы императора Священной Римской империи; враждовали с гвельфами, выступавшими за ограничение власти императора.

¹⁴ Данте описывает, как, измученный своей неразделенной любовью к Беатриче, он увидел «некую благородную даму, юную и прекрасную собой, которая смотрела на меня из окна с таким сожалением, что казалось, что все сожаление в мире в ней нашло свое прибежище» (*Данте. Новая жизнь... С. 46*). В дальнейшем повествовании она выступает на первый план, отвлекая Данте от мыслей о Беатриче; он посвящает этой даме несколько сонетов.

¹⁵ В «Чистилище» описана встреча с духом Беатриче, который упрекает поэта в том, что после её смерти он забыл её: «...in contraria parte mover dovieta mia carne sepolta» (XXXI, 47–48; у Уильямса с опечаткой: *mia carne sepulta*) – дословно: «...моя погребенная плоть должна была двигать тебя в противоположную сторону» («...Внимай мне, чтоб узнать, / Куда мой образ, ставший горстью пыли, / Твои шаги был должен направлять»; здесь и далее «Божественная комедия» цитируется по переводу М. Лозинского). В книге «Фигура Беатриче» Уильямс поясняет эту фразу Беатриче подробнее: «Крайне маловероятно, что есть какой-либо намек на Даму у Окна... Не следует считать, что Беатриче была банально ревнивой. Она не могла, по определению, осуждать любое состояние, где та другая Дама была “связана с Любовью”; скорее, её нынешнее обвинение заключается в том, что Данте недостаточно уделял внимания темам, “связанным с Любовью”» (*Williams Ch. The Figure of Beatrice: A Study in Dante. – Cambridge: Boydell & Brewer Ltd, 1943. P. 186*).

¹⁶ Тень Беатриче жалуется, что как только она умерла, поэт «...устремил шаги дурной стезей, / К обманным благам, ложным изначала, / Чьи обещанья – лишь посул пустой» («Чистилище», XXX, 130).

¹⁷ «Был одним лицом в двух природах». «И я увидел, полн еще смятенья, / Что Беатриче взоры навела / На Зверя, слившего два воплощенья» («Чистилище», XXXI, 79). Грифон в «Чистилище» Данте символизирует Христа.

¹⁸ Восхождению Данте на Гору (символ добродетели) препятствуют три зверя: рысь – воплощение сладострастия, лев – гордости и волчица – корыстолюбия.

¹⁹ *Святая Лючия* (Лукия Сиракузская) – христианская мученица III века; в «Божественной комедии» выступает посредницей между Богородицей и поэтом.

²⁰ Франческа, дочь Гвидо I да Полента, правительницы Равенны, отличалась исключительной красотой. В 1275 году отец выдал её из династических соображений замуж за кондотьера Джанчотто Малатеста. Она полюбила младшего брата Джанчотто, Паоло Малатеста. Застав их целующимися, Джанчотто заколол обоих.

²¹ *Фарината дельи Уберти* (1212–1264) – итальянский аристократ, рыцарь и военный лидер гибеллинов во Флоренции. Фарината появляется вместе с несколькими другими атеистами и еретиками в X Песне «Ада». Поскольку они отрицали бессмертие души, их вечное наказание – быть погребёнными в огненных гробах, в городе Дита (Люцифера).

²² В девятом круге, на самом дне Ада, образованном ледяным озером Коцит, казнятся предатели. Посередине, в центре озера, пребывает вмерзший в льдину крылатый Люцифер; он изображен Данте с тремя пастями, из которых течет кровавая слюна.

²³ *Катон Младший Утический* (95–46 гг. до н.э.), государственный деятель последних времен Римской республики; изображен у Данте стражем Чистилища.

²⁴ *Юлиана Норвичская* (Julian of Norwich; также Юлиана Нориджская, Юлиана из Норвича, Юлиана из Нориджа, 1342 или 1343 – не ранее 1416) – английская духовная писательница, автор книги «Шестнадцать откровений Божественной любви» (ок. 1393).

²⁵ В девятой (у Уильямса ошибочно «в десятой») песне «Чистилище» Данте встречает тень Куницы да Романо (ок. 1198 – ок. 1279), аристократки, прославившейся распутством, но на старости лет покаявшейся и обратившейся к делам милосердия. («Но, в радости, себя я не корю / Такой моей судьбой»).

²⁶ «Взгляни смелей! да, да, я – Беатриче» («Чистилище», XXX, 73).

²⁷ *Пиккарда* – сестра Форезе Донати, приятеля Данте, и родственница жены Данте.

²⁸ Тень Пиккарды отвечает Данте: «...Нашу волю утолил во всем / Закон любви, лишь то желать велящей, / Что есть у нас, не мысля об ином. // <...> Чего не может в этих сферах быть, / Раз пребывать в любви для нас *necesse* / И если смысл её установить» (Чистилище», XXX, 70-76).

²⁹ *Фолько (Фолькет) Марсельский* (ок. 1150 – 1231), провансальский трубадур, который, став епископом Тулузским, выступил гонителем ереси альбигойцев.

³⁰ «Когда б, как ты в меня, в тебя мог влиться» («Рай», IX, 81). «Небо Венеры» – третья сфера Рая, связанная с Венерой, как третьей по удаленности от Земли планетой (по Птолемею).

³¹ Девы – спутницы Беатриче – призывают Данте смотреть в очи Беатриче, тогда как взор самой Беатриче направлен на Грифона: «Не береги очей, – они сказали. / – Вот изумруды, те, что с давних пор / Оружием любви тебя сражали”. // Сто сот желаний, жарче, чем костер, / Вонзили взгляд мой в очи Беатриче, / Всё на Грифона устремлявшей взор» («Чистилище», XXI, 115-120).

³² Попадая на четвертое небо Рая, Данте встречает души великих мудрецов и богословов: Солмона, Дионисия Ареопагита, Фомы Аквинского и других – и вступает в общение с ними. «И так моя любовь им поглощалась, / Что я о Беатриче позабыл. // Она, без гнева, только улыбалась, / Но так сверкала радость глаз святых, / Что целостная мысль моя распалась» («Рай», X, 58-63).

³³ «Когда святое в новой славе тело / Нас облечет, то наше существо / Прекрасней станет, завершась всецело» («Рай», XIV, 43-45).

³⁴ «Орудья тела будут в меру сильны / Для всех услад, что нам пошлет Господь» («Рай», XIV, 59-60).

³⁵ *Бернард Клервоский* (1091–1153) – богослов и мистик, монах цистерианского ордена; почитается католической церковью как святой и учитель Церкви. В «Раю» становится провожатым по Эмпирею – области блаженных, созерцающих Бога.

³⁶ «Дева Мать, Дочь Своего Сына» (итал.). Обращение Бернарда Клервоского к Деве Марии: «О, Дева-Мать, дочь своего же сына» («Рай», XXXIII, 1).

³⁷ «Книга мучеников Фокса» (Foxe's Book of Martyrs, 1563) – труд английского историка Джона Фокса (1517–1587), повествующий об истории протестантизма.

³⁸ «Новая жизнь», XXIV. (*Данте*. Новая жизнь... С. 34–35).

³⁹ A Book of Contemplation the which is Called The Cloud of Unknowing, in the which a Soul is Oned with God / Ed. by E. Underhill. – London: John M. Watkins, 1912. P. 45.

⁴⁰ Coleman T.W. English Mystics of the Fourteenth Century. – London: The Epworth Press, 1938. P. 50.

⁴¹ A Book of Contemplation... P. 314.

⁴² Ibid. P. 297.

⁴³ Ibid. P. 82.

⁴⁴ Ibid. P. 225.

⁴⁵ Ibid. P. 159.

⁴⁶ Ibid. P. 87.

⁴⁷ «О госпожа, надежд моих ограда, / Ты, чтобы помощь свыше мне подать, / Оставившая след свой в глубях Ада, // Во всём, что я был призван

созерцать, / Твоих щедрот и воли благородной / Я признаю и мощь и благодать. // Меня из рабства на простор свободный / Они по всем дорогам провели, / Где власть твоя могла быть путеводной. // Хранить меня и впредь благоволи, / Дабы мой дух, отныне без порока, / Тебе угодным сбросил тлен земли!» («Рай», XXXI, 79–90).

⁴⁸ «Взгляни: вслед Беатриче весь собор, / Со мной прося, сложил в молитве длани!» («Рай», XXXIII, 38–39).

⁴⁹ *Марджери Кемпе* (или Кемп; Margery Kempe; ок. 1373 – ок. 1439) – английская духовная писательница-мистик, автор «Книги Марджери Кемпе», первой автобиографии на английском языке.

⁵⁰ «Сыновьями Грома» в Новом Завете названы братья-апостолы Иаков и Иоанн. Уильямс имеет в виду эпизод из Евангелия от Луки, когда, возмущенные отказом жителей самаритянской деревни встретить Христа, они воскликнули: «Господи, хочешь Ты, чтобы мы навлекли огонь небесный и они погибли?». Однако Господь запретил им это и призвал к милосердию (Лк. 9, 54–55).

⁵¹ *The Book of Margery Kempe: A Modern Version / Ed. by W. Butler-Bowdon.* – London; Toronto: Jonathan Cape, 1940. P. 72.

⁵² *Ibid.* P. 73.

⁵³ *Daniel-Rops H.* *La Misère et nous.* – Paris: B. Grasset, 1935. P. 102.

⁵⁴ *Jordan G.J.* *The inner history of the Great Schism of the West; a problem in Church unity.* – London, Williams & Norgate, Ltd., 1930. (Это издание было для нас недоступным, и определить страницу, на которой содержится цитируемый текст, не удалось). Имеются в виду странности в поведении нового папы, в результате чего кардиналы пришли к мнению, что он душевнобольной.

⁵⁵ Вероятно, имеется в виду парафраз реплики тени флорентийского поэта и философа Брунетто Латини из «Ада» (XV, 61, 64): «Но этот злой народ неблагородный... / За всё добро врагом тебя сочтет».

⁵⁶ *Джон Уиклиф* (Виклиф) (Wycliffe; 1320 или 1324 – 1384) – английский философ, богослов, переводчик Библии, священник и профессор семинарии в Оксфордском университете. Был известен своими неортодоксальными взглядами, предвосхитившими Реформацию.

⁵⁷ Имеется в виду итальянский диктатор Бенито Муссолини (1883–1945).

⁵⁸ *Жан Жерсон* (Gerson; 1363–1429) – французский богослов, канцлер Парижского университета, реформатор системы образования. Принимал деятельное участие в Констанцском соборе (1414–1418).

⁵⁹ Из сочинения Жерсона «Об отлучении папы от Церкви» (*De auferibilitate papae ab Ecclesia*, 1417). Жерсон допускал, что сопротивление Папе или отказ повиноваться ему могут проистекать только из некоей благочестивой необходимости (*pia quaedam necessitas*) и из давления непреодолимых обстоятельств (*manifestis causis urgentibus*).

⁶⁰ В данном необходимом случае (*лат.*).

⁶¹ Историческая неточность: на Пизанском соборе (1409) присутствовал император Сигизмунд I (1368–1437); Рудольф I жил за полтора столетия до, а Рудольф II – через полтора столетия после собора. Далее у Уильямса императором, присутствовавшим на Соборе, назван Сигизмунд.

⁶² *Hughes Ph.* *A Popular History of the Catholic Church.* – New York: Macmillan Company, 1949. P. 141.

ВОСТОК И ЗАПАД

Материалы III Международной научной конференции «Философия религии на Востоке и Западе» (Ташкент, 30 апреля – 1 мая 2025)

От редакции. 30 апреля – 1 мая в Ташкентской духовной семинарии прошла III Международная научная конференция «Философия религии на Востоке и Западе». Конференция проводилась совместно с кафедрой философии Бога и религии Философского факультета Папского университета Иоанна Павла II в Кракове (Польша).

В конференции приняли участие более пятидесяти исследователей религии из Узбекистана, России, Казахстана, Польши и других стран, представляющие различные академические институты и религиозные конфессии. Работа форума прошла в четырех секциях: «Философия религии и религиозная философия: между Востоком и Западом», «Русская религиозная философия: идеи, персоналии, институты», «Философия религии, религиозная философия, философская теология и богословие в Западной Европе и США» и «Религия в истории и современности: философский анализ».

Ниже мы публикуем выступления участников конференции из США и Польши.

Роберт СЛЕСИНСКИЙ

Пресвятая Богородица: Ходатаица между Востоком и Западом

В центре христианской догмы и богослужения находится Богочеловек (*Theanthropos*), Иисус Христос. Но, конечно, невозможно правильно понимать Его в отдельности от Богородицы (*Theotokos*), Приснодевы Марии. Почитание Ее Святой Личности всегда было отличительным знаком традиционного христианства с начала до наших дней. Приснодева Мария поистине служила как бы мостом между Востоком и Западом во времени и служит им до сих пор. Достоинно внимания, что все великие богородичные праздники имели свое происхождение на христианском Востоке и только со временем распространились на христианском Западе. Но в то же время мариология как особый отдел богословия развивалась на христианском Западе¹.

Выдающийся православный богослов прот. Сергей Булгаков (1871–1944) в предисловии к своему труду «Купина Неопалимая: Опыт догматического истолкования некоторых черт в православном почитании Богоматери»² ясно утверждает:

Православная Церковь чтит Матерь Божию как превысшую всей твари, «честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим», в то же самое время признавая, что

Православная Церковь, в сущности, не имеет исчерпывающего *догматического определения* о Богоматери, кроме постановления III вселенского Собора *о Богородице*³.

Тем самым он фактически признает, что мариологии на христианском Западе было уделено гораздо больше внимания, хотя он и не согласен с определенными догматическими заявлениями, сделанными западными мариологами, прежде всего – с догматом о Непорочном Зачатии Богородицы⁴. С другой стороны, он утверждает: «В настоящем очерке ставится задача – раскрыть преимущественно одну сторону этого учения (о Богородице), именно о *безгрешности* Богоматери»⁵, и поясняет: «О полной безгрешности Марии в Ее рождении, святом Ее детстве и отрочестве, в Благовещении, в рождении Сына и во всей жизни твердо и ясно учит св. Православная Церковь в своих безчисленных богослужениях, посвященных Богоматери»⁶.

Но, полностью соглашаясь с мыслью об особости Богоматери среди всех остальных творений, нужно иметь в виду, что Богоматеринство, которое происходило во времени, было предопределенным в вечности. Ответ Булгакова на этот вопрос нуждается в полном цитировании:

Сын предвечно рождается от Отца, и это рождение не может быть приурочено времени. Мария стала Богоматерию во времени, как во времени протекает и всё существование человеческого рода. Однако это во времени начавшееся богоматеринство, от века предуставленное, имеет уже вечную природу, совершилось на все времена и для вечности⁷.

В этом пункте Булгаков и традиционное католическое богословие соглашались. Как Сын Божий был предвечно рожаем Отцом, так и Блаженной Деве Марии было предопределено стать Богоматерью еще до Ее зачатия и рождения во времени. И есть другое догматическое следствие этого предопределения, разделяемое и Булгаковым, и католическими богословами. Это догматическое учение, что именно ввиду Ее Богоматеринства во времени Блаженная Дева была сохранена *от всего действительного греха* в течение всей ее жизни на земле⁸. Кроме того, в Ней была сохранена *пожизненная девственность*; в этом тоже богословы двух Церквей согласны. Всю свою жизнь Она могла оставаться исключительно Богоматерью, отрицая всякую мысль о половых отношениях с мужчиной, в которых Она могла бы зачать других детей.

С другой стороны, принятие и Православием, и Католичеством предвечного предопределения Девы Марии быть Богоматерью не означает, что нет значительных доктринальных расхождений между ними, особенно в отношении характера этого предопределения.

Если Богоматеринство было, поистине, предопределено Божеством в вечности вместе с Божественным Логосом, также предопределенным в вечности, чтобы искупить грехи всего человечества, это могло означать,

что Блаженная Дева Мария была «облагодатствованной»⁹ (Лк. 1, 28) с момента Ее зачатия, Ее благодатное состояние продолжалось на протяжении всего Ее земного существования. В католической перспективе, чтобы понять этот догмат, нужно изучать и оценивать богословские интуиции св. Ансельма Кентерберийского (ок. 1033 – 1109), изложенные в его классическом трактате *Cur Deus Homo* («Почему Бог стал человеком»). В нем он пишет, что Божественный Логос стал человеком *не* потому что первый человек, Адам, согрешил, но потому что Божественный *кенозис* (самоуничужение) нуждался во взаимном *апофеозисе* (обожении) человечества, чтобы окончательно произошло *Воплощение* Божественного Логоса. С этим Булгаков – без всякого упоминания св. Ансельма – не мог не согласиться. Он пишет: «Т.о., основная идея, молчаливо подразумеваемая в Халкид<онском> догмате, именно и есть *кенозис*. Но кенозис Божества есть и апофеозис человечества. Христос есть богоносный человек и вочеловечившийся Бог»¹⁰.

Где св. Ансельм и его последователь Эдмер (Eadmer of Canterbury) (ок. 1060 – ок. 1126), с одной стороны, и Булгаков, с другой, расходятся – это вопрос о Непорочном Зачатии. Эдмер, оправдывая непорочное зачатие Богородицы, выдвинул принцип *potuit, deuit, fecit* («это было возможно, это было уместно, это было сделано»). Вероятно, этот принцип побудил бл. Иоанна Дунса Скота (1265/66–1308) изложить доктрину предискупления в пользу учения о непорочном зачатии Марии, которое ограждало бы Ее от греха. Благодаря Ее предвечному искуплению, Она оказывалась непричастной любому греху, включая первородный. По этому поводу следует цитировать полностью один стих из Вечерни Праздника Зачатия св. Анны. Мы молимся в радостном благодарении: *Подобаше Царице неба и земли, честнейшей Херувим и славнейшей без сравнения Серафим, зачатися и пребывати непорочней, якоже сотворишася и пребыша святии Ангели: да не како раби Божию суще, возмогут похвалитися на свою Царицу, Матерь Божию. Господи сице изволившему и устроившему вся премудро слава и похвала.*

Булгаков полагал, что Пресвятая Богородица не была свободна от первородного греха, следствием чего было то, что Она подверглась естественной смерти. В этом отношении он расходится с одним из отцов Церкви, св. Епифанием Кипрским (ок. 315 – 403), который в своем знаменитом труде *Панарион* («Корзина», 377) нарочно поддерживает «сознательное молчание» относительно вопроса об испытании Марией естественной смерти, которое должно повлечь за собой некое телесное тление. С другой стороны, и православная, и католическая литургическая практика почитают земную кончину Богородицы тайной. Праздник Успения Богоматери просто констатирует факт, что «она уснула» («уснула», гр. *koimesis*) в Господе. Согласно догматическому определению папы Пия XII (1950) относительно Успения

Богородицы: «В конце Своей земной жизни непорочная Богородица, Дева Мария, была взята с телом и душой в небесную славу»¹¹.

Догматическое определение папой Пием XII об Успении Богоматери, конечно, было сделано после смерти Булгакова. Но следует заметить, что есть основное согласие между Булгаковым и католической мариологией касательно этого догматического учения. Конечно, Булгаков ясно заявлял, что Приснодева испытала естественную смерть, но все-таки признавал, что сама мысль, что могли бы существовать ее мощи, была бы «кощунственной»¹².

Но существует еще другое сходство между Булгаковым и католической мариологией, а именно, касательно миссии Приснодевы как *Со-Искупительницы*. Это название, конечно, чуждо Булгакову. Однако богословская аксиома: *lex orandi, lex credendi* («закон молитвы есть закон веры») действует и в Православии, и в Католичестве.

По этому поводу, как подчеркивает сам Булгаков, нужно лишь цитировать молитву отпуста всех Божественных Литургий. Как отмечает Булгаков, «Во всех отпустах – «Христос, истинный Бог наш, молитвами Пречистой своей Матере» и т.д.»¹³, Богоматерь фигурирует именно как *Ходатаица*, или Посредница между Ее Сыном и всеми молящимися в церкви. Подобным образом, в отпустительном богородичне Божественной Литургии св. Иоанна Златоуста мы молимся: *Предстательство христиан непостыдное, ходатайство ко Творцу непреложное, не презри грешных молений гласы: но предвари, яко благая, на помощь в нас, верно зовущих ти: ускори на молитву и потщися на умоление, предстательствующи присно, Богородице, чтущих тя.*

Мы не можем игнорировать и провозглашаемое священником волнующее прошение в отпустах великих вечерней и утреней: «Пресвятая Богородице, спаси нас!».

Трудно представить более сильную заступническую молитву. Не удивительно, что это прошение оказало влияние и на Булгакова, который сам излагал его, особенно в нескольких проповедях для Праздника Покрова Пресвятой Богородицы. В одной из них, 1925-го года, он останавливается на образе Богородицы, осеняющей молящихся Своим омофором:

...И над всем родом человеков, и над всем миром, и над нами, грешными, сияет осеняющий и спасающий Покров Богоматери, хотя и не имеем очей, которые достойны сие увидеть. Божия Матерь посредствует между землею и небом. Она есть ходатаица мира, возносящая его молитвы к Престолу Славы Божией... Она не судит, но всех жалеет. Она – не правда суда, и не суд правды, но материнское предстательство¹⁴.

И, задав вопрос: «Что есть покров сей, простертый над миром Богоматерью?» – дает такой ответ: «Сие есть слава Божия, венчавшая вознесенную в небеса Приснодеву...»¹⁵.

В более поздней проповеди, произнесенной в 1940 году, Булгаков развивает эту тему: «Это явление омофора Богоматери не свидетельствует ли собою о некоем ее первосвященстве?», хотя сразу же он добавляет, как бы смягчая свой вопрос: «Она его разделяет с Самим великим Первосвященником, с Сыном своим...»¹⁶.

Булгаков замечательно утверждает прямую истину о Богоматери:

В ее лице, вместе с Богочеловеком, со-страждает и со-искупается все человечество, которое воспринято от нее Христом. <...> Такова догматическая истина, которая если и не уразумевалась умом, то сердцем чувствовалась народом боголюбивым, ныне же пришло время явственно ее сознать¹⁷.

В другой, недатированной, проповеди, Булгаков говорит, что Церковь не может не объявлять во всеуслышание: «Пресвятая Богородице, спаси нас!»¹⁸. И сам возглашает: «Радуйся, радости наша! Прими и нас под сень твоего омофора!»¹⁹.

Многие наименования Богоматери и у Православия, и у Католичества одинаковы: Ходатаица (*Mediatrix*), Заступница (*Intercessor/Patroness*), Царица (*Queen*), Покровительница (*Protectress*)... Но есть одно наименование, которое присуще только Католицизму, но, вместе с тем, связано с пониманием Булгаковым первосвященства Богоматери, хотя и не было им употребляемо: *Со-Искупительница* (*Co-Redemptrix*). Причиной для расхождения во мнениях здесь выступает приставка «со-». Но она не значит, что Ходатаица «равна» Искупителю, но только что Она всегда «рядом», «с» (лат. *cum*) Искупителем, выступая как Его Со-трудница.

И, вместе с Булгаковым, мы только можем соединить наше прошение с прошением самой Церкви: «Пресвятая Богородица, спаси нас... Ей, гряди, Пресвятая Богородица! Аминь»²⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Slesinski R.F. The Holy Theotokos: In Festal Commemoration. Fairfax, VA: Eastern Christian Publications, 2012.*

² *Булгаков С., прот. Купина Неопалимая: Опыт догматического истолкования некоторых черт в православном почитании Богоматери. – Париж: УМКА-Press, 1927. См. об этом: Slesinski R.F. The Theology of Sergius Bulgakov. – Yonkers, New York: St. Vladimir's Seminary Press, 2017. P. 85–114.*

³ *Булгаков С., прот. Купина Неопалимая... С. 5.*

⁴ Там же. С. 77–109.

⁵ Там же. С. 6.

⁶ Там же. С. 13.

⁷ Там же. С. 174.

⁸ Конечно, были Отцы Церкви и на Востоке, и на Западе, которые утверждали, что Блаженная Дева была не свободна от греха при своей жизни.

⁹ *Булгаков С., прот. Слова. Поучения. Беседы. – Париж: УМКА-Press, 1987. С. 213.*

¹⁰ *Булгаков С., прот. Агнец Божий: О Богочеловечестве. Часть I. – Париж: УМКА-Press, 1933. С. 267.*

¹¹ Уместным представляется привести в связи с этим мнение современного православного богослова: «...Православное учение о воскресении Богоматери существенно отличается от аналогичного католического: во-первых, в Православии это верование не имеет статуса догмата, во-вторых, дается принципиально иное объ-

яснение: Пресвятая Богородица действительно умерла, как человек, подверженный естественному закону смерти, а Ее воскрешение стало проявлением любви Божией. Господь призрел на Ее чистоту и святость и даровал Ей особую милость, воскресив Ее вскоре после смерти, гораздо раньше дня Всеобщего воскресения» (Кашкин А. Литургия: В 2-х тт. Ч. 1: Двенадцатые неподвижные праздники. – М.: Синописи, 2022. (URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Kashkin/liturgika-chast-1-dvunadesjatye-nepodvizhnye-prazdniki/11_3). (Прим. ВС)

¹² Булгаков С., прот. Купина Неопалимая... С. 134.

¹³ Там же. С. 131.

¹⁴ Булгаков С., прот. Слова. Поучения. Беседы... С. 47.

¹⁵ Там же. С. 48.

¹⁶ Там же. С. 52–53.

¹⁷ Там же. С. 52.

¹⁸ Там же. С. 56.

¹⁹ Там же. С. 57.

²⁰ Там же. С. 366.

ВОСТОК И ЗАПАД

Материалы III Международной научной конференции
«Философия религии на Востоке и Западе»
(Ташкент, 30 апреля – 1 мая 2025)

Марцин БИДЕР

Возрождение чина диаконис в контексте секуляризации России XIX – начала XX веков

В середине XIX века в России среди общественных и церковных деятелей формировались разные взгляды на развитие женской («новой») монашеской, медицинской, просветительской и благотворительной деятельности. Одной из таких канонических форм деятельности был женский диаконат.

Диаконисы – в древней церкви I–VIII веков особая категория женщин, принявших посвящение и несших определённое служение в церкви.

Необходимость возобновления чина диаконис и институализации этого служения была во многом продиктована резко возросшей, начиная со второй трети XIX века, религиозной активностью женщин, которая получила в ряде работ название «феминизация религии»¹.

Ниже, с использованием исторических и юридических методов, будет представлен православный дискурс о реставрации чина диаконис в свете секуляризации в России (XIX–XX века). Будет рассмотрен вопрос о социально-философских причинах попытки восстановления диаконис в Русской Православной Церкви. Анализ будет ограничен дихотомией традиционной теологии и философского модернизма.

Три основных направления в обсуждении «женского вопроса» – это: так называемая женская «теология» (обращение к русской философской традиции), социалистические и либеральные идеи.

Теологическо-канонический статус: традиционная позиция

Диаконисы (греч. «*διακόνισσα*», также «*διάκονος*» с артиклем или иным показателем женского рода; лат. *diaconessa*) существовали уже во времена апостолов. Так, святой апостол Павел в послании к Римлянам упоми-

нает о некоей Фиве, бывшей «служительницею церкви, яже в Кенхреех» (Рим. 16, 1). В последующее же время о них часто упоминают и соборы², и отцы и учителя Церкви, и императоры в своих законах³.

Число диаконис при церквях иногда бывало довольно значительно. Так, при Юстиниане и Ираклии при великой константинопольской церкви их было до сорока. В диаконисы избирались сначала преимущественно девы; из вдов же только «верныя и благоговейныя, бывшия замужем только один раз»⁴. При Юстиниане дозволено было избирать из тех и других⁵ и притом ранее сорока лет, хотя действительное служение поручалось им не ранее достижения этого возраста и не иначе как после тщательного испытания⁶.

Исключение из этого общего правила допускалось лишь для лиц, отличавшихся особенно благочестивою жизнью: они сразу назначались диаконисами без всякого испытания, хотя бы и не достигли сорокалетнего возраста. Очень часто диаконисами становились жены епископов после того, как последние, получая свой сан, должны были с ними разлучиться; но и из них на эту должность попадали только способные.

В древности диаконисы причислялись к клиру и поставлялись чрез особое рукоположение⁷, и в Апостольских Конституциях даже сохранилась молитва, которую при этом читал рукополагавший:

Вечный Боже, Отче Господа нашего Иисуса Христа, Творче мужа и жены, исполнивший Духа Свята Мариам, Деворру и Анну, почтивший жену рождением Единородного Сына Твоего, в скинии завета и храме поставивший хранительниц священных врат Твоих, – призри и ныне на рабу Твою сию и даруй ей Духа Твоего Святаго, да достойно совершит вручаемое ей дело сие во славу Твою и честь Христову⁸.

Но на Лаодикийском синоде (363–364 гг.) было воспрещено поставлять их в церкви: «не должно поставляти в церкви так именуемыя пресвитерицы (старицы) или председательницы»⁹.

Обязанности диаконисы были таковы:

1) они приготавливали женщин к крещению, наставляя их как относительно действий и ответов при крещении, так и относительно поведения после крещения, «вдовицы или инокини, избираемые для служения при крещении жен, должны хорошо знать сию должность¹⁰, чтобы могли здорово речью поучать неопытных и необразованных жен пред крещением тому, как отвечать им на вопросы крещающего и как жить по принятии крещения»;

2) помогали служителям церкви при самом крещении женщин;

3) исполняли разные поручения епископа, касавшиеся жен (точно так же, как диаконы исполняли их поручения относительно мужчин), а именно: посещали больных и впавших в несчастья и передавали женщинам разные распоряжения;

4) стояли близ дверей, в которые входили в храм женщины, расставляли

их по местам и наблюдали за тем, чтобы они вели себя за богослужением благочинно.

На Западе в римско-католической и лютеранской церквах диаконисы удержались преимущественно в качестве лиц, посвятивших себя уходу за больными и воспитанию детей, но уже без всякой принадлежности к клиру или церковным должностям¹¹.

«Женский вопрос» в контексте модернизма

Европеизация России способствовала секуляризации общественного сознания высших слоев общества и внедрению западных норм социальной и культурной жизни. Женская эмансипация понималась в то время в духе французского просвещения – как необходимость личного развития и социальной самореализации женщин. Начавшиеся с середины XIX века дискуссии о праве женщин на университетское и профессиональное образование, на избирательные права отражали пробуждение социальной активности женщин¹².

В это время женщины начали активно проявлять себя в различных сферах общественной и профессиональной деятельности: медицине, социальной работе, педагогике, благотворительности, просвещении и т.д. Это стало следствием, с одной стороны, возросшей потребности женщин в образовании, с другой – появления новых возможностей для их социальной адаптации¹³.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в Российской империи происходят социальные и экономические трансформации, которые стали серьезными вызовами как для общества, так и для Русской Православной Церкви. Развивающаяся индустриализация и появление возможности оплачиваемой работы вне сельского хозяйства помогли некоторым женщинам начать самостоятельно зарабатывать средства к существованию¹⁴.

Развитие женского («нового») монашества

Основной вопрос полемики – что является приоритетом монашества в современных условиях российской действительности: служба миру, забота о народе или достижение идеалов созерцательно-аскетической жизни?¹⁵

На рубеже XVIII–XIX веков в России был известен опыт «низовой» инициативы создания женских общин. Общины создавались в качестве богаделен, странноприимных домов, «домов сестер милосердия», «сестер трудолюбия»

и так далее. Возникают не только простонародные, но и аристократические общезжития. Абсолютное большинство насельниц таких общин оставались в статусе мирянок и не принимали монашеский постриг. Кроме самоорганизованных общин, в России отмечалось такое явление, как «черничество» – своеобразное монашество, распространенное среди крестьянок и существовавшее в двух видах: домашнем и келейном (в последнем случае женщины жили отдельно от родственников, иногда вместе с другими «черничками» или ученицами)¹⁶.

В пореформенный период происходит стремительный рост числа женских религиозных сообществ (общин, обителей, монастырей), в том числе в связи с изменением законодательства и политики Синода в отношении женских общин. Так, число официально зарегистрированных женских обителей выросло со 122 в 1855-м до 475 в 1914 году (в 3,4 раза), а количество насельниц в них – в 7,6 раза, начав приближаться к 80 тысячам человек¹⁷.

В целом для женских религиозных сообществ Российской империи была характерна тенденция, когда «из крайне стесненных в средствах и зависящих от благосостояния поступающих в монастыри женщин в начале XVIII в. – к началу XX в. они представляют собой многочисленную, стабильно обеспеченную общину, привлекающую молодых, незамужних, с высоким уровнем грамотности женщин, все чаще из непривилегированных городских и особенно сельских слоев общества»¹⁸. В связи с этим «более заметными становятся функции социальной защиты женщин, а с другой стороны, женщины из низших сословий, оказавшиеся в ходе модернизации и урбанизации в крайне незащищенном положении, получили новые возможности для социальной мобильности»¹⁹.

Еще одной тенденцией развития женских общин и монастырей в конце XIX – начале XX веков стала возрастающая роль благотворительной деятельности. Монастыри занимались благотворительной и просветительской деятельностью и в допетровское время, и во времена Петра I. С начала XVIII века складывается государственная система благотворительности, финансирование которой поступало в том числе и через Монастырский приказ. При Петре I социальная деятельность женских монастырей стала их основной функцией и оправданием их существования. Более интенсивно дело монастырской благотворительности стало развиваться в пореформенный период. Указом от 6 апреля 1866 года монастырям предписывалось при учреждении новых обителей «предлагать учредителям соединять <...> с удобствами уединенной монашеской жизни цель благотворительную или воспитательную»²⁰. В соответствии с этим указом, в монастырях, особенно женских, стали устраиваться школы, сиротские приюты, больницы, богадельни, гостиницы и столовые для бедных. Наиболее активными в деле благотворительности были женские общины, часть которых со временем были преобразованы в монастыри²¹.

Проекты восстановления служения диаконис в России в середине XIX века

Вопрос о восстановлении в России чина диаконис впервые был поднят в 30-е годы XIX века знаменитым алтайским миссионером архимандритом Макарием (Глухаревым), который во время своей длительной миссионерской практики осознал необходимость участия женщин в делах миссии, распространявшихся на женское население Алтая (в приготовлении ко крещению и руководстве новокрещенными, помощи больным и др.). Несмотря на отказ Николая I и Синода, архим. Макарию удалось на практике начать восстановление древнего чина.

В 1838 году в деревне Майме поселилась Прасковья Матвеевна Ландышева, мачеха сотрудника миссии иерея Стефана Ландышева (1816–1883), и на нее были возложены обязанности диаконисы²². Ее убеждениями прониклась София Густавовна де Вальмон (1800 – после 1861), католичка, перешедшая по убеждению в православие. 24 января 1840 года она подала митрополиту Филарету заявление о своем «усердном желании посвятить остаток дней своих на служение Господу в деле спасения душ человеческих, искупленных Им Своею честною кровию, и способствовать при помощи Его новокрещеным женского пола при Алтайской церковной миссии в познании Иисуса Христа распятого и святых Его заповедей»²³.

Были и другие женщины, которых архимандрит Макарий называл диаконисами.

Усилия архимандрита Макария оказали влияние на митрополита Филарета (Дроздова), с которым он состоял в переписке по вопросу поставления диаконис в Алтайскую миссию. В 1840 году митрополит Филарет посвятил настоятельницу Спасо-Богородицкого монастыря Марию (Маргариту Михайловну Тучкову) в сан игуменьи по чину диаконис с возглашением слова: «аксиос» (греч. *достойный*)²⁴. Каким именно чином посвятил митрополит Филарет игуменью Марию, решить трудно, но ни в одном из известных нам чинов хиротонии диаконис этого возгласа нет²⁵.

Женское служение оказалось востребованным и в церковной жизни Петербурга. Так, известный петербургский священник Александр Гумилевский (1830–1869) предпринял попытку учредить чин диаконис для приходского служения. В 1863 году он основал приют для больных, престарелых и малолетних нищих, одним из отделений которого стала община сестер, служивших по примеру древних диаконис: одни трудились в приюте, занимаясь обучением детей и работая на кухне, другие посещали квартиры бедных и ходили по больницам. Но в 1866 году о. Александр был перемещен в Нарву, а в 1867-м – в Обуховскую больницу, где заразился тифом и скончался, после чего община прекратила существование²⁶.

Реформы 60-х годов, освобождение личности и труда тоже особым об-

разом влияли на общественные процессы, на качество труда и религиозную жизнь.

Все эти процессы находили отражение в общественно-церковной деятельности игуменьи Екатерины (графини Ефимовской, 1850–1925) и созданного по ее инициативе и при ее активном участии в 1885 году Леснинского монастыря в местечке Лесна (ныне – на территории Польши). Вопросам, связанным с историей института диаконис и его возрождения, посвящена ее брошюра «Диаконисы первых веков христианства» (1909), а также «Докладная записка Настоятельницы Леснинского женского монастыря о восстановлении служения и звания диаконис» (1905)²⁷.

Предпринимались попытки создания, с просветительскими целями, общин диаконис в Санкт-Петербурге. Как писал протоиерей Феодор Знаменский (1872 – после 1931):

В 1900 г. идея древних диаконис воскресла, впрочем, в измененном виде, в учрежденном при Санкт-Петербургском обществе религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви религиозно-просветительном союзе интеллигентных лиц женского пола, принявших на себя труд, под непосредственным наблюдением и руководством известного столичного деятеля по благотворению протоиерея К.И. Ветвеницкого, заниматься чтением Св. Писания, святоотеческих творений, житий святых и проч. для больных в клиниках, лечебницах и больницах <...>. В минувшем году таких чтниц было 90, чтения проводились в 19 местах²⁸.

Попытки восстановления чина диаконис в России в начале XX века

К началу XX столетия мысли церковных иерархов, академического сообщества, монашествующих и приходского духовенства были сконцентрированы вокруг идей соборности и соборного начала в Церкви. Чаяния о возможности возвращения к канонически верному соборному принципу стали реальностью. В 1906 году было создано Предсоборное присутствие, которое рассматривало ряд вопросов для вынесения их на предстоящий в скором будущем Собор. Касательно рассматриваемой темы на Предсоборном присутствии обсуждался вопрос о возможности восстановления чина диаконис.

По мнению тех, кто участвовал в этих обсуждениях, служение диаконис должно было быть ориентировано только на социальную и катехизаторскую деятельность. Диаконисы должны были заботиться о больных и немощных, помогать священнику, следить за порядком в храме, заниматься религиозным просвещением, имея соответствующую подготовку. Возраст в сорок лет для посвящения диаконис предполагалось оставить обязательным, а принятие монашеских обетов им не предписывалось. Статус женщин, несмотря на принятые правила, оставался недостаточно определенным, по-

скольку не было речи о собственно посвящении и внешнем одеянии диаконис (плата-мафории с орарем), как в древние времена: например, епископ имел право посвятить женщину во время молебна²⁹.

Кроме этого, с предложением восстановить чин диаконис в Предсоборное присутствие обратилась игуменья Леснинского монастыря Екатерина. По ее мнению, это решило бы в Церкви ряд социальных проблем и привлекло бы тех женщин, которые не хотели уходить в монастырь и давать обеты, но имели желание служить в миру.

21 марта 1906 года IV отдел Предсоборного присутствия, занимавшийся реформой прихода, постановил создать чин приходских диаконис, в обязанности которых входило поддержание чистоты и убранства в храме и обучение детей грамоте. Однако Святейший Синод отклонил это предложение. Данные предложения не получили своего дальнейшего распространения, так как на Предсоборном совещании в 1912 году вопрос о женщинах отдельно не рассматривался³⁰.

Помимо этого, известны попытки восстановления чина диаконис, сделанные Великой княгиней Елизаветой Федоровной для сестер основанной ею Марфо-Мариинской обители. По ее просьбе митрополит Владимир (Богоявленский) обращался в Святейший Синод с ходатайством о присвоении сестрам упомянутой обители просимого наименования. 9 ноября 1911 года Синод постановил присвоить особо почитаемым сестрам обители наименования диаконис. Никаких литургических вопросов это постановление не касалось, а лишь дало некоторым сестрам древнее именование³¹.

На Поместном Соборе 1917–1918 годов вопрос женского диаконата рассматривался Отделом о церковной дисциплине. Профессор церковного права Сергей Троицкий в качестве докладчика ставил вопрос о восстановлении института. Рассматривался вопрос возможности для женщины входить в алтарь, были представлены проекты литургического поставления женщины в чин диаконисы. Протоколы заседаний Поместного Собора отражают широкие дискуссии и обсуждения данного вопроса членами Собора. Так, согласно опубликованным данным, в Отделе о церковной дисциплине не было противников восстановления женского диаконата, и все высказывались за его воссоздание, аргументируя это большой пользой для церковной жизни. Однако Собор так и не принял никаких окончательных решений относительно восстановления чина диаконис. Попытки обновления внутрицерковной жизни были прерваны революционными событиями, вследствие которых не только эта идея, но и многие другие не получили своего решения³².

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Парфенова Е.Г. Вклад игуменьи Екатерины (Ефимовской) в возрождение чина диаконис в России // Вестник Свято-Филаретовского института. 2023. Вып. 45. С. 65.
- ² Правило 19, I Вселенский Собор; правило 15, IV Вселенский Собор; правило 14, VI Вселенский Собор.
- ³ Юстиниан, *Nov.* 3, 6 и 123.
- ⁴ Апостольские постановления 4, 18.
- ⁵ Юстиниан, *Nov.* 6.
- ⁶ Правило 15, IV Вселенский Собор; Юстиниан, *Nov.* 123.
- ⁷ Правило 19, I Вселенский Собор.
- ⁸ Апостольские постановления 8, 20.
- ⁹ Правило 11, Лаодикийский Синод.
- ¹⁰ Правило 12, IV Карфагенский Синод.
- ¹¹ См.: Желтов М., иерей. Диакониса // Православная энциклопедия. Т. 14. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2007; Постернак А., иерей. Вдовы и диаконисы в иерархии древней Церкви // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 98.
- ¹² См.: Воронина О. Цивилизационное развитие России и «женский вопрос» (XV – начало XX вв.) // Проблемы цивилизационного развития. 2021. № 2. С. 83.
- ¹³ См.: Парфенова Е. Вклад игуменьи Екатерины (Ефимовской)... С. 65.
- ¹⁴ См.: Парфенова Е. Концепция «нового монашества» в богословии и служении игуменьи Леснинского Свято-Богородицкого монастыря (Е.Б. Ефимовской, 1850–1925) // Российский журнал истории Церкви. 2022. № 2. С. 67–68.
- ¹⁵ Там же. С. 81.
- ¹⁶ Там же. С. 68.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Руководственные для православного духовенства указы Святейшего правительствующего синода. 1721–1878 гг. – М.: Тип. М.Н. Лаврова и К°, 1879. (URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/rukovodstvennyye-dlja-pravoslavnogo-duhovenstva-ukazy-svjatejshego-pravitelstvuyushhego-sinoda-1721-1878-gg/2).
- ²¹ См.: Парфенова Е. Концепция «нового монашества»... С. 69.
- ²² См.: Троицкий С. Диаконисы в Русской Церкви // Служение женщин в церкви: Исследования. [Сост.: свящ. А. Постернак, С.Н. Баконина, А.В. Белоусов]. – М.: ПСТГУ, 2013. С. 309.
- ²³ Там же. С. 311.
- ²⁴ Там же. С. 312.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ См.: Парфенова Е. Концепция «нового монашества»... С. 66.
- ²⁷ Там же. С. 67–68.
- ²⁸ Знаменский Ф., прот. Диаконисы древней церкви // Прибавление к «Церковным ведомостям». 1906. № 16. С. 898.
- ²⁹ См.: Постернак А., иерей. Служение диаконис в Византии и проекты его восстановления на Предсоборном присутствии в России 1906 года // Вестник ВолГУ: Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. № 6. С. 360.
- ³⁰ См.: Зотин А., диак. Попытки восстановления института диаконис в конце синодального периода и возможная актуализация в современной Русской Церкви // Праксис. 2020. № 2 (4). С. 203–204.
- ³¹ Там же. С. 204.
- ³² Там же.

Александр ДЖУМАЕВ

Познавшая секреты мастеров

Страницы жизни искусствоведа Нины Аведовой*

«Вы девочка упрямая...» Нина Аведова и Лазарь Ремпель

С надеждой на издание «Резьбы по дереву в Узбекистане» в Москве Нине Арташесовне пришлось распрощаться. Центральные советские издательства неохотно брали к публикации монографии малоизвестных «периферийных» ученых, предпочитая работать с уже известными, маститыми искусствоведами. Большинство из которых, естественно, проживало в Москве и Ленинграде.

Случай с Аведовой не был исключением. Получали отказы из центральных издательств и другие ученые – коллеги Нины Арташесовны из Института искусствоведения им. Хамзы. Так, в начале 1980-х годов всесоюзное издательство «Музыка» отказалось издавать книгу доктора искусствоведения Исхака Раджабова (1927–1982) «Трактаты о музыке» – о письменных источниках в музыкальной науке средневекового Востока¹. Ныне Раджабов – признанный ученый, а труды его чрезвычайно востребованы. Но провалы и разрывы в движении научной мысли из-за несвоевременного издания уже подготовленных монографий, увы, невосполнимы.

Всё это прекрасно понимал и выдающийся искусствовед, научный руководитель Аведовой Лазарь Ремпель. Как никто другой он видел результаты многолетней и неимоверно кропотливой работы своей ученицы. Вложив много душевных сил и знаний в ее профессиональное воспитание, он чувствовал свою ответственность за судьбу ее научных работ.

Их постоянное общение началось после прихода Нины Арташесовны в Институт искусствоведения (в 1959 году), еще до начала ее работы над кандидатской диссертацией. И продолжалось долгие годы после защиты – в пе-

* Окончание. Начало в № 3-4 (LXVI), 2024.

риод подготовки монографии к публикации и позже. Среди собеседников Лазаря Ремпеля были многие его замечательные современники: историк искусства Галина Пугаченкова, художники Чингиз Ахмаров, Урал Тансыкбаев, крупные народные мастера...

Нина Арташесовна уже в те годы (начало 1960-х) – знаток узбекского народного искусства, в особенности деревообработки. Лазарь Израилевич – крупный и признанный в СССР ученый-искусствовед с широкими научными интересами, занимавшийся разработкой методологических проблем в искусствоведческой науке и обладавший способностью к глубоким историко-теоретическим обобщениям. Свою задачу на этапе научного руководства он видел в том, чтобы упорядочить научное мышление ученицы, приучить ее к строгому применению исследовательских методов в отношении обширного эмпирического материала.

Примечательным выглядит в связи с этим одно из писем Нине Арташесовне (от 30 июня 1966 года), отправленное Лазарем Израилевичем в период его лечения за пределами Узбекистана. Непосредственно оно касается проблематики кандидатской диссертации, но по своему значению выходит в более широкую область искусствоведческих исследований.

Дорогая Нина Арташесовна! Не могу не написать Вам несколько слов по поводу Ваших больших забот. Самое трудное Вы уже одолели, но сейчас, как никогда, важна Ваша собранность и ясное понимание цели. Текст Вашей диссертации добротный, но ему недостает ясно нацеленного начала и содержательного конца.

Хочу посоветовать Вам вот что. Завершите 2-ую, 3-ью и 4-ую главы и переключитесь на реферат. Весь август отдайте только реферату. В нем нужно выдвинуть два момента: резьба по дереву – всё еще не тронутый пласт художественной культуры узбекского народа – это первое. Резьба по дереву имеет свое прошлое, настоящее и будущее – это второе. История изучения резьбы по дереву не затронула до сих пор – ни материально-технической, ни духовной (художественной) основы этого вида искусства. Ваш вклад должен предстать четко очерченным: вековой опыт мастеров и систематический разбор огромного наследия – на памятниках, в музейных хранилищах и, что особенно важно, в мастерских народных мастеров. На место инвентарных описаний Вы поставили изучение материалов, приемов и форм. Ваш угол зрения – подчеркните это, – не статичное описание изделий, а процесс развития приемов и форм... В реферате очень важно оттенить масштабы Вашего труда, его источники, его новизну в сравнении с существующей литературой вопроса. Затем – выводы историко-культурного и практического характера.

Нет необходимости только воспевать старину, надо указать и на ограниченность этого вида искусства в прошлом и в наши дни. Ценность же его должна быть вскрыта в двух отношениях: как область неугасимого народного творчества (в частности – культура орнамента) и как область художественной технологии (культура обработки дерева). Очень важно указать на взаимозависимость всех видов народного искусства, в цепи которых резьба по дереву – незаменимое звено².

Не все в рекомендациях руководителя принималось Ниной Аведовой. Проявлялись черты ее независимого характера, стремление к самостоя-

тельному осмыслению. В этом же письме мы находим сетования Лазаря Израилевича на «непослушание» ученицы:

Если бы Вы меня слушались несколько больше того, что имело место, то и продвинулись бы, смею думать, несколько дальше. Но Вы девочка упрямая – идете не от частного к целому и целого к частному, а от частного к частному... Поэтому Вам так трудно выбраться на поверхность, хотя у Вас хороший, толковый план диссертации, получивший поддержку всего Отдела, план, к которому я Вас всегда возвращаю, вновь и вновь.

При всех сложностях, возникавших в процессе работы, Лазарь Израилевич высоко ценил Аведову как знатока узбекского традиционного декоративно-прикладного искусства и учитывал ее мнение в дискуссионных вопросах.

О доверительных и теплых отношениях между ними говорят и дарственные надписи Ремпеля в библиотеке Нины Арташесовны³. Ремпель никогда не забывал дарить ученице не только свою очередную книгу, но даже и небольшую статью. Например, статью всего из трех страниц он сопроводил таким текстом: «Дорогой Нине Арташесовне – в ее коллекцию автографов. По столь незначительному поводу – Л. Ремпель»⁴. Другую статью, фактически серьезное теоретическое исследование, он сопровождает проникновенными теплыми словами: «Милой, хорошей, дорогой Нине Арташесовне – от одного из авторов с самым добрым чувством. Л. Ремпель. 13. XI. 73»⁵.

Сам Лазарь Израилевич, так много сделавший и опубликовавший немало книг по истории искусств Средней Азии и Узбекистана, также столкнулся в последние годы жизни с проблемами при издании своих трудов. Передав мне для доставки из Москвы в Ташкент, в дирекцию Института искусствоведения, свою рукопись фундаментального исследования «Восточный примитив», он отправил следом письмо, в котором с поразительной прозорливостью предвидел ее судьбу⁶:

Надеюсь, что Вы уже дома и благополучно прибыли в родную Республику Узбекистан (из «дальних странствий возвратясь»). Не ругайте меня, что Вам пришлось доставить в Институт столь весомый груз рукописи и фотографий по теме «Восточный примитив». Кажется, таких громоздких тем Институт им. Хамзы больше не предпринимает. Да и зачем, когда издавать он не в состоянии. Так-что будем считать этот труд завершающим этапом в его истории⁷.

Возвращаясь к монографии Нины Арташесовны, подготовленной на основе кандидатской диссертации, следует напомнить, что она не была «завершающим этапом» в ее научной биографии. Скорее – середина научного пути, открывавшая большие перспективы на будущее.

Неудача с изданием книги в Москве не заставила Ремпеля отказаться от усилий по поиску новых возможностей. В начале 1980 года он обращается с письмом к директору издательства литературы и искусства им. Гафура Гуля-

ма, Хамиду Гуляму. «Излишне говорить о том, – пишет ученый, – насколько важно для республики издание литературы по народному искусству Узбекистана». И в этом деле, по его словам, «было бы очень ценным издание более специальных искусствоведческих трудов по остальным видам ремесла. ... Этой цели мог бы отвечать труд кандидата искусствоведения Н.А. Аведовой «Резьба по дереву в Узбекистане» (эта работа была защищена ею еще в 1971 году). Как научный руководитель этой работы полагаю, что труд этот в специально доработанном ею виде вполне отвечал бы этой цели»⁸.

Ответ нам неизвестен, но содержание его было ожидаемо. Работа так и не была опубликована и в Ташкенте.

Однако Нина Арташесовна не унывала. Она активно работает над популяризацией своих научных изысканий. По неполным подсчетам, ею было опубликовано свыше пятидесяти научно-популярных статей в газетах; для Агентства печати «Новости», Узбекского общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами и иностранного радиовещания (для Пакистана и Индии) написан ряд статей на темы современного народного декоративного искусства Узбекистана, о творчестве народных мастеров республики и т.п.

Перед ней открываются и новые исследовательские возможности. С начала 1970-х начинается работа по изданию многотомной Узбекской Советской энциклопедии (Ўзбек Совет энциклопедияси) на узбекском языке. Она продолжалась целое десятилетие. Появляются и другие проекты энциклопедического характера, в том числе всесоюзные, как, например, составление «Биографического словаря архитекторов народов СССР» в Москве⁹.

В июне 1977 года ЦК КП Узбекистана принимает постановление «О состоянии и мерах по дальнейшему развитию народного декоративно-прикладного искусства в республике», которым было предусмотрено создание сотрудниками Института искусствознания «Атласа крупных и мелких центров размещения художественных ремесел в республике». Идея эта была актуальной и полезной для развития узбекского декоративно-прикладного искусства. Вместе со своими коллегами из сектора народного декоративно-прикладного искусства Института искусствознания в этом новом проекте активно участвовала и Нина Арташесовна. Под создание «Атласа» в Институте был даже образован специальный сектор.

Именно жанр энциклопедической статьи, несмотря на свойственные ему ограничения (прежде всего касающиеся объема), оказался особенно близок для Нины Арташесовны. Лаконичность, точность мысли, твердая опора на проверенные и надежные факты, научно-популярный стиль изложения – эти качества были и ранее присущи работам исследовательницы. В своих статьях для энциклопедии, количество которых исчисляется десятками, Нина Арташесовна смогла зафиксировать и придать статус академической биографии рассказам о многих ценимых ею узбекских народных масте-

рах: Абдурразоке Абдурахмонове, Акбаре Азимове, Тошпулоте Аюбхужаеве, Умурзоке Ахмедове, Сафо Бойбекове, Абдулле Болтаеве и других. В выходящей в эти же годы в Москве многотомной «Музыкальной энциклопедии» Аведова опубликовала на русском языке статью об Усмани Зуфарове¹⁰.

Множество статей Нина Арташесовна посвящает также специальным традиционным терминам, раскрывающим основные категории узбекского традиционного народного искусства и связанным с видами традиционной резьбы, инструментарием, стилями и техниками (айланма накш, арбоб, ахта, богдоди, коса, патила, паргори, пиёла, пилта, пилтадузи и т.д.).

В этих статьях можно видеть особенное и редко встречающееся в науке гармоничное соединение научно-творческих принципов исследовательницы и характера исследуемого ею объекта. И это глубокое раскрытие сущности народного искусства не могло не оказать непосредственного влияния на саму исследовательницу.

От этики мастеров – к этике научных исследований

Нина Арташесовна не только восхищалась творчеством старых узбекских народных мастеров, – сам ее характер и образ жизни, как представляется, в немалой степени сформировались под этим влиянием. Скромная и немногословная, избегающая публичной суеты и пустословия, но не пренебрегающая общественной работой, она не стремилась к известности и самоутверждению¹¹. Скептически относилась к стремлению некоторых своих коллег во что бы то ни стало «лидировать» по количеству публикаций. Никогда она не навязывала свое мнение о том или ином явлении и не заявляла о нем до тех пор, пока ее не просили высказаться. Это не означало отсутствия у нее своего мнения, которое она, если того требовала ситуация, отстаивала самоотверженно, не считаясь с положением оппонента. Никогда не заискивала и не искала поддержки у начальства, какого бы уровня оно ни было – будь то заведующий сектором или директор института. Доброжелательность Аведовой, готовность помочь коллегам были хорошо известны ее окружению в Институте. Ее знания были обширны и универсальны, а главное – доступны тем, кто искренне в них нуждался. Нина Арташесовна никогда не переставала их расширять и совершенствовать, не теряла интереса к чтению не только научной литературы, но и самого широкого круга публикаций по проблемам культуры¹². Широта ее культурных интересов поражала; при этом в своих научных исследованиях она старалась не разбрасываться и сохранять приверженность их основному направлению.

Особо ценила Нина Арташесовна общение с близкими ей по духу коллегами и друзьями. Дружеские беседы с ними составляли одну из самых больших духовных ценностей в ее жизни. В этом мне посчастливилось убедиться лично, на протяжении многих лет общаясь с Ниной Арташесовной и посещая

ее гостеприимный дом. Ее память хранила множество удивительных историй и деталей о незаурядных людях Ташкента – ученых, художниках, писателях, чиновниках. Она много рассказывала об Александре Александровиче Семенове, Михаиле Евгеньевиче Массоне¹³, Галине Анатольевне Пугаченковой, Лазаре Израилевиче Ремпеле и других знаменитых личностях той эпохи. Все ее рассказы были наполнены живым человеческим чувством, порой сопровождались добрым юмором. Будучи свидетелем и участницей многих драматических событий, Нина Арташесовна никогда не высказывала обиды или озлобления, воспринимая произошедшее с ее семьей как нечто неизбежное. Здесь, возможно, проявлялся «восточный фатализм», также воспринятый ею от старых мастеров. Как серьезный ученый-гуманитарий, она разделяла основные положения советской культурной политики и находила в ней много правильного и рационального. И в этом не было ни лукавства и притворства, ни какой-либо осторожности ради самосохранения. Не любила она и беспричинной критики властных структур, говоря, что и «им» приходится нелегко.

К сожалению, именно такие ученые, как Нина Арташесовна, были обречены на невнимание в 1990-е годы, когда, в ситуации ломки прежних форм научной жизни, на первый план зачастую вырывались те, кто был более склонен к компромиссам и заискиванию перед начальством. Нина Арташесовна не избежала этой полосы в своей жизни. Но и это не озлобило ее. Не сомневаюсь, что и в это тяжелое для себя время она находила поддержку в принципах и идеях, почерпнутых у старых народных мастеров, призывавших не оставлять своего дела, своей профессии ни при каких обстоятельствах. Бросавших свое ремесло презирали, – ведь таких людей, как считалось, ожидали страшные кары в мире ином. И в этом вопросе заповеди мастеров совпадали с этическими установками и принципами старших учителей и наставников Аведовой – советских ученых первого поколения и с революционным прошлым: востоковедов, этнографов, археологов, историков. Тех, с кем ей посчастливилось жить и общаться в одно историческое время.

Список основных публикаций Н.А. Аведовой

1. Узбекский народный мастер резьбы по дереву – уста Сулейман Ходжаев (1866–1947). [Буклет]. – Ташкент: Издание Гос. Музея искусств УзССР, 1954.
2. Максуд Касымов. [Буклет]. – М.: Советский художник, 1958.
3. Паргори (вид резьбы по дереву) в работах народного мастера Сулеймана Ходжаева. – Ташкент: Гос. изд-во худ. лит-ры УзССР, 1958. – 60 с., илл.
4. А. Балтаев // Художники Советского Узбекистана. Ред.-сост. И. Ирась. – Ташкент: Гос. изд-во худ. лит-ры УзССР, 1959. С. 27–28.
5. М. Касымов // Там же. С. 99–101.
6. А. Палванов // Там же. С. 144–145.

7. С. Ходжаев // Там же. С. 196–198.
8. Узбекское народное искусство резьбы и росписи по дереву. [Буклет]. – Ташкент, 1960.
9. Ташкентская резьба по дереву в работах Максуда Касымова. – Ташкент: Гос. изд-во худ. лит-ры УзССР, 1961. – 92 с., илл.
10. Резьба по дереву [глава в книге] // Резьба и роспись по ганчу и дереву. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1962. С. 51–97.
11. Судьбы резного дерева // Звезда Востока. 1964. № 7. С. 151–155.
12. Искусство оформления узбекских музыкальных инструментов. /Науч. ред. А. Морозова. – Ташкент: Изд-во художественной литературы, 1966. – 96 с., илл.
13. Радости и огорчения Кадырджана Хайдарова // Звезда Востока. 1966. № 4. С. 186–189.
14. Ата Палвану – сто лет // Декоративное искусство СССР. 1966. № 11. С. 40–41.
15. Старый мастер // Культура и жизнь. 1967. № 8. С. 30–31.
16. Резьба и роспись по дереву. [Буклет]. – Ташкент: Издание Музея прикладного искусства Узбекистана, 1967.
17. Резное дерево // Декоративное искусство СССР. 1968. № 8 (129). С. 41–44.
18. Искусство, пережившее века. (Памятники резного дерева эпохи Тимуридов) // Советский Узбекистан сегодня. 1969. № 12. С. 10.
19. Живые традиции хивинской резьбы по дереву // Искусство зодчих Узбекистана. Вып. 4. – Ташкент: Фан, 1969. С. 192–206.
20. Резьба по дереву в Узбекистане (Творчество народных мастеров XIX–XX вв.). – Автореф. диссер. на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. – Ташкент, 1971. – 20 с.
21. Зуфаров Усман // Музыкальная энциклопедия. Том 2. / Глав. ред. Ю.В. Келдыш. – М.: Советская энциклопедия, 1974. С. 477–478.
22. Резное дерево в архитектуре Узбекистана // Строительство и архитектура Узбекистана. 1974. № 9. С. 25–29.
23. Выставки. [Список выставок с участием художников Узбекистана] // Искусство Советского Узбекистана, 1917–1972. [Коллектив авторов]. – М.: Советский художник, 1976. С. 547–560.
24. Традиция орнаментального искусства в творчестве народных мастеров Узбекистана // Стенограмма Всесоюзной конференции по проблемам развития современного народного искусства в свете постановления ЦК КПСС «О народных художественных промыслах». – М.: Советский художник, 1977. С. 461–468.
25. Подарок. [О резчике по дереву уста Кадырджане Хайдарове и его подарке В.И. Ленину] // Звезда Востока. 1980. № 4. С. 208–211.
26. Сведения о технике живописи в энциклопедии Ваджида Али // Из истории живописи Средней Азии: Традиции и новаторство. [Сборник статей]. / Науч. ред. Г.А. Пугаченкова. – Ташкент: Изд-во литературы и искусства, 1984. С. 179–202.
27. Словарь терминов. / Под редакцией Л.Г. Левтеевой // Кустарные промыслы в быту народов Узбекистана XIX–XX вв. [Коллектив авторов]. / Отв. ред. Н.А. Аведова. – Ташкент: Фан, 1986. С. 145–161.
28. Avedova N.A. Pictorial and Decorative Paintings in Central Asia and India based on the Data of Matla' ul-'Ulum wa Majma' ul-Funun // Interaction between Indian and Central Asian Science and Technology in Mediaeval times. Volume II. Medicine, Technology, Arts and Crafts, Architecture and Music. /General Editors: W.H. Abdi, M.S. Asimov, A.K. Bag, M.M. Khairullayev and others. – New Delhi, 1990. P. 175–188.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Письмо из издательства «Музыка» от 10 октября 1982 года на имя зам. директора Института искусствознания им. Хамзы А.М. Рыбника находится в архиве автора статьи.

² Письмо Л.И. Ремпеля Н.А. Аведовой от 30 июня 1966 г. Хранится в архиве автора статьи.

³ Дарственные надписи (инскрипты) в последние годы стали привлекать внимание исследователей истории культуры как значимый и интереснейший исторический источник, несущий важную социокультурную функцию. См.: *Брежнев И.* Дарственные надписи как исторический источник // Научный вестник Московской консерватории. 2018, № 4 (35). С. 35–49.

⁴ Надпись сделана на статье: *Ремпель Л.И.* Некоторые вопросы теории архитектуры и архитектурной критики в Узбекистане // Строительство и архитектура Узбекистана. 1974. № 9. С. 3–5. Хранится в архиве автора.

⁵ Надпись сделана на титульном листе сборника, в котором содержится статья Л.И. Ремпеля. См.: *Ремпель Л.И.* Изобразительный канон и стилистика форм на Среднем Востоке // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. Сборник статей. / Отв. ред. И.Ф. Муриан. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1973. С. 152–170. Хранится в архиве автора.

⁶ О научной судьбе Л.И. Ремпеля и истории с его рукописью «Восточный примитив» см.: *Джумаев А.* Лазарь Израилевич Ремпель – корифей среднеазиатского искусствознания // Следы империй. Культура Центральной Азии от Александра Македонского до Тимуридов. Сб. памяти Галины Анатольевны Пугаченковой / Под ред. Р.Г. Мурадова. – Кабул–Бишкек, 2018. С. 93–124.

⁷ Письмо Л.И. Ремпеля от 13 ноября 1991 г. Хранится в архиве автора статьи.

⁸ Второй экземпляр письма с подписью Л.И. Ремпеля находится в архиве автора статьи.

⁹ Для этого словаря Нина Арташесовна подготовила более десяти биографических статей.

¹⁰ *Аведова Н.А.* Зуфаров Усман // Музыкальная энциклопедия. Том 2. / Глав. ред. Ю.В. Келдыш. – М.: Советская энциклопедия, 1974. С. 477–478.

¹¹ Нина Арташесовна состояла в различных общественных организациях; например, была членом Союза художников Узбекистана и Союза художников СССР, Республиканского художественно-технического совета Министерства местной промышленности УзССР, Художественного совета Музея прикладного искусства Узбекистана, Государственной экспертной комиссии по антиквариату Министерства культуры УзССР, жюри Республиканского конкурса детского творчества «Мой Узбекистан» и т.д.

¹² Нина Арташесовна аккуратно отслеживала все публикации в прессе по вопросам культуры и истории культуры и систематизировала их в виде газетных и журнальных вырезок.

¹³ Книжки М.Е. Массона с дарственными надписями, адресованными Н.А. Аведовой, хранились в ее библиотеке.

¹⁴ К сожалению, Нина Арташесовна не вела постоянного списка своих публикаций (за исключением упоминаний в годовых отчетах по месту работы), что затрудняет их выявление в полном объеме. В данный список включены лишь отдельные, на мой взгляд, наиболее значимые публикации на русском языке. Немалое число статей было опубликовано исследовательницей также и на узбекском языке. Исследования Н.А. Аведовой, оставшиеся в рукописях, хранятся в библиотеке Института искусствознания Академии наук Республики Узбекистан, а также частично – в моем архиве.

«Ковчег – как книга...»

На вопросы ВС отвечает поэт Наталия МИХАЙЛОВА

– Наталия, в кратких биографических справках, сопровождающих ваши публикации, сказано, что вы окончили Художественно-промышленную академию имени Штиглица в Петербурге (бывшее Мухинское училище, знаменитую «Муху») и учились, но не окончили не менее знаменитый Литературный институт. Как возникла мысль именно о двух образованиях (художественное, вероятно, было первым?)? Почему не получилось закончить Литинститут?

– Поступить в Литературный меня вдохновила Галина Исакиевна Карнаухова, руководительница школьного театроведческого кружка. Она, кстати, инициировала и выход моей первой книжки, «Скорее бы прилетели комары», в 2007 году. Но с Галиной Исакиевной я познакомилась только в десятом классе, когда уже готовилась, вместе с сестрой-близняшкой, получать где-то художественное образование...

В итоге я поступила в Литературный институт на заочный, на отделение прозы, учась на втором курсе «Мухи», на графическом дизайне. В какой-то момент совмещать стало слишком трудно. Я пыталась перевестись в Строгановку, но не получилось, и я отчислилась из Литинститута, планируя восстановиться.

Окончив «Муху», я ненадолго восстановилась в Литературном на отделении поэзии, но отчислилась, по обстоятельствам, которые для меня не совсем ясны до сих пор. Может, не очень видела свой путь вообще.

И, съездив вольнослушателем на практику по копированию древнерусских белокаменных рельефов в Юрьеве-Польском, еще раз поступила в «Муху», уже на скульптуру...

Сейчас, пытаюсь как-то осмыслить, я думаю, что искала прикосновения (скульптура очень тактильна, в отличие от виртуальности дизайна), но прикосновения, наверное, с большой буквы, которое я потом, как мне кажется, ощутила, придя в церковь в 28 лет.

– А когда появилась у вас эта тема – то, что можно назвать духовной лирикой? Сразу, как вы начали писать стихи, – или пришла позднее? Как это произошло?

– Наверное, тогда же, примерно в 2018-2019 годах, и стали появляться такие стихи... То есть намного позднее, чем начала писать. Я проходила цикл катехизации в одном из храмов Петербурга, и переживание Страстной недели сложилось в поэтические заметки, которые так и остались недоделанными стихотворениями.

И потом эта тема получила какое-то развитие в том, чем я занимаюсь (живопись, стихи), когда я стала посещать некоторые группы по чтению Евангелия в том же храме...

– Ваша духовная лирика была связана с занятиями изобразительным искусством? Например, с увлечением иконописью или церковной архитектурой?

– Да, это был один какой-то процесс осмысления, проживания... Некоторое время я делала попытки найти формальную связь, и когда оканчивала «Муху» первый раз, темой моего диплома была «Книга художника», исследование, попытка сделать свою книгу. Я тогда увлекалась футуризмом, заумью и писала стихи, дополненные собственными объяснениями.

Позже я пришла к тому, что создавала живопись на тему того или иного евангельского стиха... Началось все с Евангелия от Матфея: *И вид его был как молния* (Мф. 28, 3) – я пыталась создать такую скульптуру и абстрактную живопись... Потом появилось еще несколько картин, подписанных просто «Лук. 2, 35», «Быт. 1, 2»... Но меня подпитывал, с пластической точки зрения, скорее русский авангард и русский религиозный лубок, больше, чем собственно церковное искусство.

После написания таких картин возникли уже стихи, вдохновленные некоторыми строчками из Священного Писания.

– В эссе на сайте «Просодия» вы пишете: *«Идеальным кажется то, когда тот или иной сюжет Священного Писания, та или иная история исцеления, отрывок, привязанный церковным календарем к тому или иному празднику, как бы заново переживается, встречается в жизни, какие-то персонажи кажутся похожими... Или ничего как будто похожего нет, но к случаю из жизни, не стоящей на месте, вдруг хочется привязать тот или иной стих, заканчивающий, допустим, в Евангелии какой-то известный сюжет...»**. Хочется цитировать дальше, но вынужден завершить цитату... Итак, одним

* Наталия Михайлова. Его подпись под миром // Сайт «Prosodia: Медиа о поэзии». 10 апреля 2023 г. (URL: <https://prosodia.ru/catalog/stikhi/nataliya-mikhaylova-ego-podpis-pod-mirom/>)

из мощных источников вдохновения служит как бы «наслоение» Евангельского текста на повседневную жизнь?

– Да, пожалуй, это так.

Можно сказать, я ищу такого наслоения... Но, наверное, в лучших случаях оно обнаруживается само. И это как раз момент такой вспышки, озарения, молнии... Чего-то похожего на тот стих, который мне захотелось проиллюстрировать самым первым, – Мф. 28, 3, про ангела у пустого гроба... Но тут ангелом может стать любая вещь, или, как сказано у Рильке в его произведении о Родене (я когда-то участвовала в разработке декораций и текстов к учебной постановке про этого скульптора): «Каждое простое событие вступало словно в сопровождении ангела...».

И я как бы этого ангела высматриваю, хотя иногда такая «охота» только мешает видеть...

– Есть ли у вас какие-то свои, наиболее близкие вам тексты из Священного Писания? Которые для вас наиболее важны, именно как для поэта?

– Хотелось бы сказать – Евангелие от Иоанна, но кажется, до него еще нужно пройти какой-то путь.

Если не брать отдельные стихи (например, мне очень нравятся библейские стихи, в которых говорится о жажде и утолении жажды), я бы выделила, пожалуй, ветхозаветную историю о Ное. Мне в нем видится образ поэта или художника, и ковчег – как книга, которую он создает всю жизнь, не замечая, как потоп наступил, и он спасся от потопа, занятый ковчегом...

– Вы родились и живете в Петербурге, печатались в питерских журналах «Звезда», «Нева»... Насколько вы вообще «встроены» в питерскую литературную жизнь? Есть ли какие-то близкие вам поэты, литературный круг общения, аудитория? Как они встречают ваши тексты на христианские темы?

– В юности я начинала с некой «встроенности» (в 2008–2010 годах), но потом долгое время ни в какой литературной жизни не участвовала.

Сейчас как будто мой литературный круг вновь немного расширился, хотя более или менее регулярно общаюсь только с Женей Больдтом (он, кстати, тоже учился в «Мухе», но познакомились мы на литературном форуме).

На недавнем фестивале верлибров, посвященному Игорю Холину, тексты на христианскую тему были встречены вполне благодушно, но я выбрала совсем короткие. Это была Пасха, и кажется, само словосочетание *vers libre* звучало в этот день особенно...

Моя книжка 2023 года «Внешнее сердце» больше всего распространилась среди прихожан храма, который я уже упоминала.

– А в целом, какие поэты, пишущие духовную лирику, вам близки? В уже упомянутом эссе на «Просодии» вы называете Эмили Дикинсон... А из современных?

– Наверное, Михаил Фельдман, Ян Твардовский, Михаил Калинин...

У меня есть телеграм-канал, где я размещаю понравившиеся стихи, конечно, не только те, которые можно причислить к «духовной лирике». Там и Геннадий Алексеев, и Ян Сатуновский, Вальдемар Вебер, Вислава Шимборская, Канэко Мисудзу...

Еще могу сказать, что для меня поэтически важна и некоторая проза о каком-то духовном и религиозном опыте: например, книги Томаса Мертона, Симоны Вейль, «История одной души» Маленькой Терезы, книга Жана Ванье о Евангелии от Иоанна, «Сердце мира» Бальтазара, произведения Гертруды фон Ле Форт.

– Одно ваше стихотворение заканчивается словами: «Хочется рассказать о том, как прошел мой день, хочется быть для кого-то / хорошими новостями. / Хочется быть Евангелием / для друзей». А может ли стихотворение быть таким «маленьким» Евангелием для кого-то? И если да, то каким оно должно для этого быть?

– Почему-то подумалось, что это такое стихотворение, которым можно не разбить, а протереть мутное стекло и увидеть что-то еще, о чем в нем не говорилось, очищенным зрением...

Один мой «мухинский» преподаватель часто повторял, что искусство должно оставлять человека с самим собой. Я понимаю это так: оно не должно быть слишком захватывающим... Вдохновлять на встречу с самим собой, а за собой – еще с кем-то...

Тогда это маленькое Евангелие. Может быть, так.

* * *

1.

Бог-Отец говорит:

«Не забудь

сдвинуть камень, когда воскреснешь,

а то они ничего не поймут».

«Я забыл, Отец,
я был так рад,
что смерти нет!».

2.
И ангелы летят:
«Что бы Бог делал без нас!
Вот это камень так камень!..
Раз-два...»
«А вон уже и женщины,
у них в руках кувшины,
вот они удивятся...

Помнишь, что мы им скажем?».

* * *

Что-то мне напомнила
бабочка,
мелькнувшая,
будто вспышка,

перед подъездом
в темноте...

Наверное,
так я хотела нарисовать Благовещение:

девушка среди пустого розоватого формата,
и поодаль от нее – желтоватая точка в пустоте,
какая-то обычная капуста
(«Начало обычное» – как сказано в Молитвослове перед
утренним правилом),
первая в этом году.

Надо всегда придумывать,
как изобразить
ту или иную вещь,
то или иное событие,
чтобы узнать его,
когда оно произойдет.

И, может быть, чего-то еще не случилось,
чего мы очень ждем,
потому что
мы не додумались до знака.

(Потому что мы еще не придумали,
как мы узнаем
счастье).

Колосья с чужого поля

По замерзшему пруду в Таврическом саду гуляли
родители и дети.
Мальчишки с разбегу прыгали
в истоптанные заросли двух-трехметрового тростника.
И на Кировную, и на Фурштатскую на финских санках
выплывали процессии с длинными колосьями, касающимися неба.
Почему-то всех без разбора радуют
уморительно вытянутые травинки с окончанием-метелкой.
И я подошла по льду к сухому островку,
гражданам Кале...
И не отламываю последние изнуренные тростинки, торчащие
вверх, а, нагибаясь, подбираю брошенные колосья...
За многодетными семьями, мужьями, женами, бабушками, дедуш-
ками, маленькими детьми – втоптаные в снег...
Соберу букет и закреплю в рюкзаке, затягивающемся, как мешок.
Я не знаю, есть ли ты, Вооз.
Я живу так, как будто – да.

Гул

Неужели, когда Бог говорит: «Я есть» – это значит «Я тебя
прощаю»?
Хотя и – одновременно: «Я тебя сужу».
И сначала я слышу последнее: «Я тебя сужу», потом «Я тебя
прощаю», а потом уже только: «Я есть», – может быть, так.
Всё это звучит одновременно, а я
продираюсь вглубь шума, гула, вроде
гуляющего в вершинах сосен ветра.
И слышу то «Сужу»,
то – «Прощаю»
над Сестрорецким болотом.

Петергоф

На краю парка
перед валом, ограждающим от залива
колючие деревца
с водопадами ранеток-яблок...
...и то ли грехов, то ли – возможностей, смутно вспоминаю,
когда я гуляла здесь последний раз и с кем...
И мы рвали эти яблоки (или воровали?),
значит, была осень... Небо было ясное, голубое.
И как будто висят те же, покоричневевшие, сморщившиеся...
Сжимаю одно пальцами, сок течет, пахучий, вчерашний,
забываемый-не...
И мне кажется, то, как он не выветрился, сохранился, промерзнув,
словно его память обо мне.
Как будто если у яблока яблочный вкус, оно в меня ещё верит –
время, детство, рай.
Его занесло снегом, он изменился почти до неузнаваемости...
Или неузнаваемость изменилась до него.

Потребность быть вестью

Шла по Комарово и думала, что кому-то покажу фотографии с этой
прогулки, кому-то о ней, в общем-то обычной, незатейливой,
напишу...
И пришла мысль, что, может быть, у каждого человека есть какая-то
странная потребность быть вестью.
Божественная потребность?
Какая-то потребность, исходящая и из того,
что человек – образ Божий.
Хочется рассказать о том, как прошел мой день, хочется быть для
кого-то
хорошими новостями.
Хочется быть Евангелием
для друзей.

ПРОЗА

Михаил КАЛИНИН

Дотронься если хочешь

Предисловие

Прежде чем написать эту книгу короткой прозы, я успел опубликовать несколько поэтических сборников. Когда-то Пастернак сказал, что всю жизнь хотел писать прозу, но писал преимущественно стихи. Могу это повторить. Для того, чтоб поэт сделал усилие и овладел необходимым языком для прозаического повествования, необходим серьезный стимул. У меня таким стимулом оказалась критическая масса внутреннего опыта, выношенного за предыдущие десятилетия. Сын советских родителей, заставший в Средней Азии, двадцатилетним студентом, развал СССР, еврей по маме, не уехавший в Израиль, в отличие от многих других, а крестившийся в неопротестантской общине, спустя годы – мигрант, ездивший в Россию на заработки, еще позже – россиянин, который после длительного духовного кризиса открыл для себя православие и принял его, – такой персонаж просто обязан был писать не стихи, а прозу.

Моя биография была вполне традиционной историей представителя потерянного поколения. Интересной ее делало то, что это была повесть о поиске себя, причем поиск шел одновременно в нескольких аспектах – духовном, культурном, социальном, историческом. И все эти линии были тесно переплетены. Вспоминая события прошлого, я старался говорить о них с позиции свидетеля, дающего показания в зале суда, помня, что для слушателей важно содержание рассказа свидетеля, а не достоинства его слога. Всё, чего ожидают от свидетельствующего, – чтоб он говорил только о том, что видел. Чтоб его речь была связной, чтоб он высказывался по существу, ничего не добавляя от себя. Насколько мне это удалось – судить читателю.

1. ЭКЗАМЕН ПО КОМПОЗИЦИИ

I

Когда началась война, маме было четыре года. Семья жила под Прилуками. Немцы подошли быстро. На ближайшей станции оставался единственный товарный состав, работники НКВД оцепили его, пропуская в вагоны только женщин и детей. Мама, бабушка и прабабушка прошли за оцепление и смогли залезть в вагон, который был набит людьми, женщины, дети и старухи стояли прижатые друг к другу. Поезд тронулся, проехал несколько станций и угодил под бомбежку. Очевидно, это были зажигательные бомбы, потому что пылал почти весь состав, кроме последних двух вагонов. Мама была в предпоследнем. Кое-как женщины смогли открыть тяжелую дверь и под грохот взрывов и треск огня, под крики горящих заживо людей все стали выбираться наружу.

Они шли пешком по шпалам, стучались на ночлег в двери придорожных домов. В одной хате их пустили. Мама очнулась ночью от того, что ей в лицо лилась ледяная вода. Это бабушка проснулась, почувствовав угарный газ. Она сгребла в охапку дочь и вытащила ее на улицу, потом выволокла прабабушку. Холодной водой из колодца привела обеих в чувство. Хозяева решили, что убегающие от немцев евреи имеют при себе драгоценности, и решили их уморить ночью, закрыв вытяжку из печи, а сами ушли. Женщины были в таком ужасе, что, придя в себя, побежали оттуда, несмотря на ночную темень.

(Насчет драгоценностей: был чемодан с вещами первой необходимости, только то, что бабушка могла унести, – мама и прабабушка тяжести тащить не могли.)

Шли пешком, их подсаживали в полуторки. Снова поезда. Добрались до Средней Азии. Здесь бабушке удалось устроиться по своей профессии бухгалтером в МТС* под Андижаном. Ей, помимо оклада, выдавалась ежедневно кастрюлька с супом. Благодаря этому они не умерли с голода в первую, самую тяжелую зиму, когда Узбекистан был переполнен беженцами и количество денег и ценностей, вынесенных людьми на рынки, сделало невыносимыми цены на продукты питания.

Война сломала бабушку. Благополучная еврейская аристократка потеряла всё – фамильный особняк, родственников, мужа, положение в обществе. Она выжила физически, приспособилась к условиям жизни в эвакуации. Но внутренне опустилась, потухла. Мама выросла, получила образование, вышла замуж, родила моего старшего брата и меня. Она запретила себе думать о прошлом, загнала испытанный ужас глубоко внутрь. Ее неизлеченная травма передалась нам с братом как некая тревожная пустота внутри,

---

* Моторно-тракторная станция.

отсутствие ответа на вопрос – «Кто мы? Откуда пришли? Куда идем?». Мама научилась блокировать любую информацию, грозившую нарушить ее внутренний мир. Слишком хрупким этот мир был и слишком тяжело ей дался. Так она и прожила жизнь – вычеркивая всё, что содержало в себе угрозу для привычной картины вещей. Однажды я попросил у нее прощения за какие-то ситуации в прошлом, которые причинили ей боль. Она с недоумением сказала – о чем ты? Ничего такого не было. И я понял, что мама не притворяется и что это не деменция. Другие события того времени она помнила хорошо, а эти ситуации стерла, как файлы с диска.

У мамы был свой бог – некая неведомая добрая сила, которая когда-то спасла ее в детстве и потом то и дело приходила на помощь в разных тяжелых ситуациях, оставаясь невидимой и непостижимой. Эта сила никогда ничего не требовала и не ожидала от нее. Когда я, а несколько лет спустя и мой старший брат крестились, каждый из нас со своей стороны предпринимал попытки поговорить с мамой, предлагая с помощью Святого Писания узнать что-то о Боге. Она неизменно отказывалась, объясняя, что у нее своя вера. Когда мама тяжело заболела, в ней что-то сдвинулось, и она согласилась, чтоб мой брат, который ее досматривал, читал с ней Библию. Но тут обнаружилось, что она не в состоянии осмысливать то, что ей прочли. Мозг не справлялся.

Брат и мама находились в Ташкенте, я после переезда в Россию жил в Туле, но, зная о происходящем, как и брат, был растерян, не понимая, как поступить. Придя в воскресенье в храм до начала службы, я рассказал обо всём одной сестре, которая была старше меня. Она уверенно сказала: даже если мама уйдет, не сумеет какие-то вещи понять и принять, не бойся. То, что оба ее сына пришли к Богу, уже говорит о чём-то очень важном.

Отец был маминым ровесником. Его отрочество пришлось на послевоенные годы. Дед, служивший в органах, дневал и ночевал на службе, бабушка работала, четверо их сыновей были предоставлены самим себе. Отец рассказывал, как в послевоенное время ездил с друзьями в товарном вагоне в другой город за продуктами. Однажды люк в полу вагона неожиданно открылся от тряски и отец, спавший на люке, выпал. Поезд пронесся над ним. Остальные слезли на ближайшей станции и пошли по рельсам обратно, ища его тело. Он не пострадал, потому что, выпав, лежал неподвижно. Товарищи, увидев его живым, встретили воскресшего отборным матом – единственным доступным им способом для выражения бурной радости.

Отец прожил жизнь с ощущением, что вокруг всё идет как-то не так, но не имел в распоряжении ни слов, ни понятий, чтоб свои чувства облечь в слова. Когда его жизненный опыт подсказывал, что ему несут явную чушь, он высказывался уверенно и категорично. Помню, слушая по телевизору лектора, говорившего о вреде мяса и молока, он прокомментировал: наро-

ды всю историю жили на мясе и молоке, а этот – кто он, откуда взялся? Но если дело касалось вопросов идеологии, отец становился беспомощен, сознавая, что всё это – какой-то глобальный обман, «игра в наперстки». При этом он был не в состоянии объяснить себе, в чём именно его обманывают. Когда за столом собирались остальные братья отметить очередной государственный праздник и алкоголь развязывал язык, отец начинал диссидентствовать, а остальные – в отличие от него, члены партии – дружно нападали на него, каждый раз доходя до криков и взаимных оскорблений. Выглядело это безобразно и одновременно как-то беспомощно.

Судя по дореволюционным дагерротипным снимкам из семейного альбома, которые мама с бабушкой чудом сохранили при бегстве, с их стороны у меня в роду явно были раввины. Уже подростком я заметил у себя тягу к глубокомыслию. Помню, как отец с нескрываемым удовольствием слушал мои рассуждения на разные темы. Сейчас его чувства мне понятны. Он видел перед собой того, кто, возможно, сможет понять, что к чему, и высказать это словами. Осуществить то, что не получалось у него.

У отца было трое братьев. Однажды в конце лета (мне тогда было восемь лет) у кого-то из них возникла идея – съездить с детьми до начала учебы на Арнасайские озера. Эти бессточные водоемы располагались в солончаковой впадине на востоке Кызылкумов и являли собой модель Аральского моря значительно меньшего размера. Четверо взрослых и полдюжины детей выехали на УАЗике от Джизака вечером. Сначала ехали по дороге, потом свернули с нее и двинулись по песчаной степи, переходящей местами в невысокие барханы. К утру машина сломалась, не доехав до озер. Рядом находился лишь один из солончаков – неглубокий водоем с глинистой водой, в которой можно было искупаться, но пить ее было невозможно. Тут выяснилось, что основной запас воды находился в брезентовом мешке, который оказался с дырой, всю ночь вода из нее потихоньку вытекала и выливалась наружу сквозь днище кузова. Осталась небольшая железная фляга, которой, учитывая жару и количество людей, должно было хватить от силы на день. Отец и старший брат, оставив детей под присмотром младших братьев, пошли на поиски кого-нибудь. Они понимали – времени мало.

Я помню, как быстро мы выпили воду. Позже я прочел у Экзюпери историю о том, как его самолет упал в пустыне и они с напарником неделю выбирались, идя по пескам без воды. Он там описывал свои ощущения, галлюцинации обезвоженного организма. Я, хотя мы тогда просидели без воды всего день, читал с очень сочувственным отношением, особенно о том, как их нашли караванщики и поставили перед ними, лежащими без сил, таз с водой. Я тоже помню ощущение, когда, наконец, напился.

Отец со старшим братом прошли очень много. Потом старший упал – он

был курильщик со стажем, – и сказал: больше не могу, иди один. Отец пошел дальше. Он почти не представлял себе, куда идет, шел наугад. Помогало то, что всю молодость он занимался спортом, был заядлым охотником, физические нагрузки и экстремальные ситуации постоянно сопровождали его по жизни. Он шел и шел под палящим солнцем, перед глазами была пелена, в ушах стоял звон. Вдруг перед ним возникли силуэты людей. Он услышал, как было названо его имя. Это не было галлюцинацией.

После первого изумления пришло понимание: перед ним – люди, которые когда-то работали у него в институте. Отец был специалистом по дренажу, а эти люди искали в песках газ, нефть, артезианские воды, они разъезжали по Кызылкумам на огромной машине с бурильной установкой на платформе и бурили разведочные скважины. Они знали отца, он их консультировал... Непостижимым образом он вышел прямо на их стоянку.

Его напоили, он пришел в себя, объяснил ситуацию. Они тут же завели свою машину и поехали за нами. Сначала подобрали старшего брата. Тот лежал без сознания, по нему ползали фаланги. И хотя эти огромные пауки не опасны для человека – они неядовитые и питаются насекомыми, – зрелище, по словам отца, было страшноватое. Привели брата в чувство, доехали к нам, погрузили на платформу нашу несчастную машину, рассадили на раме платформы всех нас и привезли к себе на базу. Утром, проснувшись, я увидел в двух шагах от своего спального мешка мирно пасущихся верблюдов.

Будучи классическим «случайным семейством», родители жили, движимые романтикой, потом – бытом, потом – для детей. С годами всё сильнее звучала тема их непонимания самих себя и друг друга. Удивительно, что в семье при этом преобладала атмосфера тишины и спокойствия. Как-то они оба поняли, возможно, благодаря тяжелому детству, что дом должен быть «тихой гаванью», где можно расслабиться и не ждать угрозы от тех, кто рядом. Я смог оценить это в полной мере лишь после женитьбы, когда жена рассказала о том, как страшно ей было приходить домой. Будучи переростком, к тому же с плохим зрением, в больших очках, она столкнулась с травлей на улице, и ей было особенно тяжело сознавать, что у нее нет своего безопасного угла, где можно укрыться от жестокости внешнего мира. Домашняя обстановка вынуждала всё время быть в тревоге и внутреннем напряжении.

Один американский пастор привел в своей книге разговор с братом из общины, который горячо проповедовал на службах о милостивом и любящем Боге. Но окружающие жаловались на жесткость и суровость этого проповедника в отношениях с людьми. Чтоб понять, в чем дело, пастор попросил брата нарисовать образ своего Бога – но не в соответствии с библейскими понятиями, а собственными словами, на уровне внутренних ощущений. Возник образ требовательного и сурового судьи, награждающего за дости-

жения и строго наказывающего за малейшую оплошность. На кого похож такой Бог? – спросил пастор. На моего отца, – прозвучало в ответ.

Картинка моего Бога точно так же была непохожа на тот образ, который представал в Святом Писании, несмотря на то, что много лет я наполнял свое мышление библейскими нарративами. Этот Бог, не будучи «бесчувственным экспериментатором», как у жены, при этом не был и близким для меня. Он проявлял обо мне заботу – но проявлял ее в духе капитана Немо из «Таинственного острова»: помогая островитянам, их благодетель при этом неизменно «держал дистанцию». Мой образ Бога тоже был во многом срисован с моего отца, с той оговоркой, что у отца, в отличие от героя французского романиста, не было выбора – он при всем желании не мог открыться сыновьям, потому что не умел этого делать.

На первом году моей институтской учебы министр обороны издал указ, чтобы студентов высших учебных заведений, где не было военной кафедры, призывали по окончании учебы, а не после первого курса, как все предыдущие годы. Спустя еще три года был путч ГКЧП и последующий вскоре развал СССР. Одним из первых указов независимого Узбекистана был закон о том, что если старший сын в семье служил, то младший по достижении им восемнадцати лет освобождается от срочной службы и получает военный билет как отслуживший. Можно только гадать, какими причины этот закон был вызван, но не прошло и года, как его отменили. Тех, кто успел под него «попасть» (меня в том числе), потом не трогали. Я окончил институт – и спустя полгода был приглашен на библейские встречи ребятами из миссионерской команды.

В институт я поступил благодаря совету руководителя детской изостудии. Это был амбициозный и рискованный человек, в прошлом фронтовик, командир разведроты. Поступить было непросто даже после художественного училища. А он мне предложил не идти после восьмого класса в это училище, но доучиться в школе, рисуя в старшей группе изостудии гипсы и натюрморты и готовясь таким образом к экзаменам по рисунку и живописи. Это позволяло в случае успеха сэкономить два года. Замысел, откровенно говоря, был авантюрой – даже те, кто шел после училища, порой не могли поступить в течение нескольких лет. Но я всё же принял его совет и рискнул. По рисунку и живописи мне в итоге поставили тройки, зато по композиции – четверку (почти все по ней получили двойки). Дело в том, что педагог в изостудии основной упор делал как раз на композицию и развитие фантазии. Эта четверка спасла, и меня зачислили.

Оглядываясь назад, понимаю – не было никакой случайности в той цепи не связанных между собой событий, что отвели от меня армейскую службу. Я мог бы не вернуться обратно, или вернуться душевно травмированным настолько, что дальнейшее взаимодействие высшего промысла со мной

могло стать почти невозможным. И без того в силу всех уже имеющихся внутренних и внешних факторов это было непростой задачей.

Любопытно сравнить мою судьбу и судьбу моего старшего брата, тоже впоследствии крестившегося в моей общине. Он в армии отслужил, но парень, стоявший перед ним в очереди во время распределения призывников, сын маминой сотрудницы, попал в Афганистан и обратно вернулся «грузом 200». Брата же отправили в Питер, тогда еще Ленинград, в учебку для сержантов. По окончании учебы три взвода из четырех отправили в Афганистан. Брат оказался в четвертом взводе и уехал в другую сторону – за Полярный круг, в Кандалакшу.

Все школьные годы ощущая себя «белой вороной» в школьной и дворовой среде, я, поступив в Театральный институт, неожиданно оказался в сообществе «белых ворон». Особенности моего мышления и поведения, которые до этого я воспринимал как некую странность или аномалию, в этой среде были нормой. Столь резкая и внезапная перемена была настолько значительна по последствиям, что только ради нее стоило провести несколько лет в стенах института. Я и сегодня считаю общение, которое нашел, главной ценностью пребывания там. Это не значит, что уровень преподавания был низок. Хотя его качество на момент моего поступления было уже не то, что в прежние времена, как мне говорили, всё же те, кто пришел, зная, чего они хотят, находили себе наставников и брали у них всё, что можно было взять.

Рядом были люди старше как минимум на пару лет (почти все пришли в институт после училища). У многих родители были представителями творческой, а не технической, как у меня и моих друзей, интеллигенции. Я жадно впитывал всё, что слышал и видел. Резкая смена обстановки послужила причиной того, что на первом курсе я неожиданно для себя начал писать стихи. Началось с пародий на преподавателей, потом пошла лирика. Помню, что исписал целую тетрадь, которая долго ходила по рукам и так и не вернулась к владельцу.

Особенность, хорошо заметную в новых друзьях, мне тогда еще не под силу было назвать по имени из-за бедности моего языка. Сегодня я бы ее определил как духовный аристократизм. Эти парни и девушки находились в одной социальной реальности со мной, но вели себя по-другому – иначе смотрели, думали, выражали свои мысли. Была в них внутренняя легкость и свобода, естественность, на которую я, скованный броней многолетней зажатости, отзывался как на что-то желанное и манящее.

То, что люди вокруг меня ушли далеко вперед во всех отношениях, подразумевало, что отпечаток от проведенного вместе с ними времени останется глубокий. Но каким он будет – во многом зависело от личных качеств тех, кто этот отпечаток оставит. В моей группе оказались две девушки, пре-

бывавшие в духовном поиске. Окажись рядом другие, с той же свободой самовыражения, но без внутреннего стержня целомудрия и чистоты, – и мой дальнейший путь, и внешний, и внутренний, мог бы стать иным. Достаточно упомянуть такую деталь: у одной из них, внучки священника, приехавшей из Самарканда, было прозвище, отражающее как ироничное, так и уважительное отношение к ней, – «Самаркандская мадонна». Вторая девушка бросила институт, не доучившись, и уехала в Сергиев Посад, узнав, что в нём открылась иконописная школа, в которую она и поступила.

Писательница Дина Рубина по отношению к русскоязычным обитателям среднеазиатских республик СССР употребила термин «человек колониальный». В свое время я вздрогнул от его точности и емкости. Хотя и тогда, и сейчас объяснить, что он означает, непросто. Чтоб избежать неверных отсылок, нужно обозначить культуру как ценностно-смысловой вектор. Человек, чья внутренняя работа, в каких бы внешних формах она ни воплощалась, продуманно и осознанно направлена в ту же сторону, будет принадлежать этой культуре.

Я и мое окружение не были частью той культуры, среди которой мы жили. За редкими исключениями никто из нас не знал местного языка, истории, обычаев. Но и ту культуру, частью которой мы себя считали, мы тоже толком не знали. И дело даже не в том, что мы сформировались в советской идеологии, стремившейся сделать национальные особенности чем-то вторичным по отношению к утверждаемой догматике.

Было ощущение, что мы – пришельцы, некое постороннее включение в окружающем мире, что-то вроде насекомых в янтаре. При этом у нас не было глубоких и личных связей с тем миром, к которому мы себя причисляли. Мы пользовались плодами русской культуры, воспринимая сам факт пользования как инструмент идентификации. Но это потребление, как и физическое наше пребывание в культурно чуждом пространстве, не было результатом сознательного выбора.

Независимое государство внешне почти еще ничем не отличалось от прежнего. Но на внутреннем уровне это была уже совершенно другая реальность – со своими законами и своим языком, с новым взглядом на прошлое и настоящее. Было такое ощущение, словно внезапно содрали привычные обои со стен – и оказалось, что ты жил все это время в древнем и чужом мире. Об этом свидетельствовали росписи, покрывавшие стены, прежде скрытые под обоями.

Еврейский центр в Ташкенте начал активную работу с молодежью. Мне запомнилась поездка в горный санаторий под Ташкентом, организованная за счет центра – для тех молодых людей, у кого кто-то из родителей был евреем. Однокурсница позвала меня туда, я согласился – было интересно полу-

читать знания об Израиле из первых рук. Неделя была насыщенной – каждый день пребывания был плотно расписан, руководили мероприятием горячие и увлеченные парни и девушки – граждане Израиля, владеющие русским языком. Их целью было познакомить нас с историей и культурой страны, попутно шла активная пропагандистская накачка, но она не вызывала отторжения. Было видно, что эти ребята искренне верят в то, о чем говорят. Свою работу они воспринимали как миссию, как соби́рание рассеянного народа.

Я с удовольствием слушал лекции, участвовал в культурных программах. При этом понимал, что ехать туда не хочу. Несмотря на мамины гены, я ощущал себя русским по культурному коду. Израиль был для меня чужой, хотя и любопытной страной. И еще – помню, как задал одной из девушек, рассказывавшей про религию страны, вопрос: почему иудеи негативно относятся к христианству? Задал я его без всякого подтекста, будучи полным невеждой в этом вопросе. Но хорошо помню, как окаменело лицо девушки. Это отдельная тема, не будем сейчас ее обсуждать, – отрезала она и продолжила лекцию.

II

Когда я стоял на платформе метро в ожидании поезда, на меня обратила внимание сестра из миссионерской команды, сидевшая неподалеку на скамейке. Сам того не замечая, я по привычке раскачивал сумкой, которую держал, в такт своим размышлениям, отключившись от окружающего. Она указала на меня сидевшему рядом с ней брату: подойди к нему. Ее спутник усомнился, посмотрев на меня, – он какой-то не от мира сего, стоит ли? Ты не раздумывай, а подойди! Тот подошел и начал приглашать меня на встречу. В этот момент подъехал поезд, передо мной открылась дверь вагона. Ты, наверное, сейчас думаешь – войти или остаться и дослушать? – сказал мне приглашавший, простодушно улыбаясь. То, как он это сказал, всё решило, – я не стал садиться в вагон и продолжил разговор с ним. Через две недели меня крестили на съемной квартире, где жили лидеры команды.

Девушка, увидевшая меня в метро, была родом из Намангана. Внезапная смерть отца выбила ее из привычного ритма. Она решила съездить в Москву, сменить обстановку. Ее давно уже звала школьная подруга, уехавшая туда ранее. Мать подруги сказала: дочь там попала в секту, ты помоги ей, повлияй, вы же друг друга с детства знаете. Подруга в Москве привела ее на собрание евангельской общины – и девушка, вместо того, чтоб исполнять просьбу матери подруги, стала изучать Библию и крестилась.

Когда в общине стали подбирать людей для отправки миссионерской команды в Среднюю Азию, искали ребят родом оттуда. Для тех ребят, кто

сумел приехать в Москву из азиатских республик и закрепиться в ней, найдя хорошую работу, решение вернуться обратно было более чем странным. Но искали именно таких, решение вернуться должно было быть добровольным. Вся команда, включая семейную пару лидеров, была из таких русскоязычных азиатов.

Подошедшего ко мне в метро брата я принял за иностранца – он был чересчур жизнерадостный, и у него был отчетливый акцент. Когда я узнал, что он русский, задал ему вопрос, который ему тогда задавали многие, – откуда акцент? Всё объяснилось просто. Его наставником в Москве был брат из Прибалтики. Желание во всём подражать наставнику проявилось, помимо прочего, в том, что он перенял даже его манеру говорить по-русски.

Лидер команды, тоже русский парень, студент МГУ, был родом из Северного Казахстана. Во время беседы, когда она происходила в помещении, а не на улице, у него была манера, задав вопрос, снять с пальца обручальное кольцо и, в ожидании ответа, увлеченно катать его по столу или по полу – если сидели на полу. Я подозревал в этом какой-то глубокий психологический прием – возможно, он так старается расслабить собеседника и нарочно не смотрит на него, чтоб не смущать, пока тот собирается с мыслями. Потом я узнал от других ребят, что лидера и его жену обвенчали перед поездкой и тут же отправили во главе команды в Среднюю Азию, устроив им экстремальный медовый месяц. Он еще не привык к кольцу и постоянно, как ребенок, играл с ним.

С отроческих лет во мне поселилось двойственное ощущение симфоничности окружающего мира – и моей поврежденности, не дающей отозваться какой-то личной нотой, которая органично и легко влилась бы в эту симфонию. В моем словаре тогда не было слова «грех» как разговорно-употребительного. Но уже в то время всё, связанное с понятием греха, я воспринимал не в этической и не в юридической плоскости. Грех я воспринимал как заболевание или поврежденность, то, что забирало внутреннюю свободу.

Почему же я пришел в общину, богословие которой предлагало юридическую трактовку греха? Этот вопрос возник, когда спустя много лет я осознал, что меня привлекает православная традиция – и что привлекает она своим «врачебным» богословием, взглядом на страсти как на духовные болезни. Дело в том, что, посещая разные религиозные собрания, я руководствовался не интересом к богословию. Я смотрел и слушал, подсознательно желая найти тех, в ком увижу эту внутреннюю свободу, которой не было во мне. Люди, в общину которых я в итоге пришел, для меня выглядели наиболее свободными из всех, кого я видел. Это заключение было скорее общим впечатлением от встреч, чем сознательно сформулированным выводом. Пусть оно было субъективно и в чем-то ошибочно, –

для меня, такого, каким я был на тот момент, именно это ощущение стало решающим.

Помню, как я позвал своих новых друзей на выставку, где были работы моих знакомых художников, с некоторыми я вместе учился. Лидер миссионерской команды и его жена, побродив по центру, пришли в такой восторг от увиденного, что взялись за руки и стали вальсировать посреди зала. Я смотрел на них и понимал, что не способен на такое. Но хочу быть таким, как они. Такого рода впечатления для меня на тот момент были куда убедительней, чем отрывки из Священного Писания и те их толкования, которые звучали на встречах.

Глядя на лица людей в общине, я видел, что каждое уникально, в каждом – своя история. И в то же время в них было нечто, объединяющее в одну общность. Это разнообразие было важно для меня. В памяти было еще живо воспоминание о том, как, взяв на улице у свидетеля Иеговы предложенный им номер журнала, я с интересом листал статьи, пока не добрался до страницы, где был размещен групповой снимок студентов, окончивших учебное заведение, выпускавшее служителей для их общин. Хотя на фотографии были несколько десятков радостных парней и девушек, снимок произвел странное впечатление. Я не сразу смог понять, в чем дело. Но потом сообразил: у всех, кто был на снимке, лица, разные по строению и чертам, были абсолютно одинаковыми по выражению. Словно некий штамп прошелся по ним, оттиснув на каждом свой отпечаток.

На мое решение заниматься Библией и креститься повлияли две причины. Первая заключалась в самих людях. Их искренность, естественность, непосредственность их поведения и реакций на всё, что они видели и слышали. Отсутствие легкости в общении всегда воспринималось мной как симптом некой внутренней ущербности.

Со второй причиной всё оказалось сложнее. Мне важно было принять людей, которые позвали идти по жизни вместе с ними, – но не менее важно было принять их мировоззрение. Я принял и то, и другое, но если с самого начала мог объяснить себе и другим, что меня убедило в людях, то на вопрос – что меня убедило в их учении? – я бы тогда не мог ответить. Сейчас я могу это сделать.

Человеку, отделенному от всякой традиции, висящему в экзистенциальной пустоте, был предложен взгляд на окружающий мир и свое место в этом мире, не требующий ни личного включения в традицию, ни исповеди о том, что ты не знаешь, кто ты такой. От меня не требовали согласия начать длительные и упорные усилия по восстановлению живых связей с тем, от чего я был отделен. Связей с историей, культурой, с памятью о прошлом. Учение предлагало не переживать о том, что было прежде, и строить на голом месте, писать историю с чистого листа.

Самое большое влияние оказала даже не доктрина, которая вполне укладывалась в традиционные «пять sola*», а предание того движения, в которое я вошел, в его отечественном изводе. Хотя само слово «предание» было не в чести, как и другая традиционная терминология, но вещи, которые это слово выражало, были знакомы каждому из единоверцев. Это предание, для обозначения которого использовались всякого рода эвфемизмы, исполняло ту же роль, что и в традиционных церквях: помогало раскрывать библейские тексты через личности, жизненные ситуации и судьбы. Имея необходимый запас времени и сил, можно было бы написать своего рода «протестантские жития», собрав и литературно обработав фольклор разных общин. В каждой имелся свой набор местных преданий и «житий».

Скажем, библейские истории с призванием тех, кто чувствовал себя не готовым к нему и искал аргументы, чтоб обосновать свою неготовность (Моисей, Иеремия), раскрывались в ситуациях, подобных той, о которой я услышал когда-то. Некий брат ушел из общины и уехал жить в небольшой поселок. Однажды вечером в дверь постучали. На пороге стояла делегация местных жителей. «Мы тут пытаемся читать Библию, – объяснили они, – нас интересующихся целая группа, но в поселке нет никаких христиан, ни православных, ни протестантов, храма нет, священника нет, вообще никого знающего». Это были 90-е годы, интернет – только в крупных городах. Информации ноль. «А ты, – говорят они, – был в общине евангельской, значит, Библию знаешь? – Знаю. – Вот и учи нас. – Но вы поймите, я из общины ушел... – Ты знаешь Писания? Вот и учи. Народ просит». Брат ощутил то же, что и библейские герои, – что это предложение, от которого нельзя отказаться. Понял и то, что от Бога, подобно Ионе, не убежать и не спрятаться. Он стал наставлять этих людей, восстановился в общине и стал лидером их группы.

А история с Филиппом, одним из семи дьяконов в Деяниях апостолов, который на пустынной дороге встретил придворного евнуха, полного духовных вопросов и готовности к покаянию, почти повторилась в истории с другим братом, поздно вечером на окраине города ожидавшим автобуса. К нему подсел человек и без предисловий сообщил, что только что освободился из тюрьмы и что у него есть жизненная цель. – Какая цель? – Я там читал Библию и понял, что Христос прав и что нужно жить Его учеником. Вот теперь я вышел и буду искать тех, кто живет как Его ученики. И верю, что найду.

Брат почувствовал то же, что и Филипп, услышавший, как придворный на колеснице читает пророка Исайю. Они начали разговор, продолжили его в автобусе, – и понятно, что у этой встречи было продолжение.

---

* Пять основных принципов протестантской теологии, которые на латыни выражаются в форме фраз: *Sola Scriptura* («только Писанием»), *Sola fide* («только верой»), *Sola gratia* («только благодарью»), *Solus Christus* («только Христос»), *Soli Deo gloria* («только Богу слава»).

Повторю, таких историй было множество. Всё это в совокупности, воспринимаясь как иллюстрации из жизни, в проповедях и уроках, или передаваясь в личном общении, становилось живым «мясом», которое нарастало на доктринальном остове. Не побоюсь сказать, что именно это предание определяло лицо таких общин, делая антропологию более значимой, чем официальное вероучение. Во впечатлении, полученном от человеческого лица, при всех особенностях черепа, задающего внешние черты, всё же главную роль играет личность человека, проявляемая в выражении лица. Предание оказывалось важнее доктрины, хотя для меня и для моих единоверцев этот парадокс тогда было бы сложно и осознать, и принять.

Православная епархия в Узбекистане или старые, еще советские, баптисты для местной власти были привычны и понятны. Но бурно возникавшие после развала Союза новые общины вызывали настороженность. И почти никому не давали регистрации под разными предлогами. Наша община не была исключением. Наставники из миссионерской команды сразу предупреждали оглашаемых – будьте готовы к тому, что придется использовать свою квартиру для встреч. Тем, кто жил с родителями, ставилась задача так подготовить домашних, чтоб регулярные собрания на дому как минимум не встречали сопротивления.

Я, еще не успев креститься, стал приглашать братьев и сестер к себе, обнаружив, что мама приход братьев и сестер воспринимает с нескрываемым удовольствием. Она слишком истосковалась по таким гостям – приносящим с собой радость, мирный дух, свою еду (что немаловажно) и, ко всему прочему, еще и убиравшим за собой со стола и мывшим грязную посуду, не давая маме приближаться к раковине. Для нее всё это выглядело как визиты ангелов. Отец, не любивший видеть дома посторонних, всё же не препятствовал встречам.

Мы приводили с собой гостей, приглашенных на улице, среди них попадались разные личности. Иногда кого-то приходилось чуть ли не под руки выпроваживать за двери из-за неадекватности. Однажды гостьей, приглашенной сестрами, оказалась таджичка с девочкой лет пяти. В ходе общения выяснилось, что она беженка из Душанбе, ее мужа убили боевики, она с дочкой успела убежать. Ей добрые люди приобрели билет на поезд в Москву, где у нее есть родственники. А здесь, в Ташкенте, у нее никого из близких не было. И они ночевали в парке на скамейках, благо стояло лето. До поезда оставалось еще дня три-четыре. Мама сказала, чтоб та приходила к нам с ночевкой. Так они до отъезда и ночевали у нас, мылись, а днем гуляли в городе. После я спросил у мамы, не было ли у нее мыслей – вдруг воровка, вдруг косит под беженку, свои цели имеет и прочее? Мама ответила – так я сама беженка. Кто она там, мне неважно. Но если могу кров предоставить – не откажу.

Показанная мне картина христианства не вызывала внутреннего сопротивления или несогласия. Она требовала полного подчинения – и я, как мог, подчинял ей внешнюю и внутреннюю части своей жизни, хотя при этом она не вращалась в них органически. По сути, это была ролевая игра, – но можно играть убедительно, а можно фальшиво. Те, кто мне эту цель предложили, играли самозабвенно, искренне, с полной отдачей.

Когда строку диктует чувство,
Оно на сцену шлёт раба,
И тут кончается искусство,
И дышат почва и судьба.*

– именно таких рабов я видел перед собой. В каждом из них было видно отречение от себя. Каждый был готов, если понадобится, на «полную гибель всерьез». Они играли, но в этой игре «дышали почва и судьба». Этой полноте самоотречения хотелось подражать.

Мне с моим заиканием и натурой интроверта было трудно в одиночку разговаривать с людьми на улице. Но не всегда была возможность встретиться с кем-то из единоверцев, чтоб делиться верой вдвоем. Будучи один, я начинал «фильтровать», оценивая внешность идущего навстречу человека и по ней определяя, «открытый» он или нет. Как-то, выйдя в обеденный перерыв из офиса, я решил, что остановлю первого встречного, кто бы это ни оказался. Тут же мое решение подверглось испытанию: у парня, идущего навстречу, лицо было в шрамах и весьма недружелюбное. Но отступить было некуда, я его остановил, – и он, к удивлению, выслушал меня с интересом. В тот же вечер он пришел на встречу, а вскоре крестился у нас. Он оказался россиянином, попавшим в Ташкент с группой друзей – московских каскадеров. По приглашению «Узбекфильма» они приехали для участия в каком-то местном проекте. Он сам не был профессиональным каскадером, но мечтал о карьере кинематографиста. Вскоре после обращения он привел ко мне домой на беседу своих коллег. Их старший, некоторое время послушав меня, глубокомысленно заключил – «Это НЛП**».

В моем районе можно было встретить парня, гулявшего с огромным псом-водолазом. Однажды я к нему подошел. Он, выслушав, сказал, что вообще-то терпеть не может уличных проповедников и подобного рода встречи и меня слушал только потому, что удивился: другие прохожие его обходят, глядя на размеры пса, а я безбоязненно подошел. На встречу он прийти отказался, но всякий раз, увидев меня, останавливался и мы разговаривали на разные темы. Позже, когда он крестился, сказал: знаешь, почему я решил прийти? Мне стало интересно. Я имею определенные познания в психологии и, наблюдая за тобой, понял, что ты – очень закомплексованный человек. Пу-

* Из стихотворения Бориса Пастернака «О, знал бы я, что так бывает...» (1932).

** Нейролингвистическое программирование.

бличная роль для тебя невозможна по умолчанию. Мне стало любопытно: что это за учение там у вас, помогающее людям вроде тебя делать то, что они не могут делать?

Один из братьев после очередной библейской беседы сказал мне: «Иногда слушаешь тебя и понимаешь, что у тебя просто родилась какая-то мысль по поводу того, что ты в Библии прочитал. Эта мысль тебе интересна, и ты ее нам раскрываешь со всем старанием, подбираешь для ее пояснения разные отрывки. Мы изо всех сил стараемся в твою мысль вникнуть. У кого получается, у кого нет. Но после всех этих усилий уходишь не насыщенным. Интересными и глубокими мыслями сыт не будешь. Откровение нужно, брат! Когда оно в твоих речах есть – всё замечательно. Но откровение есть не всегда. Ты у нас любишь поумничать. Это ничего, это не грех. Но мы сюда едем после трудного рабочего дня не для того, чтоб умные соображения послушать. Нам хлеб нужен. Раз тебя Господь поставил его раздавать Его рабам – раздавай в простоте. В простоте, брат!». (Если бы он был православным, то добавил бы при этом поговорку преп. Амвросия Оптинского: «Где просто, там ангелов со сто, а где мудрено – там нет ни одного»).

От соблазна «умничания» я не свободен по сей день. Пришлось пройти долгий и путаный путь, чтоб прийти к выводу: только свидетельство содержит в себе необходимую простоту. И неважно, в каком формате оно предложено. Рассказ о том, что с тобой происходило. Мысли, рожденные личным опытом и говорящие об этом опыте. Даже копипаст чужих мыслей и чужого опыта допустим, если он используется избирательно и отбор обусловлен целью раскрыть нечто важное из своего содержания, проецируя его на то, что берешь у кого-то. Свидетельство насыщает, потому что оно всегда – нечто живое и осязательное, в отличие от умозрительных построений.

Спустя три года после моего крещения община отмечала Пасху. Вечером мы приехали в предгорья на электричке и забрались на ближайшую гору, на вершине которой и провели ночь в праздничном бдении. С собой мы привезли жареную баранину, зелень, вино и пресный хлеб. Вверху было непередаваемое по яркости, каким оно бывает только в горах, звездное небо. Внизу, в долине, мерцал огнями Ташкент. Мы читали описания Пасхи во время исхода из Египта и евангельские описания последней вечери Христа перед арестом, пели, молились. В моей жизни было немало поездок в горы. Но сейчас смысл происходящего, будучи наложен на внешнюю картину, непостижимо сообщил ей иное качество.

С детства я знал семейные праздники, вроде дня рождения или Нового года. Еще были государственные праздники – там не было такого личного подключения, как в первом случае, но они тоже не оставляли равнодушными. До сих пор в памяти живы огромные первомайские праздничные колон-

ны горожан с флагами и транспарантами. Все эти действия являлись классическими обрядами, хотя тогда такого слова у меня в словаре еще не было. Участие в обряде каждый раз что-то дарило чувствам и уму – но и только.

Той ночью на горе я понял, что обряд может быть чем-то бóльшим. Словно была прорвана некая завеса и иррациональная глубина внезапно обозначила себя. Смысл обряда – в том, чтоб под своей оболочкой скрывать таинство. Это возможность быть выдернутым из трехмерной реальности в какой-то иной опыт, для которого еще нет нужных слов и смыслов. Тогда я не мог этого сказать, поскольку слова «таинство» тоже еще не было в моем словаре. Потом такое случалось не раз – когда получаешь опыт, которым не можешь поделиться, потому что не знаешь, *что* это было. Но чувствуешь, что это – некое послание для тебя, которое предстоит прочесть, снова и снова возвращаясь к тому, что было испытано.

III

Воскресным летним вечером я возвращался домой после однодневной поездки общины в горы. Туда мы ехали три часа на электричке, дальше час с лишним карабкались на гору, где и проходила воскресная служба под открытым небом с трапезой. Потом – спуск с горы до станции и опять три часа на электричке обратно в город. Впечатлений было много, но возвращались все донельзя уставшие. Я приехал от вокзала на метро, вышел и побрел вдоль дороги домой, не став ждать трамвай. Но дойдя до своей остановки, не свернул в переулок, ведущий к дому, а зачем-то продолжал медленно брести дальше по улице. В голове не было никаких мыслей. Пройдя пешком еще полчаса, я почувствовал, что ноги не идут. Сел на остановке, вытащил Библию. Сколько я так просидел – сложно сказать.

– Что ты тут делаешь? – вдруг раздалось рядом. Я поднял голову – передо мной стояла сестра из общины, жившая поблизости. Она смотрела на меня с непонятым выражением.

– Да так... – я пожал плечами, – домой неохота, вот и гуляю.

– Никогда ты тут обычно не появляешься, – объяснила она, – неожиданно было тебя увидеть...

Посидев еще какое-то время, я с трудом поднялся, сел в трамвай и поехал к себе – идти обратно пешком не было уже никаких сил.

Позже, когда эта девушка стала моей невестой, она рассказала, что в тот день утром, еще до выезда, она молилась – пусть Господь в течение дня укажет ей через какую-то ситуацию на одного из братьев, подаст знак, что этот человек станет ее мужем. За день, проведенный в горах, никаких знаков не было. Она приехала домой и ничего не поняла – на ее остановке сидел я и читал Библию. Были братья, о которых она думала, когда мечтала о замужестве, но я в их число не входил.

В начале нулевых я лишился работы. Незадолго до этого у нас родилась дочь. Жена, человек с практическим умом, сказала: у тебя мама пострадавшая от нацизма, мы можем уехать в Германию по еврейской линии даже без знания языка. «Ты уверена, что нам нужно именно туда?» – спросил я. «Знаю одно, – ответила она, – если дверь туда открыта, будет знак. А если нам туда не нужно, тоже будет знак. Но чтоб знак получить, нужно попробовать».

И мы попробовали. Сдали нужные документы, дождались повторного вызова и узнали, что наши документы в порядке. Нам дали заполнить анкеты переселенцев. Мы заполнили их. В числе пунктов была графа «вероисповедание». (Потом мы узнали, что этот пункт появился непосредственно перед нашим визитом, раньше его не было). Мы написали: христиане. Анкеты унесли и очень быстро принесли обратно. Так не пойдет, сказали нам. Нужно написать, что вы иудеи, раз вы едете по еврейской линии. Без вариантов.

Мы с женой посмотрели друг на друга. У каждого из нас в жизни бывали ситуации, в которых, на взгляд внешнего наблюдателя, ничего особенного не происходило, – но мы сами при этом понимали, что сейчас Господь говорит с нами прямо и недвусмысленно.

«Мы не будем писать, что мы иудеи», – сказали мы. «В чем проблема? – удивились сотрудники посольства. – Это вас ни к чему не обязывает, напишите и всё, иначе мы не сможем принять анкеты». Мы не стали ничего объяснять, понимая, что ситуация не та, чтоб начинать проповедь. Просто сказали: нет, не напишем. Для нас это неприемлемо. Встали, извинились за беспокойство и ушли.

Среди единоверцев отношение к нашему решению оказалось неоднозначным. Мой родной брат, приехав из другого города, где он работал и где тоже была наша община, рассказал, что некоторые, узнав от него об этой истории, не поняли нашего решения. Нужно было спокойно написать, что просили, и уехать, и не стоило накручивать и усложнять. Что ж, это их вера, сказал я. Спустя несколько лет в разговоре с братом мы случайно вспомнили ту историю. «Да, кстати, – сказал он, – помнишь, тогда были братья, которые с вашим решением не согласились? Представь, никого из них в общине не осталось».

В 90-е годы одна часть русскоязычного населения в республике «сидела на чемоданах». Другая мысленно примеряла к себе это положение, взвешивая все «за» и «против». Тема отъезда часто поднималась в церковном учении. Поскольку вы были призваны здесь, звучало в проповедях и уроках, ваше место здесь. Христос хочет, чтоб вы спасали людей здесь, потому Он вас тут и призвал. Кроме вас этого никто не сделает.

Большинство членов общины, включая меня, *такой* посыл принимали без борьбы. Те, кто считал иначе, не будучи в силах аргументированно воз-

разить, превращались в тайных диссидентов. Помню, как один брат внезапно исчез. Потом узнали, что он вместе с родителями уехал в Россию, причем отъезд планировался давно. Он не решался заговорить об этом, боясь, что на него посмотрят как на дезертира.

Впоследствии риторика смягчилась. Все повзрослели и поняли, что обстоятельства могут быть различны, да и Писание раскрывало ту же мысль – что все упирается в *мотивы* переезда. Но я по-прежнему считал, что мое место там, где я нахожусь, не видя никаких причин менять страну проживания.

Период моих вахтовых поездок на заработки в Россию, занявший несколько лет, окончился переездом туда всей семьей и получением российского гражданства. После этого видение себя и своего дальнейшего пребывания там вновь стало простым: мое место здесь.

Волна отъездов, последовавших после 24 февраля 2022 года, особенно отъездов христиан из России, еще раз заставила задуматься о релокантах, прежних и новых. И неожиданно помогла увидеть эту тему в «Докторе Живаго». Прежде как-то не бросалось в глаза, что стержневой сюжет романа – это история о решении героя уехать из Москвы на Урал и о последствиях этого решения. В итоге он изменяет жене, его берут в плен партизаны и происходит пожизненный разрыв с семьей. Возврат в Москву, постепенная деградация, связь с дочкой дворника, бродяжничество становятся закономерными последствиями отъезда.

Не отрицая заботы Евграфа Живаго о старшем брате, приходится признать, что именно его совет об отъезде запускает в жизни доктора эту цепь событий. Так может быть, таинственный благодетель – это искуситель из 3-й главы Бытия? Если и рассматривать сводного брата с этой стороны, то с оговоркой, что у Пастернака в данном случае «написалось то, что написано». Библейский персонаж безличен. В силу этого безличия на него нельзя возложить ответственность за происшедшее. По той же причине нельзя обвинять Евграфа во всём, что произошло с Юрием после того, как доктор принял предложенный совет.

На встречи, которые мы устраивали, часто приходили необычные люди. Помню одного довольно узнаваемого в то время барда, который к нам то и дело захаживал. Внешность у него была колоритная, всё, как полагаются: волосы до плеч, борода, одеяние как у хиппи, неизменная гитара. Потом он пропал.

Спустя несколько лет на улице меня кто-то окликнул. Это был строго и со вкусом одетый человек, похожий на сотрудника из солидной организации. Вглядевшись, я узнал в нем барда. Он был коротко подстрижен и гладко выбрит. На вопрос – что с тобой случилось, что за метаморфоза? – он объяснил, что время изменилось, барды не в тренде, аудитория, на которую были

рассчитаны его песни, разъехалась. Для местных его творчество и философия – как марсианский язык, им это даром не надо. А жить на что? Вот, сменил направление, оказываю услуги психологического консультирования. «Ты консультант-психолог?» – не поверил я. – «А что тут такого? Консультирую семейные пары, у которых сложности в отношениях». – «Подожди, но ведь ты же холост? И никогда не был женат?» – «А какое это имеет значение? – удивился и немного даже обиделся он. – У меня, между прочим, образование психолога».

От разговора осталось странное ощущение. словно главный герой в фильме «Шоу Трумана», который внезапно обнаружил, что люди рядом с ним – это актеры, играющие каждый свою роль, я почувствовал что-то подобное по отношению к собеседнику. Получается, тогда он играл роль, а не был самим собой? А сейчас он настоящий? Или это еще одна роль?

Понадобилось еще много лет, прежде чем, припомнив эту встречу, я понял, что бард-психолог был своего рода зеркалом для меня. Кто-то из моих сокурсников, узнав, что я стал членом какой-то непонятной общины, мог подумать обо мне что-то подобное тому, что я подумал тогда об этом парне. Кто-нибудь из прежних единоверцев, узнав о моем решении принять православие, тоже мог подумать: он раньше играл роль или сейчас ее играет? Или и тогда и сейчас была и есть игра?

Когда нашей маленькой дочке прописали массаж, жена нашла медсестру-узбечку, приходившую к нам домой на сеансы. Узнав из общения с ней, что девушка училась в Новосибирском мединституте в те же годы, что и наш прежний лидер церкви, жена спросила у нее – а вы случайно не знали такого-то? При имени лидера медсестра ахнула и сказала: а вы его тоже знали? Это была гордость института, на него возлагали такие надежды! Но увы, – не закончив учебы, он связался с какой-то сектой и с головой туда ушел. Погубил себя как врача.

Не судите по наружности, сказано в Евангелии. Поэтому воздерживаюсь от поспешных заключений – и о других, и о себе, как бы ни было сильно это искушение в иные моменты. Равно как избегаю комментариев по поводу чужих мнений о ком-то или о себе. Слишком велика тайна человека и его пути.

1998 год. Ташкент. Маленькая группа христиан-протестантов поздно вечером тайно собралась на пустыре за спортивным стадионом, чтоб послушать прилетевшего лидера московской общины. Он приехал как частное лицо (деятельность иностранных религиозных миссионеров была запрещена). О его приезде, месте и времени встречи было сообщено из уст в уста, не прибегая к телефонам.

Приехавший (канадец, говоривший по-русски с сильным акцентом) проповедовал, стоя в темноте в кругу слушателей. Одна из сестер стояла рядом

и держала фонарик над раскрытой Библией. Спустя 25 лет я не помню ничего из той проповеди. Кроме концовки – «Я не знаю, как вам жить в этом мусульманском мире. Как ходить пред Богом, как обращаться здесь людей. Не знаю. И не могу вас научить этому. Только Бог может научить вас».

С дистанции прошедшего времени, глядя через призму всего, что произошло с тех пор, хорошо видно, что это «не знаю» порой оказывается самым главным и самым ценным свидетельством человека. Тем, что перевешивает всё остальное.

С 1991 года я жил, всё больше осознавая, что прежняя общность (то, что называлось советским народом) уходит в историю. Русскоязычные обитатели бывших союзных республик стали национальным меньшинством. Притеснений или угнетения я не испытывал, за что был и остаюсь благодарен местным жителям.

Почему я не уехал в Израиль? Почему не там мой народ? Потому что не гены тут решают. Я понимал, что по языку, мышлению и многим другим вещам я – русский. Что в Израиле меня ждут та же самая культурно-историческая замкнутость, отсутствие обратной связи, как и в Средней Азии.

Но ты же христианин – скажет кто-то. Твой народ – твои единоверцы, ты не привязан ни к какой стране и ни к какому этносу. Прежде мне было бы трудно ответить аргументированно, – вроде так и есть. Сейчас уверенно говорю: у каждого христианина есть национальность. Его культура, история, язык, его физическая родина, за которую он берет личную ответственность.

2. ЗВЕНО РАЗОРВАННОЙ ЦЕПИ

I

Мой наставник говорил: «Когда у меня плохое настроение и всякая муть внутри, я беру жену и говорю ей: пошли проповедовать людям о Христе! Мы идем с ней на улицу и делимся верой с прохожими. И когда мы идем домой, на душе уже не муторно, а легко и радостно. Потому что Благая весть с унынием не уживается».

Я слушал его с уважением. Это было личное свидетельство. Не то, что человек вычитал в книге.

Я по-прежнему уважаю эту позицию. Но если делиться верой не с кем? Сегодня даже не обязательно для этого оказываться там, где физически нет людей. Другое время. На улице уже не остановишь человека и не будешь говорить с ним о жизни так легко, как прежде. Хотя, по большому счету, дело даже не в этом. Вопрос глубже: почему мне нужно с кем-то делиться верой,

чтоб избавиться от тьмы в себе? Что я строю в себе такое, что это сооружение не держится без некой внешней подпорки? Почему проповедь становится подспорьем, служебным инструментом для восстановления внутреннего мира? Почему, оставаясь один, я становлюсь слабым и беспомощным? Неужели Бог во мне не может совместно со мной прогнать мою тьму?

Помню другой разговор, случайно услышанный спустя пару лет на выездной конференции. Один из братьев говорил: я уже не знаю, кому еще благовествовать, меня в городе каждая собака знает, на улице прохожие меня видят и издали улыбаются начинают. Второй ему отвечал: пусть, а ты всё равно иди и ищи погибающих. Великое поручение всё равно остаётся!

Показанная картина избранности обесценивала внешний мир. Смысл его существования заключался только в том, что в нем были такие же, как я, избранные, которых нужно было найти и спасти через благую весть. Другого смысла по отношению ко мне этот предназначенный огню мир не имел. Но впитанное мной предание вызывало диссонанс с другими уровнями моего «я», которые я не мог зачеркнуть. Красоте творения, которую я ощущал, в предложенной мне картине богословского места не отводилось. В лучшем случае ее воспринимали как своего рода «крем на торте» – да, но мир-то всё равно падший и всё равно сгорит, как написано!

Мир вокруг меня и я сам утрачивали изначальную ценность, превращаясь в инструмент для выполнения поставленной задачи. Но это тогда не осознавалось, как и то, что такое учение делает взгляд «работника на жатве» черно-белым. В другом человеке оказывался важным не факт его бытия, а то, насколько он готов воспринять услышанное и правильно на него отреагировать. До сих пор помню чувства, с которыми я слушал остановленного мной на улице прохожего, который обрадовался предложенному общению и рассказывал о себе и своей жизни – но при этом было видно, что на предложенную встречу он не придет. Я вежливо внимал, тоскливо глядя, как мимо проходят другие люди, – возможно, среди них были избранные, но тот, кого я остановил, лишал меня возможности дать другим шанс для спасения. Если бы мне тогда сказали, что это обычные чувства продавца, который тратит драгоценное время на бесперспективного покупателя, теряя других, реальных покупателей и свою возможную прибыль, я бы возмутился и обиделся.

Один из глубоко укоренившихся во мне рефлексов состоял в том, чтоб быть готовым в любой момент, если потребуется, вспомнить и процитировать уместный по контексту отрывок из Священного Писания. Когда я не мог этого сделать, то чувствовал себя словно солдат, оказавшийся без оружия. Осознание, что эта привычка стала защитным панцирем, надежным, но не дающим расти, пришло, когда я вновь начал писать стихи. Литературные упражнения помогли понять, что мне хочется говорить о человеческой

составляющей, а не заниматься лирической трансляцией доктринальных положений. Нарощенная на себе броня из цитат делала такой разговор невозможным.

Стараясь соответствовать образу праведника согласно своему пониманию праведности, я, как мог, компенсировал внутреннее неустройство повышенной внешней активностью. Однажды, возвращаясь поздно после евангельской встречи, я, увидев идущего навстречу одинокого прохожего, остановил его и начал «делиться верой» со всем энтузиазмом, на какой был способен, будучи полумертвым от усталости. Человек не испугался и не удивился, он остановился и долго молча меня слушал. Я, приняв его внимательное молчание за заинтересованность, обрел второе дыхание и разливался ночным соловьем, пока, наконец, не выдохся. Наступила тишина. И тогда мой слушатель пристально посмотрел на меня и без всякой иронии или осуждения, скорее с каким-то сокрушением и печалью, сказал:

– Вы одержимый.

Я отреагировал именно так, как и мог отреагировать хронический активист – с энтузиазмом согласился и процитировал в ответ что-то вроде «кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым, ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом...». Лишь целую жизнь спустя я смог, наконец, посмотреть на себя его глазами и понял, что он хотел мне сказать.

Образ ученика Христа, показанный американскими миссионерами, как ни странно, напоминал облик советского человека с плакатов прежней эпохи. Это был улыбающийся, полный энергии, готовый к любым задачам и вызовам человек, молодой – или среднего возраста, но все равно полный обаяния молодости и избытка сил. Возможно, потому, что образ, показанный нам, был естественным для родившей его культуры, он воспринимался без фальши в тех, кто его в себе являл.

Этому внешнему облику мы изо всех сил стремились подражать, тем более что с улыбками в нашей культуре традиционно был дефицит. Помню историю, как два брата были отправлены на вокзал встретить сестру из другого города. Уже на вокзале они спохватились, что не спросили, как она выглядит. Она, соответственно, не знала, кто ее встретит. До мобильных телефонов было еще далеко. Братья поступили просто: встав в центре вокзала, они стали широко улыбаться. Через пару минут после прибытия поезда сестра подошла к ним. «Я сразу поняла, что это вы меня встречаете, – сказала она, – вы были единственными людьми на вокзале, которые улыбались».

Почти все обращенные в то время были молодыми, если не подростками, это делало усвоение показанного образа простым и легким: мы всеми силами тянулись к тому, в чем с детства испытывали нужду. Жизнь

приучала к хмурости. Родители, люди на улицах, воспитательницы в детсадах, учителя в школах, сослуживцы и начальники на работе составляли цельную картину, в которой искренне улыбающееся лицо было несчастным событием. Заокеанские отцы в вере, словно сошедшие с экранов со своей харизмой, энергией и неизменным позитивом, не могли не притягивать в сравнении с местными православными христианами или даже баптистами, по строгости внешнего вида не уступавшими первым. Я, подобно другим единоверцам, после своего обращения был настолько под влиянием показанного образа, что выкинул из фотоальбома много снимков, на которых у меня было слишком «негативное» лицо. У сестры, которая одно время помогала вести доверенную мне группу, была привычка при встрече, если я был чем-то озабочен, тут же напевать: «Мишка, Мишка, где твоя улыбка, полная задора и огня?».

То, что этот надетый на себя образ был маской, которую я носил так долго, что она приросла к лицу, осознавалось с трудом. В Евангелиях Христос показывает целый спектр эмоций, – но образ, переданный мне, не раскрывал этого эмоционального разнообразия на уровне богословия. Чтоб соответствовать внешней картинке, приходилось заталкивать эмоциональный хаос и боль глубоко в подполье. Молодость, с ее нерастроченным запасом физических и душевных сил, позволяла это делать довольно долго. Но с годами стало очевидным, что жизнь не вписывалась в плакатный облик, несмотря на всю его притягательность.

«Кто говорит о добродетели, что сам испытал на деле, тот так же передает сие слушающему его, как иной отдает другому деньги, добытые трудом своим». Наткнувшись у преп. Исаака Сирина на это высказывание, я вспомнил сказку, где отец посылал сына работать, а тот не хотел, и мать ему давала тайком динарий. Он относил его отцу, тот говорил – нет, не заработал ты это, и кидал монету в огонь. Сын пожимал плечами и уходил. Так продолжалось, пока мать не сказала – делать нечего, придется тебе пойти поработать. Сын, не умея ничего, неделю трудился чернорабочим и вымотался до предела. В конце недели он принес заработок отцу, тот опять сказал – нет, это не заработано, – и швырнул деньги в огонь. Сын завопил и голыми руками полез доставать заработанное из огня. Тогда отец сказал: да, сынок, теперь верю, что заработал.

Однажды наставник поручил мне передать моей группе урок, который до этого я слышал от него. Он тоже сидел вместе с остальными и слушал. Потом, когда мы остались один на один, он сказал – ну что ж, ты всё добросовестно передал, слово в слово. «А что не так?» – спросил я, видя, что что-то действительно не так. «Понимаешь, – ответил он, – ты действительно передал мой урок слово в слово. Но ты не пропустил услышанное от меня через себя. Ты его передал другим как загруженную в тебя информацию. А

так – всё как бы правильно, отрывки из Библии зачитал, толкование присоединил...».

Помню другой случай, когда я провожал после вечерней встречи сестру до ее дома и по дороге рассказывал ей о своей жизни до прихода в общину. О чувстве бессмысленности всего, что меня окружало, которое появилось во время учебы в институте. О той экзистенциальной бездне, которую я носил в себе, пока встретившие меня «ловцы человеков» не предложили ответ, смысл и цель для того, чтоб жить дальше. Она внимательно слушала. Спустя несколько недель на собрании она подошла ко мне и сказала: хочу поблагодарить за то наше общение. Я только спустя время поняла, что всё, о чем ты рассказывал, было учением о покаянии. Я привыкла, что у нас учение всегда доносится прямо, что называется, в лоб, – сядь и слушай наставление. А ты ненавязчиво делился о своей жизни, и форма донесения не сразу дала понять, что по содержанию это было именно учение.

В Израиле синагогу мужчины начинали посещать с тринадцати лет, но проповедовать они могли лишь по достижении тридцатилетия. За это время они успевали приобрести не просто жизненный опыт, но качественно иное понимание того, что есть толкование закона и пророков, которое они слушали столько времени, из чего это толкование рождается. К тому моменту, когда им предлагалось, наконец, сказать слово к народу, всё, что они зачитывали из Писания, было глубоко погружено в личный опыт. Множество ситуаций, сопровождавших невидимым, но осязаемым подтекстом любой библейский отрывок, помогали не только повторять то, что они не раз слышали от других, – им теперь было что добавить. Опыт хождения пред Богом подсказывал случаи из собственной жизни, которые раскрывали смысл священного текста глубже, чем любые умозрительные рассуждения.

В каком-то смысле я и мои сверстники были такими тринадцатилетними новичками, которым спустя несколько месяцев старшие сообщали – вам уже пора что-то говорить самим в собрании, не только слушать. У вас уже должно быть слово для других. Вы же по Библии живете, значит, опыт уже есть. Мы соглашались с этим, искренне стараясь исполнять то, что поручено. Но вес приобретенного опыта был еще незначителен. Добросовестный копипаст чужих мыслей, выводов и примеров – всё, чем мы могли тогда поделиться. За полученными от других монетами, которые мы отдавали так же легко, как получали, еще никто не был готов лезть голыми руками в огонь.

Один из братьев устроился бухгалтером в строительную организацию. Платили хорошо. Потом руководство сбежало, прихватив деньги дольщиков. Его арестовали, хотя он в преступных схемах не участвовал. Мы его поддерживали как могли, община молилась за него. В камере он приобрел авторитет и уважение. Одному из сокамерников грозила высшая мера, тогда

еще законодательно не отмененная. Он просил молиться за него. Брат молился, – и дело вернули на доследование, так как открылись новые факты. Но самому брату светила десятка, если не больше.

Ответ на молитвы за него был неожиданным: президент издал указ о немедленном освобождении и выдворении из страны всех арестованных иностранцев. Брата (он был россиянин) ночью подняли, довели до границы и выпроводили на казахскую территорию, где его встретил отец, предварительно извещенный властями. Отец, будучи военным, отвез сына в поселок, где стояла его часть. В этом поселке брат вынужденно пробыл долгое время. Тогда еще не было интернета. Для общения была лишь классическая переписка по почте и периодические звонки по межгороду. Спустя время он духовно упал, появились разные грехи. Вернувшись в Россию, он уже не восстанавливался в общине.

Примерно в это же время одна сестра, тоже россиянка, которую, подобно этому брату, по своим обстоятельствам занесло в Ташкент, поехала навестить родителей, живших в небольшом сибирском поселке. Сестра была, как у нас выражались, «зажжённая» и по приезде активно проповедовала родителям и всем местным, обличая в грехах и призывая к покаянию. Зная, как это выглядело со стороны, не удивляюсь тому, что она восстановила против себя всех, кого только могла. От нее пришло несколько писем. В последнем она написала, что ужасно себя чувствует, словно в аду. И еще боится, что ее «отрежут от церкви» за длительное отсутствие на собраниях. Потом письма прекратились. Еще позже мы узнали, что родители поместили ее в психиатрическую лечебницу.

Эти истории, подобных которым можно вспомнить множество, доносят особенность, о которой мне годы спустя написал один из ФБ-френдов, православный христианин, в прошлом пятидесятник. По его словам, одной из причин, побудивших его внимательно присмотреться к православию, была необъяснимая самостоятельность представителей иной традиции. Православный христианин, оказавшийся в длительном отрыве от единоверцев, который хранит свою веру и передает ее другим, был хорошо известен как явление. К отечественным протестантам старого закала это отчасти тоже относилось. Но он сам, будучи моим ровесником и представителем той волны неопротестантизма, в которую окунулось наше поколение, в своем опыте знал то же, что и я: загадочную слабость и беспомощность единоверцев, когда они по каким-то причинам надолго оставались одни. Последующее падение было неизменным результатом, независимо от того, какую репутацию и какое служение человек имел в своем кругу. Словно духовное состояние не имело внутреннего источника для своего поддержания, как при наркотической зависимости, нуждаясь в постоянной подпитке извне. По прекращении этой подпитки в скором времени начиналась неизбежная ломка.

Взгляд на пост, принятый в нашей общине, который определял его практику, длительность и целеполагание, можно было бы назвать «спринтерским», в отличие от традиционных церквей, где преобладало «марафонское» видение поста. Оба этих подхода были рождены разным богословием. Наше понимание поста подразумевало физическое утеснение себя ради некой поставленной цели. Эта цель, как правило, была связана с какими-то внешними изменениями, которых нельзя достичь человеческими усилиями. Если подобные изменения происходили, постящийся воспринимал их как ответ Бога. Их отсутствие тоже воспринималось как ответ, только отрицательный.

Я не помню, чтобы кто-то постился за свои внутренние изменения. Могли поститься за личное откровение, которое воспринималось как некая информация свыше, которая будет сообщена постнику в награду за его усилия. По умолчанию эта информация заключалась не в новом взгляде на самого себя, а должна была быть направленной вовне.

Постились за то, чтоб найти и крестить человека (на нашем сленге это называлось «принести личный плод»). Постились за покаяние домашних, за работу, за появление подруги, за лидерскую ответственность. Были общие посты – например, за открытие новых церквей. Этот целевой фокус, неизменно лежавший где-то вовне, по своему мышлению был вполне ветхозаветным. Он спокойно уживался с буквой новозаветного учения.

Антропологическое богословие, где хождение пред Богом призвано изменить в первую очередь самого ходящего, а не обстоятельства его жизни, имело соответствующий взгляд на пост, воспринимая его как часть общего лечения, как назначенный больному режим. Поскольку изменения в болящем происходят небыстро, длительные сроки постов вытекали из этого взгляда на человека. Главным в любом назначенном режиме было не максимально возможное усилие, на которое способен больной, а его терпение и последовательность приложенных усилий, как бы скромны они ни были.

Но, повторюсь, для меня и моих друзей тогда все эти вещи были далеки. Мы знали ту картину поста, которую приняли от отцов в вере, – и приняли ее, глядя на их личный пример. Это мог быть один день без пищи и питья, это могли быть два-три дня на воде. Или неделя и более – на жидкостях (чай, соки). Помню, как братья постились по десять дней и более – при этом не сидя в офисе, а работая на стройке. Думаю, они выдерживали это лишь благодаря ресурсам организма. Мы все тогда были молоды. Впрочем, я недельными постами на воде и других жидкостях и неправильными выходами из них всё же серьезно испортил себе желудок. После женитьбы жене пришлось посадить меня на специальный пищевой режим, чтоб изгладить последствия моих подвигов.

Перед крещением мне сказали: представь, что ты за год нашел одного человека и обратил его. На следующий год вы вдвоем обратили каждый еще по одному, на третий год – вы четверо обратили четверых. Цифры скромненькие. Но через десятки лет это будут миллиарды. Все население земли реально обратить за жизнь одного поколения. Да, понятно, что на бумаге все просто и гладко и что в жизни всё намного сложнее и медленней, но всё же – какая захватывающая цель!

Как я наконец смог сформулировать для себя спустя четверть века после первого знакомства с этой картинкой, – ее сущность и дух куда больше соответствовали бизнес-мышлению, чем церковному мировоззрению. Лидерские собрания напоминали производственные совещания: разговор всегда шел о выполнении или невыполнении планов и происходил разбор удач или промахов. Помню, как сестре, учащей группу других сестер, на таком собрании «бросили вызов», что у нее долгое время нет занятий по Библии с новым человеком. Если до завтра она не найдет никого, то перестанет вести сестер. Та со слезами ушла с собрания, шла по улице, молилась, остановила девушку, стала делиться верой – и та согласилась заниматься по Библии.

Для членов общины без лидерской ответственности вызов был простой – приводить личных гостей на собрания: какой же ты ученик Христа, если не делишься верой? А если делишься, плодом этого будут твои гости на собраниях. Как-то я позвал друзей по институту на выездную воскресную службу, мы арендовали автобусы и выехали на озеро. В программе была проповедь, обед и купание. Я, приглашая своих знакомых, умышленно сделал упор на вторых двух аспектах, в итоге у меня в этот день было больше десятка гостей, но по приезде на место они тут же ушли купаться, проигнорировав проповедь. Характерно, что почему-то запомнилось именно количество моих гостей, а не их мотивация, мне даже звонили потом из другого города, где тоже была наша община и куда дошел слух о моем достижении, и спрашивали, как мне это удалось?

Количественные достижения были неразрывно связаны с верой, других мотивов для объяснения результата не предлагалось. Точно так же в ранее приведенном примере именно вера сестры выставлялась как пример для подражания: вот, она с верой пошла и нашла занятие по Библии!

II

Бывали случаи, когда родители кого-нибудь из членов общины соглашались на оглашение, будучи уже в совсем плохом физическом состоянии. Успевший крестить отца или маму был счастлив, что успел спасти близкого человека. В глазах окружающих он был героем веры. Но были другие, чьи близкие умерли во время оглашения, когда до крещения оставалось совсем немного. Последующая жизнь таких христиан превращалась в иллюстра-

цию к книге Иова. На вопросы «почему это получилось у другого и не получилось у меня? кто здесь виноват? В чем была ошибка?» – доктрина не давала вразумительного ответа. Слова Христа апостолам: «никто не виноват, это для того, чтоб на нем явились дела Божьи», – тут не подходили. Человек умер, ему уже не помочь, – как дела Божьи могут тут явиться, каким образом? Предложенное богословие подразумевало проявление этих дел только в заданном формате: если бы умерший родитель успел чудесным образом получить спасение при жизни. Вариант ответа «тому было дано по его вере, у тебя, значит, не хватило веры» – лил уксус на рану. «Я не грешил, у меня не было никаких компромиссов с грехом и недоговоренностей с Богом. Я делал то же самое, что и другой, с тем же рвением, – почему ему было дано, а мне нет?»

Мысль о том, что физическая смерть даже не крещенного человека – не точка в его истории, а лишь точка с запятой, воспринималась измученной душой как благая весть. Но абсурд ситуации был в том, что радость от этого известия противоречила букве учения. На основе притчи о богаче и Лазаре утверждалось, что выбор, сделанный человеком при жизни, определяет его посмертную участь, и если человек умер, отказавшись примириться с Богом, ему уже ничем не помочь. Когда я, еще оставаясь в своей общине, но уже успев углубиться в православное богословие, написал в чате, что наша доктрина не учитывает многих нюансов, реакция была неожиданной. На положение о том, что вера христианина может влиять не только на настоящее и будущее, но и на прошлое, на судьбу его умерших родных и близких в том числе, вполне ожидаемо отреагировали учащие братья, категорически не согласившись с этой идеей. При этом мне пришло немало личных сообщений от братьев и сестер, которые признавались, что давно уже думают так, но не решаются свои мысли высказывать.

О прямом родстве доктринального мышления со средневековой юридической схоластикой никто из единоверцев не задумывался. Но это родство выдавало себя во множестве деталей. Одним из наиболее употребительных выражений в общинном сленге было «это не влияет на спасение». Фраза, безусловно, была сильной и пригодной для применения в разных ситуациях. Ее можно было использовать и как вопрос, и как утверждение. Тогда я еще не мог осознать, что эта фраза одной чертой обрисовывает картину, где спасение раскрывалось как некий бонус заключенного с Богом завета. Всякого рода нарушения своей части договоренностей могли повлечь болезненные «санкции», но главный бонус не затрагивался, если эти нарушения не выходили за «красные линии». Иными словами, ты мог быть лишен процентов со своего вклада, но не быть лишенным самого вклада. На это последовал бы ответ: разве не об этом говорит Писание? – и был бы приведен развернутый список отрывков.

Сейчас понимаю, что в очерченном понятийном кругу одолеть эту логику невозможно. Для этого нужно выйти из круга, причем выйти не по горизонтали, а по вертикали – вверх. Только тогда можно предложить измерение, где спасение трактуется как спасение от *болезни*, а не от судебного приговора и последующего наказания. *Такое* спасение неразрывно связано с твоим состоянием. Оно – нечто органическое по отношению к тебе, в отличие от вклада, пусть и лежащего в небесном хранилище. Медицинский взгляд на спасение предлагает ежедневное обновление понимания того, *что* такое спасение, потому что ежедневные усилия, прикладываемые больным для выздоровления, совершают изменения в его самочувствии. А изменение в самочувствии рождает новые слова и новое видение того, *что* есть здоровье.

Когда-то Ной, получив повеление построить ковчег, послушно изготовил его и укрылся в нем со своей семьей. Доктрина моего движения говорила, что в каждом народе есть избранные, которых нужно найти через благовестие и спасти, что означало – сделать их членами своей общины. А остальной мир? Да, Бог хочет, чтоб все спаслись и достигли познания истины. Но из Писания слова не выкинешь: узок путь, ведущий в вечную жизнь, и немногие находят его – как это ни печально. Доктрина подразумевала, что мы – те, кто его нашел. И мы поможем найти его еще кому-то. А весь остальной мир – он вне нашей зоны ответственности. Он сгорит. И это нужно принять как Божий план, независимо от того, нравится он тебе или нет.

Это и правда было очень похоже на Ноев Завет. Моя община – мой ковчег. Я не несу ответственности за то, что за его стенами, – только за то, что внутри. Там, снаружи, объявляют войны, падают бомбы, гибнут мирные люди по вине политиков – да. А что вы хотели от падшего мира? Я спокойно отстраню от себя любые упреки и вызовы в том, что я каким-то образом причастен к происходящему. Я в домике.

Поэтому с позиции сегодняшнего дня мне во многом понятно поведение моих прежних единоверцев в первый год военных действий. Тогда было ощущение, что люди, годами и даже десятилетиями игравшие в многосезонном сериале, внезапно вышли из своих ролей и начали реагировать на происходящее вне прежних ролевых рамок. Сейчас я понимаю, что все сказанное тогда друг другу было проявлением внутренней беспомощности. Легко играть в ковчег, пока происходящее вне его не затрагивает твою реальность до самых ее основ. Когда же внезапно выясняется, что ковчег был виртуальным и что ты выдернут из матрицы в реальный мир, это переживается как внезапная гибель прежней картины вещей. И каждый обитатель уничтоженного ковчега начинает себя вести как Иов. Но рядом – не его друзья, а такие же как он, сидящие на пепле. С совершенно иной картиной происходящего в голове.

В какой-то момент в Сети появилась группа, где, в отличие от других площадок, созданных христианами из нашего движения, отсутствовала модерация на содержание постов. Админы следили только за соблюдением правил обсуждения. Существование подобного ресурса сразу вызвало резкое недовольство нашего церковного руководства, но призывы к членам общин не заходить туда, не читать и не обсуждать публикуемые там материалы особого успеха не имели – слишком притягателен оказался прецедент, когда можно было высказаться о любой наболевшей теме, зная, что пост не удалят.

Однажды я поднял в этой группе тему, о которой шла речь в 19-й главе из книги Деяний святых апостолов (Деян 19, 1-6):

Во время пребывания Аполлоса в Коринфе Павел, пройдя верхние страны, прибыл в Ефес и, найдя там некоторых учеников, сказал им: приняли ли вы Святаго Духа, уверовав? Они же сказали ему: мы даже и не слышали, есть ли Дух Святой.

Он сказал им: во что же вы крестились? Они отвечали: во Иоанново крещение.

Павел сказал: Иоанн крестил крещением покаяния, говоря людям, чтобы веровали в Грядущего по нем, то есть во Христа Иисуса.

Услышав это, они крестились во имя Господа Иисуса, и, когда Павел возложил на них руки, нисшел на них Дух Святой, и они стали говорить иными языками и пророчествовать.

Без околичностей я задал вопрос – все ли уверенно могут сказать, что их крещение – не Иоанново?

Обнаружилось, что многие давно задумываются о характере своего крещения. И что далеко не все могут уверенно сказать – нет, я крестился во Христа. Верней, по букве мы все были крещены во Христа. И долгое время потом никому даже в голову не могло прийти, что это может быть не так. Братья из руководства саму подобную постановку вопроса расценивали как провокацию, но симптоматичным было то, что другие братья, не менее их сведущие в Писаниях, имевшие немалый опыт пребывания в общине и даже учащие других, не были смущены заданным вопросом. И более того – они признавались, что не могут ответить на него уверенно ни «да», ни «нет». Один из братьев мне рассказал, что его жена, которая когда-то, до перехода в нашу общину, была в другой протестантской конфессии, говорила ему, что в нашей общине практикуют именно крещение Иоанна.

И вопрос, и реакция на него были свидетельством нашего богословского невежества. Вновь перечитывая этот отрывок, мы видели, что крещенные во имя Христа получили Святой Дух – и стали говорить на разных языках и пророчествовать. В нашей доктрине прямо и недвусмысленно утвержда-

лось, что языки и пророчества – это знамения, которые, согласно апостольскому учению, прекратились после того как пришло совершенное*. Под совершенным имелся в виду полный (канонический) свод Писаний Ветхого и Нового Заветов. О спорности и произвольности такой трактовки тогда никто еще не мог серьезно задумываться и рассуждать.

Мы все были уверены, что при своем крещении получили Святой Дух – ведь жизнь всех, кто крестился, значительно изменилась в сравнении с прежним состоянием. Именно эти изменения, вместо умолкнувших, согласно нашему учению, «языков и пророчеств», и были свидетельством о полученном нами Духе. Но с течением лет фокус постепенно перемещался с факта произошедших изменений на их характер. Каждый из крестившихся знал, что его изменения, если их рассматривать внимательно, сами по себе не говорят о том, что их вызвал именно Святой Дух, а не горячее желание покаявшегося «приготовить путь Господу». Грехи, которые человек оставил, покавшись, оставляли и другие люди, не будучи членами церкви, причем имея при этом иную мотивацию. Более того, порой их изменения могли быть глубже и основательней. Кто-то, например, и после крещения много лет продолжал бороться с алкогольной зависимостью, в то время как в «Анонимных алкоголиках» люди зачастую добивались куда больших успехов в борьбе с этой страстью, не утверждая при этом, что их достижение – свидетельство воздействия Святого Духа. Волонтеры из общественных организаций могли показать большую жертвенность в своем служении, чем члены нашей церкви, занимавшиеся тем же служением. Реализм взгляда на себя и на других неминуемо приводил к появлению мыслей, которые прежде показались бы нелепыми и абсурдными.

Значит ли это, что сомнения были небеспочвенными? Что кто-то действительно мог креститься Иоанновым крещением, будучи по букве убежден, что крестился во Христа? В традиционных церквях не перекрещивают тех, кто был крещен в иной конфессии и крестился, веря в Христа как в Бога, пришедшего во плоти и умершего ради прощения его грехов. Другими словами, традиционные христиане доверяют тому, что мое крещение и крещение моих прежних единоверцев было таинством.

Что же до процитированного отрывка из Деяний – оглядываясь на себя и других, могу сказать, что мы и говорили на иных языках, и пророчествовали. Но сами не знали об этом, в лучшем случае лишь догадывались. Смысловая скудность предоставленного в распоряжение «церковного новояза» не давала довести прозрения об этом до их словесного воплощения.

Однажды во время своего оглашения в православном братстве я прочел прежним единоверцам Символ веры, который звучит на каждой воскрес-

---

* 1 Кор. 13, 8-10.

ной литургии, и спросил у них, готовы ли они сказать «аминь» на каждый из пунктов. Мои друзья были абсолютно согласны со всеми пунктами. Единственным, что их напрягло, были слова о поклонении Святому Духу. Не то чтобы это воспринято было как ересь, но заставило их задуматься. Неожиданной для них была категоричность утверждения, что Дух столь же личностен, как Отец и Сын.

Хотя все мы помнили отрывки из ветхозаветных и новозаветных книг, где довольно прямо об этом говорилось («не оскорбляйте Духа Святого», «они огорчили Духа Святого» и т.д.), всё же учение, которое я и мои друзья привыкли слышать, в основном говорило о Христе и иногда – об Отце. О Духе уроки и проповеди не говорили так, чтоб Он оказывался в центре послания как личностная ипостась, единосущая остальным. Следствием было отношение к Духу как к некой безличной силе или энергии. Дух много лет воспринимался мной как чудесный невидимый гаджет, который мне дали. Не имеющий никакого отношения ко мне лично, он при этом давал мне способность совершать такие вещи, которые я никогда не смог бы сделать своими силами. Понимание, что эта чудесная сила обладает, согласно букве Писания, какими-то личностными свойствами, на повседневном уровне никак на мою жизнь не влияло. Поэтому слова Символа о Духе как Господе, которому следует поклоняться как Отцу и Сыну, вызывали замешательство.

Мы знали слова «поклоняться Богу в духе и истине», прозвучавшие в разговоре Христа с самарянкой. Дух был тем, кто помогал поклоняться Христу и Его Отцу. Но как поклоняться Ему самому? Какой-то огромный и важный пласт Богопознания оказывался недостижимым.

То, что личностные особенности Духа могут проявляться только через мои личностные дела и поступки, сделанные по вдохновению, в свободе, а не ставшие результатом определенных положений, обстоятельств или обязанностей, было простой мыслью. Но эта мысль неожиданно оказывалась «китайским языком». Даже спустя несколько лет после того разговора тема личностных проявлений Святого Духа через достигнутую упорным трудом свободу от ветхого себя для меня во многом все еще «китайский язык».

Где Дух Господень, там свобода*. Это простое определение для обнаружения Духа по сей день вызывает вопросы. Я, как человек внутренне несвободный, всегда реагировал на свободу, увиденную мной в других. Это могли быть мои сокурсники в институте или ребята из миссионерской команды. Так каторжник глядит на тех, у кого ноги не скованы цепью. Его мнение о свободе других определяется его собственными кандалами – и отсутствием этих кандалов на других. Соображение, что закованный в цепи может быть свободней, чем те, кто без них, выводит постановку вопроса на иной уровень, где очевидно, что свобода бывает разная.

---

* 2 Кор. 3, 17.

Хронический больной не может говорить о здоровье иначе как апофатически, нащупывая его определение через свою болезнь и ее симптомы. Для него здоровым будет тот, кто этих симптомов не имеет. То, что этот другой может быть не менее болен, чем он, просто у болезни другого иные симптомы, – вроде бы простая мысль, но для ее появления нужно иметь иные базовые установки в своем мышлении. Слепой не может рассуждать как зрячий, больной – как здоровый. Тот, кто не знает, что такое свобода, может иметь лишь домыслы о ней. И воспринимать ее наличие или отсутствие в окружающих исходя из этой своей картинки.

Свобода, свобода!
Как много, как мало
Ты нам рассказала,
Какого ты рода!

– пел когда-то Юрий Шевчук. Трудность определения присутствия Святого Духа упирается в трудность определения подлинной свободы. Как мне видится из сегодняшнего дня, именно таких по-настоящему свободных людей хотели найти в своей реальности русские классики. Их они пытались показать в своих произведениях. Но показать можно лишь то понимание свободы, которое у тебя есть.

Будучи новообращенными, я и мои единоверцы были уверены, что получили при крещении Святой Дух. Если бы нас спросили – какие ваши доказательства? – мы бы не задумываясь назвали такие вещи, как единство, радость, полное отречение от себя. Это не было бы лукавством, такие вещи мы действительно видели в своей жизни. Требовалось накопить большой запас личного опыта, чтоб получить возможность рефлексии над ним. Рефлексия же рождала вопросы, которые нарушали стройность и целостность прежней картины. Происходило постепенное замещение впитанного изначально школьного богословия – опытным. Процесс был стихийным и неуправляемым, конфликтные противоречия, которые возникали, делали его болезненным и драматичным.

Единство в итоге наблюдений и размышлений над ними оказывалось скорее проявлением корпоративного духа. Разница заключалась в том, что духовное единство способно разглядеть *своих* в *чужих*, тогда как человеческие установления могут обнаруживать чужих среди своих. Последнее мы умели, а первое нет. Радость на поверку оказывалась энтузиазмом. Для радости требовался внутренний источник питания, а для энтузиазма – внешний.

Один из феноменов внутрицерковной жизни, объяснения которому я не мог найти, состоял в том, что лидеры, у которых забрали их ответственность по какой угодно причине, став рядовыми членами общины, часто угасали,

из них разом выходил воздух, как из проколотого воздушного шара. Те, чьи глаза горели еще вчера, сегодня выглядели как тяжелобольные. Порой они и вовсе уходили из общины. Отрекаться от себя, как выяснилось, было нетрудно, если у тебя, по большому счету, особо ничего нет. Ни своего жилья, ни семьи, ни положения в обществе, ни своего дела, в которое многое вложено...

Итогом моих блужданий стало признание самому себе, что я до сих пор не готов говорить о Духе. До меня впервые дошло, что за много лет я так и не смог написать ни одного стихотворения, как-то связанного с этой темой. Творчество – безошибочный индикатор, поскольку показывает не главную идеологию, а то, что в сердце. Чтение пустынножителей, наложенное на собственные аскетические и молитвенные усилия, при всей их скромности, все же помогло сформулировать, что присутствие Духа определяется через внутреннюю свободу, а истинная свобода от ее подобия отличается с помощью смирения. У преп. Иоанна Лествичника есть такое высказывание:

Все, хотящие привлечь к себе Господа, приступим к Нему, как ученики к Учителю, с простотою, без притворства, без двоедушия и лукавства, без пытливости. Он, будучи прост и незлобен, хочет, чтобы и души, приходящие к Нему, были просты и незлобивы; ибо кто не имеет простоты, тот не может когда-либо увидеть смирение.

Трезвый взгляд на свое состояние побуждает признать, что я еще не готов говорить о Духе в формате опытного богословия. Что я пока еще не свободен – в подлинном смысле слова. И что смирение для меня всё еще недостижимая цель. На что я способен уже сегодня, сейчас? Пытаться достигать простоты. Удивительно, что иногда это удается.

III

Мы с женой наставляли другую семейную пару. Муж был тем братом, который когда-то подошел ко мне в метро и пригласил на встречу. Из-за разных обстоятельств он духовно упал. Его супруга была той сестрой, о ком я раньше упоминал: это она, получив требование найти занятие по Библии, если не хочет расстаться с лидерством, вышла на улицу и тут же нашла девушку, с которой начала заниматься. Сейчас они оба никого не вели и не учили, будучи в неважном состоянии. Наши встречи с ними были не столько наставлением, сколько увещанием и утешением. Мы видели, что люди опустошены.

Глядя на них, моя жена осознала, что и она сама в таком же состоянии. Она сказала мне: я не могу никого вести, ни о ком заботиться, обо мне самой сейчас нужно заботиться. Сложность ситуации была в том, что если в семейной паре один супруг уходил из служения, второй уже не мог учить других

женатых, так как наставлять одну пару могла только другая пара вместе, а не кто-то один. Жена понимала, что, уходя из служения, она выдергивает из него и меня, но ничего сделать не могла. Это был первый удар.

Следующим ударом было сообщение жены, что она уходит из общины. Но это прозвучало спустя год. А пока встал вопрос – кто же тогда будет учить нас с ней? Решение руководства общины было таким: семейная пара, которую учили мы, теперь будет учить нас. Я помню первую нашу встречу с этой семьей в новом качестве. Мы сели и молча смотрели друг на друга, не зная, о чем говорить. Они не были способны что-то нам сказать. Они это знали, и мы это знали. Наверное, так смотрели друг на друга сидевшие у купальни Вифезда (Иоан. 5, 1-16).

Годом раньше была наша свадьба. Вскоре после нее служители, на которых в общине держалась выстроенная за прежние годы структура домашних церквей, были отозваны. Три семейные пары лидеров уехали в другие города, где, по мнению церковного руководства, они были нужнее. Мы все, живя в «подполье», без официальной регистрации, держались на этих трех семьях, как на живом фундаменте. Каждая из них учила несколько других семей, а те собирали у себя дома свои домашние церкви. Нанесенный урон не смог быть возмещен: уехавшие были в полном смысле слова отцами, которые создали общину своей верой и трудами. Приехавшие вместо них при всем искреннем желании не смогли их заменить. Жена намного сильнее, чем я, зависела от отношений с людьми, и отъезд ее друзей стал ударом, который окончательно подкосил ее, и без того духовно едва стоявшую на ногах.

Изначально заявленной целью в нашей общине было активное обращение страны, отправка команд в другие города. Теперь, из-за очевидной ее недостижимости, эти призывы перестали звучать как основная тема. В уроках и проповедях вектор плавно сместился на удержание заявленного стандарта праведности, чтоб «оставаться светом для остального мира». В этот период псалмы и книги пророков внезапно оказались более близкими и важными для меня, чем новозаветные тексты. Сходство нашего с женой внутреннего ядра проявилось и здесь: она признавалась, что, когда читала Библию, ей отзывались только ветхозаветные Писания.

Важной особенностью ветхозаветных историй было то, что они раскрывали многоплановую историческую панораму. Жизнь персонажей, показанных в многовековом повествовании, особенно в отношении патриархов, можно было рассматривать со всеми подробностями, как в романах новейшего времени и в современных телесериалах. Для меня, обращенного в протестантской традиции, с ее любовью и уважением к Ветхому Завету, эта особенность предания утоляла голод по учителям, которые бы наставляли самым *проживанием*, своей повседневной хроникой. Не открыв еще для себя

общецерковное предание, я сосредоточился на ветхозаветных персонажах. Вполне понимая, что все они – «словесные иконы», которые со своими реальными прототипами имели лишь относительное сходство, я все равно не мог удержаться, чтоб не воспринимать их как живых людей, ассоциируя себя и свои внешние и внутренние обстоятельства то с одним героем, то с другим.

Тогда я еще не был в состоянии размышлять про «обратную сторону Луны»: что без нелюбимой и трезвой обратной связи такое уподобление неминуемо приводит к стилизации и что все хорошие стороны подобной игры перекрывает ее главный изъян – незнание своего истинного лица, закрытого личиной, которую я на себя надел. Сходство в образе того или иного библейского героя со мной, родство его жизненных ситуаций с моими обстоятельствами не помогало узнать что-то важное о себе, не ломало конструкцию прежних представлений, а послушно встраивалось в нее. Но жизнь то и дело напоминала, что это какая-то виртуальная реальность, пусть и выращенная на библейской почве.

Когда семье стало катастрофически не хватать на жизнь, жена высказала мысль, что мне ничего не остаётся, кроме как ехать в Россию на заработки. Эта идея противоречила всем моим внутренним установкам. Я никогда не выезжал надолго за пределы Узбекистана, тем более в статусе трудового мигранта. Для меня принять то, что Бог это допустил, означало разрушить Его образ, с которым я жил прежде. Этот привычный для меня Бог должен был благословить меня там, где я нахожусь. Зачем покидать общину, зачем надолго оставлять семью? Ради чего? Какие аргументы, какие плюсы? И как они восполнят потери?

У меня было несколько месяцев до принятия решения. Всё это время я молился и постился, чтоб увидеть, как Господь ответит на мои молитвы и благословит меня новой работой с бóльшим заработком. Обозначенное время истекало, но ответа не было. Тогда, набравшись смелости, я сказал – если Ты намерен отправить меня в путь, дай знак, без него я не смогу двинуться с места. Пусть за оставшееся время найдутся и работа в Москве, и жилье.

За неделю нашлось то и другое. Я понял, что отступать некуда. До сих пор помню свое состояние на момент отъезда. Наверное, так себя чувствует тот, кто впервые прыгает с парашютом.

С дистанции прошедших лет можно заключить, что разрушенный в результате моего «исхода» прежний образ Бога был рожден «евангелием процветания». Была уверенность, что избранность должна выражать себя во всякого рода благословениях. В успешной миссии, количественном росте уже существующих и в появлении новых общин. И, что особенно важно, – в благословении планов, причем в соответствии с пониманием тех, кто эти планы рождал, в чем именно благословение должно заключаться.

Хотя уже книга Иова показала конфликт реальности с такой трактовкой избранности, – человеческая натура изворотлива и упряма. Я помню, как глубоко и искренне был убежден, что моя вера будет благословлена и я получу все просимое там, где я нахожусь, – ведь мои аргументы безупречны! Проблема была не в аргументации, а в том, что я адресовал свои доводы не живому Богу, а идолу.

У вернувшихся с фронта пробуждаются с удвоенной силой все не вылеченные в довоенное время болезни, затихшие на время войны. Не решенные за прежние годы духовные вопросы и внутренние немощи, заглушаемые постоянным стрессом жизни мигранта, после переезда в Россию и получения гражданства ожили с такой силой, что превратили меня в духовного «инвалида», лишь усилием воли исполняющего привычные обязанности. Бессильным делало отсутствие ответа на вопрос «кто я такой?» – если смотреть на себя, а не на добросовестно исполняемую много лет роль. Не имея ответа на этот вопрос, нельзя было понять, для чего я оказался здесь.

В типографии, где я работал, появилась новая сотрудница. В ходе общения выяснилось, что она – православная христианка, член неизвестного мне православного братства. От разговоров с ней я испытал когнитивный диссонанс: то, что она говорила, куда уместней звучало бы из уст представителя любой протестантской группы. Но у нее на столе стояли иконки, ее речь была полна православных терминов. Мы разговаривали о многом, я рассказывал о себе и своей общине, она делилась рассказами о своем братстве. При этом с ее стороны не было никаких попыток миссионерства – наоборот, она неизменно подчеркивала уважение к протестантской традиции и с восхищением отзывалась не только о православных мучениках за веру, но и о мучениках-протестантах. Я не говорил ей о своем внутреннем кризисе – не по причине закрытости, а потому что не знал, как об этом говорить с другим. Я даже себе не мог толком объяснить свое состояние и сформулировать диагноз.

Сестра всё же увидела, что я полон непонятного для нее, но хорошо ощущаемого хронического страдания, и, не зная, как мне помочь, предложила сходить с ней на открытую встречу, которую устраивали члены ее братства. Незадолго до этого, когда она поздно возвращалась домой с работы, на нее внезапно набросился прохожий и стал избивать. Неизвестно, кто это был, маньяк или психически больной человек, но он свалил ее и нанес ей слишком сильные удары, чтоб она могла подняться и убежать, защищаться у нее тоже не хватало сил. Он, без сомнения, убил бы ее, не появившись поблизости другой прохожий. Это спугнуло нападавшего, и он, бросив жертву, убежал. Она не успела получить критичных для жизни травм, но потом серьезно лечилась. Сложно отделаться от мысли, что это происшествие не было случайностью: если бы ее забили до смерти, не состоялась бы моя встреча с ее

братьями и сестрами. Словно одни силы сделали всё, чтобы этой встречи не допустить, а другие силы вмешались и сорвали их планы.

Я хорошо помню шок, который испытал на той встрече. Дело в том, что в брошюре, по которой в моей общине занимались с людьми до крещения, первое занятие называлось «Что значит быть учеником Христа». Первый отрывок в занятии был из книги «Деяния святых апостолов» и говорил о том, как в Антиохии учеников Христа впервые стали называть христианами. Далее делалось заключение, что христианин – это тот, кто живет как ученик Христа, эта мысль пояснялась на примерах из Евангелия.

Встречу, организованную православными, вели два спикера. Каждый из них в своем выступлении объяснял, что христианин – это ученик Христа, упоминая в числе прочих тот самый отрывок из книги Деяний и раскрывая этот тезис такими знакомыми примерами и аргументацией, что я не понимал, где нахожусь. Выступающие были православными христианами, но стоило закрыть глаза – и вполне можно было представить, что я сижу на собрании в своей евангельской общине.

Во второй части встречи всем присутствующим гостям было предложено начать оглашение в группе у того или иного катехизатора из числа членов братства. Когда я, беседуя с одним из ведущих, рассказал, кто я, он объяснил, что у них оглашение состоит из двух этапов и что протестанты порой тоже приходят к ним на оглашение, но проходят только первый этап, чтоб получить полезные для себя знания, а потом благодарят и уходят. На второй этап оглашения идут те, кто твердо решил войти в православную традицию. Я сказал – хорошо, давайте я пройду хотя бы первый этап. Тогда еще у меня не было ясного осознания, что именно ради этого происходили все события последних лет моей жизни. И не было понимания, что я наконец нашел то, что мне нужно для исцеления. Как слепой, который только-только начал прозревать, я видел от силы на шаг вперед. Мне хотелось узнать что-то о православной традиции от этих людей. Они меня задели за живое, сломав прежние шаблоны представлений.

Наверное, по окончании первого этапа оглашения мы бы по-хорошему расстались. Но тут случилось непредвиденное – жена попала в больницу, ей сделали операцию на ноге, она ходила в гипсе, потом был период восстановления прежней подвижности. Всё это время мне пришлось быть рядом с ней. Эти месяцы я работал удаленно, находясь в Туле и пропуская встречи моей огласительной группы, еженедельно происходившие в Москве. Ребята в итоге перешли на второй этап оглашения, а я «завис», не закончив первого.

И тут сестра, пригласившая меня на первую встречу, снова вмешалась в ход событий и предложила мне присоединиться к другой группе, начавшей оглашение позже, чем моя. Катехизатором в новой группе оказался один из основоположников братства, преподаватель Свято-Филаретовского богословского института. Показав ему на одной из наших встреч журнальные пу-

бликации своих стихов, я с той поры обрел в его лице наставника и в духовном, и в литературном плане. Впервые в своей жизни я встретил человека, в котором эстетическое и духовное чутье были неразрывно связаны. Именно такого советчика мне не хватало прежде. Общение с ним во многом стало причиной того, что, закончив первый этап оглашения, я с его группой перешел на второй.

IV

В одну из моих вахтовых поездок в Москву мне дали послушать композиции группы, которая играла христианское регги. Играли ребята с душой, тексты писал лидер группы (член нашей общины, как мне сказали), он же их исполнял. Я слушал их композиции с удовольствием. Спустя несколько лет папка с их аудиозаписями попала мне на глаза во время разбора архивов. Я начал слушать – и удивился тому, как изменилось восприятие текстов песен. Мелодии по-прежнему были зажигательными. Но смысл того, о чем пел исполнитель, стал восприниматься совсем по-другому. Например, в композиции «Туда» были такие строки:

Я люблю смеяться, я люблю веселиться
и ненавижу состояние, когда мне приходится злиться.
Но всегда найдутся те, кто встревожит мою душу, –
и мои демоны вылезают наружу.

А хочется мира, хочется покоя,
чтобы внутри меня царила гармония
и вместо суматохи – настоящий релакс...
Я знаю, на Небе нам дается такой шанс!

Я жду, когда Небеса меня позовут –
и я открою им душу свою.
И пойду, пойду на их вечный зов,
туда, где ждет меня любовь.

Странна была уверенность исполнителя, что на Небесах его ждет гармония и релакс. Потому что оставалось непонятным: куда денутся его демоны, с которыми он жил до того, как поверил, и которые, судя по тексту, остались с ним и после обращения?

Хотя автор был членом общины, сочинял он свои вещи не для музыкального прославления на службах. Над сочинителем не стоял внутренний цензор. Он писал то, что хотел и как хотел. Но поверхностная декларативность, вступая в противоречие со сложным разнообразием личности, которая к ней прибегала в своем творчестве, начинала «искрить» и трещать. Этот тревожный треск я услышал только теперь.

Когда-то я услышал о том, что мне нужно покаяться. Если кратко выразить то, что под покаянием подразумевалось, то покаяться означало оставить свое прошлое. Перестать делать то, что не угодно Богу, и начать делать то, что Ему угодно. По букве это вполне соотносилось с оригинальным смыслом греческого термина – «развернуться и пойти в правильном направлении». Я прожил бóльшую часть жизни после обращения именно с таким взглядом на покаяние. И всё это время не мог избавиться от когнитивного диссонанса. Моя жизнь с равным успехом свидетельствовала как о том, что я покаялся, так и о том, что я не покаялся. Пришлось придумывать множество объяснений этого феномена. Логически объяснения выглядели серьезно и основательно. Но диссонанс как симптом не уходил. Он чем-то был похож на детский голос в толпе, спрашивающий, почему король голый. Множество взрослых голосов ему отвечало, но он продолжал задавать свой вопрос.

Если использовать военную терминологию, то противостояние плоти и духа осознавалось мной к моменту прихода в православную традицию как позиционный тупик. Борьба с грехом заключалась в объявлении ему войны через факт своего покаяния, проведении линии фронта и последующего стойкого удерживания этой линии. На фронте подразумевались непрерывные бои местного значения. Но речь не шла о глобальном продвижении линии фронта вперед и отвоевании у плоти всё больше территорий, где грех уже не сможет наносить удары и воцарится долгожданный мир. Потому что говорить об освобождении от греха на стратегическом, а не тактическом уровне можно только основываясь на опыте, причем собственном, а не чьем-то.

Накопленный багаж нечистого воображения и мысленно-поведенческих сценариев был противником, победить которого тогда не представлялось возможным. Максимум того, что было в моих силах, – оборонять от его атак, причем не всегда успешно, центральную область сознания, где «степень освещенности» была наибольшей, не имея сил и веры распространить контроль на периферию, уходящую во мрак. Контроль осуществлялся с помощью библейского материала, почерпнутого из проповедей и уроков, а также из разнообразной христианской литературы, посвященной этому разделу. Более-менее удачная оборона центра – на большее я не дерзал. Более того, любая более высокая планка запроса для меня не существовала даже в теории – за неимением примеров тех, кто бы мог эту планку показать на деле, как личный опыт, а не умозрение.

В детстве я захлеб читал «Робинзона Крузо». Уже крестившись, наткнулся на полный вариант книги – и обнаружил, что это отформатированная в жанр приключенческого морского романа притча о блудном сыне. До сих пор помню, как показывал друзьям отрывки, где Робинзон молится за

покаяние Пятницы или где они ведут богословские беседы (всё, что было вырезано в советском издании). А еще спустя лет десять вдруг осознал, что у этого варианта библейской притчи есть подтекст. Герой, как выяснилось, вовсе не покаялся: когда всё закончилось, он опять стал таким, каким был до своего заключения на острове. Пока он был в стесненных обстоятельствах – старался вести себя как подобает христианину. В той же части, где описываются его приключения на материке после возвращения, Робинзон показывает свой прежний облик. В момент раздражения он может Пятницу обругать «собакой». Своего брата во Христе, которого сам же и обратил! Независимо от того, намеренно это было показано или нет, картинка получилась откровенная. Но то, что Робинзон остался ветхим человеком, я увидел лишь тогда, когда осознал, что сам остался «ветхой тварью» спустя десятилетие после своего обращения.

Примите иго Мое на ваши плечи и выучитесь научению Моему, ибо Я кроток и смиренен сердцем, и успокоятся души ваши (Мф. 11, 29). Не счесть, сколько раз я прочел этот отрывок, прежде чем выучил его наизусть, как многие другие евангельские высказывания. Он привлекал силой, огнем и глубиной. Но спустя два десятилетия после того, как я прочел его впервые, я по-прежнему не мог применить его к себе, хотя давно мог цитировать это высказывание, не заглядывая в Евангелие. Точно так же, как мог процитировать слова апостола: *уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20). Процитировать – но не повторить применительно к себе. Потому что в Павле Христос жил, а во мне – нет. Я не мог сказать: придите, научитесь моему смирению и кротости. Во мне был только ветхий я, плюс количество изученного за эти годы материала, не преобразившего прежнюю натуру во что-то качественно иное.

Слова Христа, как я обнаружил, войдя в православную традицию, оказались постижимы через опыт святых, предлагавший такие толкования библейских текстов, которые я не мог родить сам и не мог прочесть ни у кого другого. Нигде прежде я не читал и не слышал, что «смирение рождает рассуждение, рассуждение – рассмотрение, а рассмотрение – прозрение» (преп. Иоанн Лествичник), хотя это не что иное как объяснение сказанного в Евангелии, – не умозрительное, но выношенное. Смирение – состояние ума, того объема мыслей, которые заполняют сознание на протяжении дня. Непрестанная молитва, к которой пришли отцы, важна не как самодостаточная ценность, а как инструмент для работы с мыслями, постепенно расчищающий многолетние завалы и руины.

В пьесе «Крест и приговор», написанной американскими единоверцами, Страшный суд был изображен как знакомый каждому земной суд. Бог-Отец был судьей, Христос – адвокатом, сатана – обвинителем. Бесы и ангелы выполняли, соответственно, роли свидетелей обвинения и защиты.

Такая трактовка делала происходящее для человека, далекого от церкви, вполне понятным.

В пьесе никто из тех, кто вершил судопроизводство, не выходил за рамки своих служебных функций. Бог-Отец был мудрый, всемогущий, замечательный, но – исключительно судья. Христос был ревностный, самоотверженный, беспристрастный, но – только адвокат. Один из обвиняемых, оправдываясь, напоминал, что он не только грешил, но также делал много хорошего, например, жертвовал на храм. На это следовало возражение – увы, в комментариях о мотивах пожертвования указано, что мотивами были тщеславие и утверждение своего «я». В отличие от земного суда, материалом судебного разбирательства здесь являлись не только внешние поступки, но и события внутренней жизни.

Для того, у кого своя правда и свой взгляд на происходящее, какими бы они ни были искаженными, даже посмертный суд – если он окажется именно таким, – не станет моментом истины. Это будет встреча с некой внешней и безличной силой, сколь угодно истинной и верной, но чужой, которая поступит с ним по своему усмотрению. К тому времени, когда я читал текст пьесы, я уже успел прочесть Достоевского. Глава «Русский инок» в «Братьях Карамазовых» еще была для меня запечатанной, как и суждение старца Зосимы о том, что такое ад. («Отцы и учителя, мыслю: «Что есть ад?». Рассуждаю так: «Страдание о том, что нельзя уже более любить».) Путь к этой части романа и к этому пониманию загробной участи еще только предстояло пройти.

Беспокоили не повторяющиеся грехи. Что-то не так было с самой постановкой вопроса: гресишь, но потом исповедуешься – и сохраняешь спасение, по букве Писания (*если исповедуем грехи наши...**). Опять гресишь, опять исповедуешься. Вроде бы всякий раз остаешься спасен. Но подумаешь: вот таким, несвободным от зависимостей и вожделений всякого рода, в итоге войдешь в свет – и каково тебе там будет?

В учении упор делался на то, что там все изменимся (опять же, по букве апостольского послания**), – но что это изменение означает? Если вместо меня вдруг возникнет некто, полностью свободный от всех моих греховных уз, то это всё равно что меня уничтожат, а вместо меня создадут другого, лучшего, – но это буду уже не я! Такой как есть окажись я там – даже юридически прощенный, освобожденный от своей вины, – не смогу в свете быть, попрошусь во тьму или хотя бы в сумерки, где мне будет комфортно...

Похоть любого характера и направленности – наверное, самое яркое свидетельство падшего состояния человека. Это симптом разорванности души, как по ее отношению к внешнему миру и получаемым от него впечатлениям,

---

* 1 Иоан. 1, 9.

** 1 Кор. 15, 51.

так и по отношению к самой себе. Для появления вожделения прежде должно произойти обезличивание реальности, на одну из частей которой похоть направлена. Невозможно испытывать желание обладать *субъектом* – только объектом. Похоть – диагноз того, что сознание ослеплено, отторгнуто от истинной реальности, заперто в некоей матрице, где можно создавать симулякры вместо реальных вещей и испытывать к ним влечение. Бесполезно бороться с диагнозом, пока ты не исцелен от внешней и внутренней объективации, – фантомы, к которым возникает влечение, будут появляться.

Объективация, или, если использовать словарь отцов, «бесчувствие», действует в обе стороны. Испытывающий похоть обезличивает для себя не только ту часть реальности, к которой испытывает влечение, но и ту часть себя, которая поглощена похотью. Поэтому по мере очищения им себя освобождается от отчуждения и внешний мир.

Что такое чистота? Кратко сказать: сердце, милующее всякую тварную природу. Что такое сердце милующее? Возгорение сердца у человека о всем творении, о человеках, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари. При воспоминании о них и при воззрении на них очищаются слезы, от великой и сильной жалости, объемлющей сердце. И от великого терпения умаляется сердце его, и не может оно вынести, или слышать, или видеть какого-либо вреда или малой печали, претерпеваемых тварью (*преп. Исаак Сирийский*).

К такой формулировке чистоты нельзя прийти методом рассуждений. Ее можно только выносить. Одолеть безличное стремление обладать другим можно, участь видеть в любом объекте, вызывающем вожделение, творение Божье, которое нуждается в сострадании. Овладевая темой сочувствия к творению, независимо от того, влечет тебя к нему или отталкивает, можно прийти к тому, что эта тема станет основным мотивом внутреннего и внешнего поведения. Сострадание – то, что будет сохранено в будущем веке, когда прежние мотивы сгорят.

Искушение Христа в пустыне происходит в конце поста, когда из-за телесной слабости Его психофизическая сторона оказывается открытой вторжению во внутреннее пространство души темной стороны «я» с ее настойчивыми предложениями. У Христа, как Богочеловека, не было собственного опыта взаимодействия с этой стороной. В кратком мистическом описании Своего общения с искусителем Он оставил практическое руководство для тех, у кого этот опыт обширный и разносторонний, сознательно поставив себя в такое же уязвимое положение.

Христос не только не принимает предложенные Ему варианты – Он отказывается отвечать из собственного опыта. Он мог бы это себе позволить, не будучи, в отличие от Своих последователей, ослаблен длительной историей соглашений и компромиссов с искусителем. Но Его руководство предназначено для тех, кого подобный опыт сделал слишком немощным, чтоб

полагаться на свои силы. Его ответы посетившему Его незваному гостю основаны исключительно на текстах Писания или, иначе говоря, на опытном богословии других авторов, в котором ветхозаветная церковь увидела действие Святого Духа.

Урок прост – нужно отвечать не от себя, нужно брать содержание ответов у библейских авторов, у отцов Церкви, у святых, древних и новых, пропуская их опыт через свои личные обстоятельства, внешние и внутренние. Механическое цитирование не выручит, не получится и отмолчаться – ведь предложения звучат не извне, а из глубины тебя, на них в любом случае придется ответить, и ответ должен заставить подобный «внутренний голос» стать тише, а не громче. Для этого отношения с авторами, которых ты цитируешь, должны быть очень близкими. И те цитаты, которые ты используешь для ответов, должны быть не случайны. Если ты опознал эти отрывки как ответы на твои ситуации, – они стали частью твоей внутренней жизни. Только поэтому они способны быть живыми и действенными. Отвечая ими, ты говоришь то, что вросло в твой ум и сердце, стало частью тебя.

Грехопадение породило объектное восприятие. Его плодами стали аналитическое мышление и лирика. Лирика – реакция души на осознанный холод дистанции между собой и миром, собой и другими, между собой и собой. Она – разворот зрения внутрь себя, сделанный в результате грехопадения.

Анализ падшим творением своих чувств и впечатлений – по своей сути, плач об утраченной цельности восприятия себя и мира. Именно поэтому на Небесах лирики в привычном для нас понимании не будет – *...ибо прежде прошло* (Откр. 21, 4). Но возврат к цельности детского незнания также невозможен. Что же возможно? Гимнография. В гимне возможно прорваться к цельности путем преодоления себя прежнего, а не игнорированием ветхой сути.

Как будто внутренность собора –
Простор земли, и чрез окно
Далекий отголосок хора
Мне слышать иногда дано.
Природа, мир, тайник вселенной,
Я службу долгую твою,
Объятый дрожью сокровенной,
В слезах от счастья отстою*.

Детская поэзия свободна от лирики. Но в ней нет и гимнов. Взрослые поэты смогли в своих текстах воссоздать восприятие реальности еще не расколотым в результате грехопадения сознанием. Эта целостность познающего себя и мир сознания – главное отличие детской поэзии, независимо

---

* Из стихотворения Бориса Пастернака «Когда разгуляется» (1956).

от тем и сюжетов. Как литературный феномен она имеет дерзновение на вопрос «сочинял ли Адам в раю гимны до грехопадения или все, что он знал на своем опыте, – это лирическая песнь?» – ответить: Адам знал детскую поэзию до грехопадения и лирику после него.

Настоящий Гимн – плод зрелого мировоззрения. Такой Гимн может создать лишь тот, у кого есть ценности, за которые он сражается, готовый умереть, но не сдаться.

В нашей общине под молитвой подразумевалась речь, обращенная к Господу, своими словами и обязательно вслух. Я, крестившись, принял этот взгляд на молитву и прожил с ним много лет. Мне он нравился тем, что молитвенный словарь по умолчанию состоял из тех же слов, что и обиходная речь. Необходимый пафос и торжественность добавлялись по своему усмотрению – в основном, с помощью всякого рода литературных речевых конструкций и употребления книжных слов. Лексический и синтаксический ресурс для таких вставок брался из Библии (как правило, из синодального перевода, благодаря его художественной выразительности). Конечно, безвкусицы хватало – но искренность и естественность искупали собой косноязычие молящихся и бедность их молитвенного языка.

Я научился высказывать в молитве все что было нужно, не испытывая проблем с подбором слов. Содержание молитв, как и всего, что я говорил на собраниях и на встречах разного формата, составляло большой и важный для меня мир. Но этот мир существовал отдельно от остальной части моей внутренней реальности, для взаимодействия с которой у меня не было словесных инструментов. Только произведения искусства, прежде всего литературы, и поэзии в частности, могли говорить со мной об этой моей пока бессловесной сущности. Они напоминали, что она – не аномалия, она очень важна, несмотря на то, что мир тех нарративов, в которых проходила моя общинная жизнь, не имел с ней точек соприкосновения.

Книга неизвестного автора «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу» вызвала у меня оторопь и удивление тем, что абсолютно не вписывалась в сформированный изначально взгляд на молитву. Но своей необъяснимой убедительностью и ненавязчивостью общего посыла она побудила попробовать подобную практику. Медленно, но верно стремление к непрестанной молитве начало разворачивать сознание вовнутрь. Впервые за много лет ум получил возможность сосредоточиваться в себе самом, а «не парить по всей твари» (преп. Исаак Сирийский).

Попытки практиковать непрестанную молитву за срок, неизмеримо меньший по сравнению с прежним опытом, произвели во мне такие изменения, которых я не знал прежде. Одним из внешних проявлений запущенных внутри процессов стало изменившееся отношение к алкоголю.

С детства пример употребления спиртного отцом и его братьями на общих застольях сформировал у меня отвращение к выпивке. И к решению креститься я пришел, не имея за спиной опыта зависимости от алкоголя. Знакомство с проблемой началось во время вахтовых работ в России, когда обнаружилась вся слабость моей молитвенной жизни, и отсюда – неспособность противостоять непрерывному стрессу, наполнявшему жизнь мигранта. Алкоголь позволял сознанию, уставшему от боли и просто вала полученных впечатлений, расслабиться и «поиграть в небытие».

Эта игра прочно вошла в мою жизнь. Я был аккуратен в употреблении спиртного и никогда не доходил до потери контроля над собой. Но после переезда в Россию на постоянное проживание обнаружил, что всё равно нуждаюсь в периодическом «небытии». У стресса поменялись причины – вместо прежних пришли новые. Я хорошо знал, что в доме не должно быть спиртного вообще – если же оно было, то спустя некоторое время таинственно «испарялось» (т.е., я его как-то между делом употреблял).

После полугодовых упражнений в Иисусовой молитве я случайно наткнулся в кладовке на бутылку коньяка и был озадачен находкой, потому что начисто забыл о ней. Такого просто не могло быть прежде – чтобы я забыл про бутылку со спиртным в кладовке. Но факт был налицо: всё это время мысль о коньяке ни разу не приходила мне в голову. До меня впервые дошло, что зависимость рождена не физиологией, а состоянием помыслов, внутренними болью и хаосом, отсутствием мира и тишины.

Эта ситуация стала точкой отсчета. Теперь в доме могло находиться спиртное – и оно не «испарялось». Прежняя боль впечатлений не ушла, но ясность сознания перестала быть проблемой, став самым ценным подарком. Эта ясность была, говоря словами отцов, условием для того рассуждения, цель которого – всматривание, вникание в себя.

«Откровенные рассказы странника» стали неким катализатором, который пробудил во мне процесс наблюдения и размышления над хроникой внутренних событий. Непрестанная молитва, которую я начал неуверенно, а потом все более последовательно практиковать, прежде всего освободила меня от потребности в спиртном.

Но основные следствия были глубже: впервые за всю жизнь я начал видеть картину своих мыслей, чувств, реакций, побуждений, помыслов, искушений. Происходило знакомство со своим внутренним обликом, невидимым никому – и даже мне самому до сих пор.

V

О моем оглашении у православных быстро узнали все мои друзья и знакомые из прежних единоверцев. Я не скрывал своих новостей, напротив, старался подробно рассказывать о всех этапах воцерковления. На мно-

гие возникающие у слушателей вопросы было сложно дать личные ответы (еще не было нужного объема внутреннего опыта), – его отсутствие я компенсировал, добросовестно цитируя всё, что слышал от новых учителей. То и дело у кого-нибудь возникало желание встретиться с моими новыми друзьями из православного братства. Кто-то приходил в индивидуальном порядке, кто-то собирался группой, заранее обдумывая темы и вопросы для предстоящей встречи.

В какой-то момент братья и сестры, которые встречались с моими прежними единоверцами, заметили любопытную особенность. Несмотря на то, что гости приходили на такие встречи, как правило, без предубеждения и в итоге этих встреч не получали негативного впечатления, дальше этого дело не шло. Хотя у каждого из тех, кто приходил, была своя духовная «история болезни» и свои личные обстоятельства, ни один из приходивших, в отличие от меня, не изъявлял желания сделать следующий шаг.

В конце концов сестра, которая когда-то меня привела на огласительную встречу, призналась: было такое ощущение, что сейчас случится исход духовно жаждущих людей из твоей прежней общины. Потому что по этим встречам было видно, как там много таких изголодавшихся. Но ты, похоже, оказался каким-то удивительным исключением.

«Где же зарыта собака, – спросят меня, – в чем преткновение?». Могу ответить только из своего опыта. По сравнению с тем, кто приходит в православную традицию из мира, протестанту нужно пройти значительно более трудный и сложный путь. Используя образ Клайва Льюиса, ему, чтоб продвинуться вперед, нужно вернуться назад. И чем дальше назад он вернется, тем дальше вперед сможет в итоге углубиться. Ему придется пересматривать все свои прежние воззрения и весь свой прежний опыт. Поскольку то и другое за много лет стало его неразрывной частью, – труд предстоит огромный. Переучиваться тяжелее, чем учиться. Потребуется много времени, терпения и усилий.

Даже несмотря на искренний интерес к иному преданию и отсутствие предубеждения против него, несмотря на ясное понимание, что еда, к которой ты привык, давно не насыщает, сделать после первого шага последующие – крайне сложная задача. Для этого нужен очень серьезный личный мотив. Скажу больше – необходимо чудо. Но чудо нельзя планировать и заранее включать в расчеты. Чудо всегда неожиданно, но никогда не случайно. Оно – всегда ответ. Ответ подразумевает вопрос, причем такой, за ответом на который человек готов идти три поприща и отдать не только верхнюю, но и нижнюю одежду.

После воцерковления моя френдлента в соцсети изрядно пополнилась. Читая публикации новых друзей и обсуждения под ними, я обнаружил, что посты комментировали не только те, кто состоял в их общине, но и те, кто

когда-то был в ней, а потом ушел. Содержание того, что писали ушедшие, вызывало ощущение дежавю: подобное я уже не раз читал и слышал. В моей прежней общине кто-то мог уйти вскоре после крещения, а кто-то уходил спустя много лет. Кто-то уходил тихо, кто-то – «хлопая дверью». Не всегда уход был связан с нераскаянным грехом. Порой ушедшими оказывались «оппозиционеры и диссиденты», не сумевшие донести свой взгляд на проблемы в общине до ее руководства. Когда я разговаривал с «ушельцами», в глаза бросалась любопытная особенность: если уход случился давно – человек как будто говорил со мной из прошлого, а не из сегодняшнего дня. Несмотря на то, что жизнь давно ушла вперед, его мысли о церкви были обращены к той реальности, которую он помнил на момент ухода. Она словно законсервировалась для него.

Хотя тут был иной дискурс обсуждений и ссылки на другие события и ситуации, общий настрой был хорошо знаком. Каким бы правым себя ни считал ушедший, с каким бы жаром ни защищал справедливость, по его убеждению, попанную там, откуда он ушел, – внутреннее состояние, как температура у больного, лишало взгляд реального видения, искажая картину, которую он заявлял как единственно верную. Немирный дух не позволял вести диалог, маркируя услышанные мнения как заведомо ложные, если они не резонировали с его собственным. У тех же, кто ушел, сохранив благодарность к прежнему месту, к людям, оставшимся там, и к той части своей жизни, которая была прожита с ними, оставалась возможность, оглядываясь назад, видеть рисунок событий в ненарушенных пропорциях и взаимосвязях.

В какое бы христианское сообщество человек ни пришел, его опыт представляет собой ценность для других, если посмотреть на этот опыт без предубеждения. Но свидетелю нужно никогда не забывать про опасность оказаться «пришельцем из прошлого». Преодолеть субъективность и фрагментарность своего свидетельства возможно, – всё упирается в необходимую для этого чистоту зрения.

За несколько лет до своего воцерковления я добавил в ФБ-группу единоверцев, о которой речь шла выше, одного православного христианина, о котором тоже прежде упоминал. Сделать это меня побудило предварительное общение с ним в своем блоге. Он, зафрендившись со мной, часто комментировал мои посты, далеко не всегда соглашаясь с тем, что я писал. Из общения с ним я узнал, что до принятия православия он был протестантом. Однажды, когда я читал его комментарии, мне в голову пришло, что полезно будет добавить его, православного христианина, в протестантскую группу, хотя на тот момент это был уникальный прецедент. Я верил, что у инициативы будут хорошие плоды.

После того как он начал там активно себя проявлять, до остальных

участников обсуждений группы стало доходить, что он – другой конфессии и что многое из того, что он пишет, противоречит их взглядам и убеждениям. Начались бурные дискуссии. И я неожиданно для себя увидел, как многие из единоверцев нападали на моего протеже, причем нападали агрессивно и эмоционально, переходя на личности, унижая его, порой доходя до оскорблений. Такого я от своих не ожидал. Но еще поразительней была его реакция на это всё. Он всегда отвечал мирно. Было видно, что он не притворяется. Как-то очень легко он отделял в каждом из комментариев содержательную часть от эмоций и отвечал по существу, спокойно и уважительно.

Я и сам часто возражал тому, что он писал. Но меня поразила эта его особенность. Я знал про себя, что не смог бы на некоторые комментарии отвечать *так*, как отвечал он. И это честное признание граничило с искренним изумлением: согласно моим воззрениям на тот момент, я был в доктринально «правильном» месте, а он – в «неправильном». Почему в нем было то, чего не было во мне?

В старом американском фильме «Танцующий с волками»^{*} шаман племени сиу, узнав, что рядом с ними в заброшенном форте поселился и живет белый человек, пригласил к себе в вигвам женщину, жившую в его племени. Когда она была маленькой, ее белые родители-переселенцы погибли в стычке с одним из индейских племен, и сиу ее удочерили. «Ты же помнишь что-то из языка белых, – сказал он, – помоги мне поговорить с пришельцем». Она стала отказываться, сказала, что боится, а когда он начал настаивать, со слезами выбежала из вигвама. Он выскочил следом за ней и наткнулся на свою жену. «Она будет разговаривать с белым?» – спросила та. «Нет, – ответил шаман, – упрямая, не хочет». – «Но плачет она, а не ты, – сказала ему жена, – так кто же из вас упрям?».

Искренняя настойчивость новообращенного Савла в стремлении открыть другим глаза после того, как они открылись (в буквальном смысле тоже) у него, а главное – результаты его первых попыток вызывали странную аналогию с этим эпизодом из фильма. Да, конечно, от Савла никто в слезах не убегал. Наоборот, это ему приходилось исчезать с помощью других учеников от последствий своего благовестия иудеям.

Читая в первый раз Деяния Апостолов, я думал о первых проповедях Савла – вот это огонь! Вот это смелость! Сразу начать проповедовать так, что тебя хотят убить...

Потребовалось стать в каком-то смысле Савлом для прежних единоверцев, чтоб осознать – не всякий огонь хорош. Не помог даже опыт участия в дискуссиях между протестантами, принявшими православие, и другими протестантами. Я, читая то, что писали первые, думал – нет, вот так не надо.

^{*} «Танцующий с волками» (Dances with Wolves) – фильм американского режиссера Кевина Костнера (1990).

Михаил КАЛИНИН. Дотронься если хочешь

И когда сам оказался в их положении, напоминал себе: никакого высокомерия, осуждения, никакого учительства. Максимальная скромность, терпение и мягкость. Но почему-то реакция на то, что я говорил и писал, была резкой и непримиримой. Плодами заявленной мной темы и вызванной ею дискуссии было что угодно – но только не мир.

Проблема была не в глухоте слушающих меня, а в моей «неочищенной закваске». Приняв новое вероучение, я остался собой прежним – тем, кто по прежней привычке переговоры рассматривает как миссионерскую задачу, цель которой – донести до другого неверность его убеждений. Просто вектор задачи развернулся в другую сторону. Люди этой настрой ощущают сразу и реагируют на него предсказуемо. Не так легко оказалось принять, что на пути, который я выбрал, свидетельствуют в первую очередь не словами, а событиями. Нужны не проповеди и не лекции, а честный отчет о процессе своего прозрения. Но этот процесс идет с черепашьей скоростью. Зрение – слишком тонкая, сложная и уязвимая тема.

Окончание следует.

АВТОРЫ НОМЕРА

БИДЕР Марцин – историк Церкви, ксендз; с 2017 по 2025 гг. работал доцентом в Университете естественных и гуманитарных наук в Седльце, сначала на кафедре права, затем – в Институте политологии и администрирования факультета социальных наук. Автор многочисленных публикаций в области истории права и канонического права в Средневековье.

ДЖУМАЕВ Александр – музыковед, востоковед. Кандидат искусствоведения. Автор более 200 научных статей, опубликованных в Узбекистане, Великобритании, Германии, России, США. Ведущий научный сотрудник Института культурологии и нематериального культурного наследия при Министерстве культуры Республики Узбекистан. Живет в Ташкенте.

КАЛИНИН Михаил – поэт, эссеист. Работал редактором в издательствах «Укитувчи», «Узбекистон». Публиковался в журналах «Арион», «Звезда Востока», «Интерпоэзия» и других. Автор нескольких поэтических сборников. Живет в Туле.

КЛИМОВА Галина – поэт, переводчик, прозаик. Секретарь Союза писателей Москвы, член Международного союза журналистов. Автор четырех книг стихов. Завотделом поэзии журнала «Дружба народов». Живет в Москве.

Иерей Сергей КРУГЛОВ – клирик Спасского кафедрального собора г. Минусинска (Россия). Поэт, публицист. Лауреат премии Андрея Белого, премии «Московский счет» и других. Живет в Минусинске.

МИХАЙЛОВА Наталия – поэт, прозаик. Автор сборника короткой прозы «Скорее бы прилетели комары!» (2007). Публиковалась в журналах «Нева», «Звезда», «Воздух», «Prosōdia» и др. Работает преподавателем изобразительного искусства. Живет в Санкт-Петербурге.

СЛЕСИНСКИЙ Роберт (Fr. Robert F. Slesinski) – доктор философии, священник (на покое) епархии Пассеик (Нью-Джерси). Автор шестнадцати книг и многочисленных публикаций по истории русской философии начала XX века.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Восток Свыше» принимает к рассмотрению на предмет публикации материалы (статьи, эссе, воспоминания, художественную прозу, архивные документы) по следующим темам: история Православной церкви (в целом и в Средней Азии в частности); Православие в современном мире; Православие и Ислам в межрелигиозном и межкультурном диалоге; история, культура, этнография Средней Азии.

Материалы принимаются в электронном виде (в формате Microsoft Word) по адресу: vostok_svyshe@mail.ru.

Поскольку в штате редакции не предусмотрен оператор компьютерного набора, материалы в виде рукописи принимаются только в особых случаях в порядке исключения.

Проверка редакционной почты – каждый понедельник. Редакция высылает на указанный автором электронный адрес краткое уведомление о получении рукописи. В течение двух недель с момента отправки уведомления автору отправляется второе письмо – о принятии материала к публикации либо об отказе.

Все материалы, поступающие в редакцию, проходят экспертизу с целью исключения плагиата.

Редакция также не принимает к публикации прежде опубликованные тексты (в печатных изданиях или интернете); исключение может быть сделано только для материалов, существенно переработанных (например, снабженных новыми комментариями или примечаниями).

В некоторых случаях редакция может обратиться к членам редакционного совета для внутреннего отзыва. Присланные материалы не рецензируются; материалы, полученные в виде рукописи, не возвращаются.

В случае отказа в письме указывается его основная причина; редакция оставляет за собой право не вступать в дальнейшие письменные или устные переговоры с автором отклоненного материала.

В отдельных случаях редакция может предложить автору доработать материал (сократить, дополнить и т.д.) либо принять сокращения, предлагаемые ею.

После редактуры и корректуры автору высылается последняя версия материала на утверждение. Автор в течение не более пяти календарных дней знакомится с этой версией и присылает в редакцию письменное подтверждение и (или) версию с последней авторской правкой, выделенной цветом.

В случае неполучения ответа редакция оставляет за собой право опубликовать материал без подтверждения.

Гонорары авторам не выплачиваются; предоставляется один авторский экземпляр журнала. Иногородним или зарубежным авторам авторский экземпляр передается с оказией или высылается по почте.

Номера «Востока Свыше» реализуются в церковных лавках при православных приходах Узбекистана. Полная электронная версия журнала (PDF) доступна на официальном сайте Ташкентской и Узбекистанской епархии (http://pravoslavie.uz/archdiocese/department_diocese/ePress/Easter/Archive/index.php); электронная версия каждого номера выкладывается не ранее, чем через три месяца после выхода тиража журнала (и не позднее выхода из типографии следующего номера).

Требования по оформлению статей

Шрифт Times New Roman, кегль в основном тексте – 12, в сносках – 11. Междустрочный интервал одинарный.

Буква «ё» используется только в тех случаях, когда замена на «е» недопустима (например, в фамилиях); во всех остальных случаях – только «е».

Годы обозначаются арабскими цифрами, а не словом (например, «в 1960-е годы», а не «в шестидесятые годы»). Века обозначаются римскими цифрами. Слова «год», «век» и их производные пишутся полностью; в сносках могут сокращаться («г.», «в.»).

Для выделения цитат используются кавычки-елочки («...»). Если внутри цитаты имеются закавыченные слова, они помещаются в кавычки-лапки ("..."). Пропуски в середине цитат отмечаются многоточием в угловых скобках (<...>), в начале и в конце – многоточием.

Цитаты из Священного Писания Ветхого и Нового Завета приводятся в Синодальном переводе; ссылки на них состоят из сокращенного обозначения в круглых скобках библейских книг и указаний на главы и стихи. Пример: (Мф. 5, 47); (Мк. 2, 5-7).

Указания на другие использованные источники приводятся после цитаты или упоминания в виде концевой сноски. Знак сноски (¹, ², ³ и т.д.) ставится перед знаком препинания (точки, запятой, точки с запятой), кроме многоточия.

Сноски оформляются следующим образом:

Для цитаты из книги:

Успенский Л. Богословие иконы Православной Церкви. – Переславль: Изд-во братства во имя св. князя Александра Невского. 1997. С. 104.

Для цитаты из статьи в журнале:

Веселовский Н.И. Новые материалы для истории Кокандского ханства // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 248. С. 175.

Для цитаты из статьи в газете:

Алексеев В. Житие отца Василия // Комсомолец Узбекистана, 2 марта 1966 г. С. 3.

Для цитаты из собрания сочинений:

Бунин И.А. Из записей // *Бунин И.А.* Собр. соч. в 9 тт. Т. 9. – М.: Художественная литература, 1967. С. 288–289.

Для цитаты из сборника статей:

Флыгин Ю.С. Туркестанский восемнадцатый год. Своеобразие конфессиональной ситуации // I Пасхальные чтения. Традиции дружбы народов России и Средней Азии на протяжении веков. Сб. мат. – Бишкек, 2013. С. 106.

Харджиев Н.И. Неизданная книга Маяковского «Для первого знакомства» // *Харджиев Н.И.* Статьи об авангарде. В 2 тт. Т. 2. – М.: RA, 1997. С. 150.

Для цитаты из изданной за рубежом книги:

Bardaisan. Book of the Laws. Ed. H.J.W. Drijvers. – Assen: Van Gorcum, 1965. P. 61.

Для цитаты из архивного источника:

Архив Ташкентской и Узбекистанской епархии (АТУЕ). Оп. 2. Д. 15. Л. 4.

Государственный архив города Ташкента (ГАГТ). Ф. 30. Оп. 1. Д. 315. Л. 21об.

Для цитаты из Интернет-источника:

Никольская Т.М. Иконописный образ, его семантика и символика // Аналитика культурологии. 2011, № 1 (19) (URL: www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/670-icon-painting-the-image-of-his-semantics-and-symbols.htm)

Восток Свыше

Духовный, литературно-исторический журнал
Выпуск LXVII
№ 1-2, январь-июнь 2025.

Главный редактор **Евгений Абдуллаев**
Литературный редактор **Лейла Шахназарова**
Верстка и дизайн **Александра Аносова**

Журнал зарегистрирован в Агентстве печати и информации Республики Узбекистан
Reg. № 02-15

Подписано в печать . . .2024 г.
Печать офсетная. Формат 60x84¹/₈. Тираж 1000.
Заказ № (от . . .2024).

Адрес редакции: Ташкент, 3-й тупик Азимова, 22.
Телефон 233-33-21.

Отпечатано в ИПК «GLOSSA»
100015, г. Ташкент, ул. Авлиё-Ота, 93.

www.pravoslavie.uz

ISSN 2010-5568